

**КУНСТКАМЕРА  
(1714-1836):  
К 300-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО  
АКАДЕМИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**



## **СОДЕРЖАНИЕ**

- ПЕТЕРБУРГСКАЯ КУНСТКАМЕРА – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ МУЗЕЙ XVIII В.
- ЭКСКУРСИЯ ПО МУЗЕЮ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.
- ПУТЕШЕСТВИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЕВРОПУ И ПОДГОТОВКА РЕФОРМ НАЧАЛА XVIII В. В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
- ОСНОВАНИЕ КУНСТКАМЕРЫ. 1714 Г.
- КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ
- КУНСТКАМЕРА В СТРУКТУРЕ АКАДЕМИИ НАУК
- АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КУНСТКАМЕРЫ
- ЗДАНИЕ КУНСТКАМЕРЫ
- ЭКСПОНИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ
- ДИРЕКТОРА КУНСТКАМЕРЫ
- ОПИСАНИЯ КУНСТКАМЕРЫ

# **ПЕТЕРБУРГСКАЯ КУНСТКАМЕРА**

## **– УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ МУЗЕЙ XVIII В.**

### **ВВЕДЕНИЕ**

Представим себе Санкт-Петербург в первые годы XVIII века: не город, а стройка. На почти пустом болотистом месте, по берегам полноводной реки русский царь возводит новый город. Нужны жилые дома для простого люда, дворцы для знати, стучат топоры в Адмиралтействе на постройке кораблей, разбиваются сады, мостятся улицы, для чего каждый житель города должен собрать по 100 камней [1]. Со всей страны свозятся работные люди, чтобы строить новую столицу Российского государства. В 1710 году по указу царя 4720 мастеровых должны быть переведены на берега Невы «на вечное житье», в 1714 г. – 350 дворян, 300 купцов и 300 «мастеровых людей всех художеств» [2]. Тут и там слышна иностранная речь: русский царь нанял в разных странах архитекторов, садовников, моряков, строителей. Сам Петр I вникает во все детали строительства города. Не забудем, что в это же время идет война России со Швецией, которая продлится 20 лет (1700–1721 гг.), постоянные сражения с Турцией, к тому же беспокойно и внутри страны [3]. Но война со Швецией ознаменована уже блестящей Полтавской битвой в 1709 г., в ходе Прутского похода Петра в 1711 г. заключен мирный договор с Турцией, в 1714 г. шведский флот потерпел поражение при Гангуте.

### **МУЗЫ И НАУКИ ПРОДВИГАЮТСЯ К СЕВЕРУ**

На фоне сражений, битв, ломки старого и построения нового из Москвы из Аптекарской канцелярии [4] привозятся книги и «натуралии», анатомические препараты, книги личной библиотеки царя, к которым добавляются книги из готторпской библиотеки герцога Голштинского. Все это складывается в только что построенный (1714 г.) для царя архитектором Д. Трезини каменный Летний дворец. Смотрение за книгами и натуралиями было поручено лейб-медику Петра, президенту Аптекарской канцелярии, шотландцу, приехавшему в Россию в 1704 г., Роберту Арескину. Однако в качестве лейб-медика Арескин должен был сопровождать царя в военных

походах, поэтому разбор книг и препаратов, привезенных из Москвы в Санкт-Петербург, он перепоручил переводчику Аптекарской канцелярии, молодому эльзасцу Иоганну Даниилу Шумахеру. Было это в 1714 году. Именно с этого года многие ученые и ведут отсчет существования Кунсткамеры и Библиотеки.

Создание Кунсткамеры связывают с тем опытом и впечатлениями, которые получил русский царь во время своих зарубежных путешествий (первое пребывание за границей в 1697–1698 гг., второе – в 1717–1718 гг.). С этим трудно не согласиться. Сами путешествия, как известно, были вызваны политическими и военными интересами России. Одной из важнейших политических задач было создание образа меняющейся России и ее просвещенного царя.

На решение ее были направлены усилия русских дипломатов, комиссионеров, издателей, газетчиков. Статьи о новой России появлялись на страницах европейских журналов. Уже в 1706 г. «Journal de Trévoux» писал, что музы и науки продвигаются к северу, «где царь Петр Алексеевич, правящий ныне, утвердился в намерении просветить свое государство» [5]. С этой точки зрения создание музея, для которого приобретались коллекции, которыми дивилась вся Европа, как нельзя лучше служило новому образу России, формировавшемуся в европейском общественном мнении. Создание диковинки, нового чуда света было продиктовано стремлением изменить взгляд на Россию на внешнеполитической арене, а не просто обывательским интересом.

#### «АЗ ЕСМЬ В ЧИНУ УЧИМЫХ И УЧАЩИХ МЯ ТРЕБУЮ»

Уже в первое свое путешествие Петр познакомился с музеем Королевского общества в Лондоне, дрезденской, многими голландскими кунсткамерами и кабинетами натуралий. Он был в Амстердаме у Якоба де Вильде (Jacob de Wilde), собирателя древностей, монет, медалей, гемм; познакомился с кабинетом натуралий знаменитого анатома Фредерика Рюйша (Frederik Ruysch), осматривал анатомический музей в Лейдене у профессора Германа Бургаве (Herman Boerhaave), конечно, знал собрание амстердамского бургомистра, ученого, коллекционера, своего друга и советчика Николааса Витсена (Nicolaes Witsen), посетил архитектора Симона

Схейнфута (Simon Schynvoet), владевшего собранием древностей, монет и естественнонаучным кабинетом.

После возвращения из первого путешествия Петр не только переписывался с новыми знакомыми, но и как настоящий собиратель обменивался натуралиями из России. Из письма Фр. Рюйша русскому царю от 16 июля 1701 г. известно, что Петр отправил в Амстердам Н. Витсену спиртовые препараты ящериц и каких-то червяков с тем условием, чтобы тот поделился с Фр. Рюйшем. В благодарность амстердамский анатом послал в Россию «1) вельми удивительную ящерицу с острыми чечюями; 2) малый лигван, имея зеленое брюхо из западных Индия; 3) рыбка из острова Каракуас <...>; 4) двоеглавную змию оттуда же; 5) восточной Индии сверчок» и т.д. – всего одиннадцать насекомых, змей и ящериц. В письме Фр. Рюйш напоминает, что будучи в Амстердаме царь записал «в памятной книжице» просьбу анатома о присылке двух выделанных человеческих кож. Амстердамский профессор не только просит прислать ему также «червяков с желтыми пятнами <...>, всяких жучков, пружии, великие мухи, оводы» и т.д., но и инструктирует царя, как лучше все это «богатство» сохранить: «Аще лучится впредь таких собрать в ящик и надлежит их кормить свежими листьями, на которых они живут. И тако мочно видеть, как они переменяются по немногие дни повращаются в бабочки. Сию бабочку, аще булавкою проткнешь и укрепишь, дабы она висела, потом ящик засмолить, дабы их никакая гадина не испортила...Таким же подобием мочно и иных больших червяков убрати. Мы не сумняемся, на Москве многия такая удивительная бабочки и иные всякие гадины изобильно обретаются» [6]. Это очень интересное письмо. Во-первых, мы узнаем, что русский царь посылает амстердамским коллегам по собирательству российские препараты; во-вторых, что интересуется профессор Рюйша; в-третьих, как амстердамский анатом инструктирует Петра Великого; наконец, письмо свидетельствует, что Петр знал, а, может, по просьбе Рюйша, и наблюдал метаморфозы насекомых. В 1717 г. он и Р. Арескин купят в Амстердаме акварели знаменитой Марии Сибиллы Мериан, на которых эти превращения изображены столь искусно и со знанием дела, что явили Петру великолепное соединение науки и искусства. Акварели на пергаментных листах до сих пор, почти через 300 лет после их создания, поражают каждого, даже далекого от науки или искусства,



человека. Эти купленные в Амстердаме акварели также поступили в Кунсткамеру.

Из документов Архива РАН в Петербурге узнаем, что в 1716 г. из Копенгагена Петр послал всякие раритеты, «которые принято принять и посмотреть» И. Шумахеру, для чего последний просил у светлейшего князя Александра Меншикова «две коморки, где оныя вещи убрать».

В 1716 г. приобретено собрание «доктора Готвальда, которое большою частью состояло в минералах, раковинах и драгоценных камнях купно с великим числом всяких цветов и видов янтарей, между которыми во многих кусках заключаются насекомые или другие царств животных и растений предметы» [7].

Результатом переписки и путешествий Петра за границу стала покупка в 1717 г. собраний Фр. Рюйша и голландского аптекаря Альберта Себы [8].

Знаменитые тезаурусы профессора Фр. Рюйша были привезены в Санкт-Петербург. И. Бакмейстер писал: «Вещи первого отделения сего собрания простирались сверх 1000 и состояли в зверях, птицах, крокодилах, ящерицах, змеях и других земноводных животных (amphibia); в несчетном множестве насекомых и бабочек; и в собрании нескольких тысяч чужестранных высушенных трав. Второе отделение содержало славные анатомические препараты г. Рюйша, которые искусным их приуготовлением снискали изобретателю онаго бессмертную славу. Петр Великий купил сие собрание за 30 000 гульденов, и приказал доктору Блюментросту перевезти оное в Санкт-Петербург» [9].

Приобретенный кабинет А. Себы представлял собой универсальное собрание. Тут были хранимые в спирте всякие зверьки, рыбы, большая коллекция пресмыкающихся, множество любопытных искусственных вещей: японский кабинет, украшенный ажурной резьбой по слоновой кости, китайская обувь, колчан со стрелами, японская мухобойка, двенадцать римских цезарей из свинца в круглых рамах, микроскоп, фигуры из воска, фигурки зверей, людей и т.д.

Собирались и российские коллекции. Как уже сказано, часть натуралий прибыла из Москвы из Аптекарской канцелярии и была российского происхождения. Дело создания таких препаратов было

поставлено Петром I на государственную основу, так же, как и создание госпиталей и госпитальных школ. Россия вела войны, и для лечения раненых необходимы были доктора, которых надо было учить. Так анатомия и хирургия приобретали важное государственное значение.

Именные указы 1704 и 1705 гг., относящиеся к Москве и московскому уезду, требовали, чтобы повивальные бабки сообщали о рождении уродливых младенцев священникам, а те в Монастырский приказ [10]. Специальным именованным указом от 13 февраля 1718 г. предписывалось присылать «родившихся уродов» за вознаграждение уже в Петербург, а за утаивание их полагался штраф.

Тем же указом необходимо было и найденные в земле старые вещи (каменья необыкновенные, кости человеческие и скотские, старые надписи на каменьях, железе или меди, старое ружье, посуду), все, что «зело старо и необыкновенно», собирать и сдавать за плату [11]. Государственный статус создаваемой Кунсткамеры несомненно являлся одной из тех особенностей, которые отличали петербургскую Кунсткамеру от других европейских собраний подобного типа.

Нельзя игнорировать и тот факт, что философскую основу имело и первое направление в формировании фондов музея. Стремление собирать примеры отклонений от нормы и сосредоточение их позднее в музее не было странной прихотью царя, а шло в русле философских идей Френсиса Бэкона, изложенных им в «Новом Органоне» в 1620 г. как новая методология познания природы [12]. Первоначальной задачей любой науки утверждалось создание своеобразного музея наблюдений и «отклоняющихся примеров», которые призваны очистить разум от «идолов», стоящих на пути познания. Бэкон призывал коллекционировать необычные явления природы вплоть до аномалий. Несомненно, что в России с идеями Бэкона были знакомы еще в первое десятилетие царствования Алексея Михайловича, совпавшего с эмиграцией в Россию высшей аристократии Шотландии, в числе которых был и Вильям Брюс, отец будущего сподвижника Петра Якоба Брюса. Генерал-фельдцейхмейстер, инженер и ученый Я. Брюс сам составил кабинет редкостей и библиотеку, которые после его смерти поступили в Кунсткамеру и в Библиотеку Академии наук. Последователем Бэкона был и уже известный нам первый смотритель Кунсткамеры Роберт Арескин. И Р. Арескин, и Я. Брюс сопровождали Петра во время его первого заграничного путешествия, и трудно

представить, что те или иные посещаемые ими собрания и кабинеты натуралий и редкостей не обсуждались в кругу единомышленников.

### ИЗ ЛЕТНЕГО ДВОРЦА В КИКИНЫ ПАЛАТЫ

Собрание «натуралий» и «артифициалий» росло. Летний дворец, рассчитанный на жизнь семьи царя, а не на музейные собрания, был мал. В 1718 г. И.Д. Шумахер получает распоряжение – вещи, которые предназначены для «Куншт-каморы», положить «для сохранения» в доме Александра Кикина, или в «Кикины палаты» [13].

После починки дома в 1719 г. Кунсткамера и Библиотека были перевезены в наскоро приспособленное для них здание. Из зимних записей 1718 г. нового лейб-медика Л.Л. Блюментроста [14], которому было поручено «смотрение библиотеке и собранным натуральным и прочим раритетам», мы узнаем о том, что библиотека и кунсткамера имеют штат сотрудников: библиотекарь и смотритель всяких раритетов и натуралий И. Шумахер, для смотрения за натуральными вещами и перемены «винного» аптекарский гезель (помощник или ученик аптекаря) Балтазар Шталь, переплетчик Христофор Битнер с подмастерьем. Разросшееся собрание требует новых работников: по мнению смотрителя, нужен столяр, а также 4 человека для топки печей и уборки [15]. В 1718 г. Петр посетил Кунсткамеру: «Принес с собою полкаравай окаменелого хлеба, подаренной ему в Копенгагене, где хранится другой полкаравай, также некоторой род деревянных употребляемых в Лопарии котлов, которые он потребовал в замену хранившихся в кунст-камере того города русских лаптей» [16].

С этого времени, с 1718–1719 гг., собрания Кунсткамеры становятся доступными для публики. По свидетельству Я. Штелина, Петр приказал: «поелику все в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить показывая и изъясняя вещи» [17]. Книги же из Библиотеки выдавались и раньше. Есть свидетельство, что в 1715 г. Лоренцу Лангу был выдан словарь П. Бейля «*Dictionner critique et historique*» [18]. К этому времени относится и энергичное пополнение Кунсткамеры и Библиотеки. В 1717 г. в Библиотеку поступили книги А.А. Виниуса, сподвижника и ближайшего друга Петра I, в 1718 г. в Англии приобретена библиотека Арчибальда Питкарна (1906 томов), после смерти Р. Арескина в 1719 г. – его библиотека (2527 томов). В 1726 г.



Кунсткамера пополнилась собранием натуралий (раковинами и минералами), купленным Петром еще при жизни [19].

#### «В ПОСЕЩЕНИИ МУЗЕЕВ ТРУДА НЕ ЖАЛЕЛ»

В феврале 1721 г. И.Д. Шумахер был отправлен в заграничное путешествие. Инструкцией ему служил документ под названием «Пункты о том, что библиотекарю Шумахеру чрез путешествие его в Германии, Франции, Англии и Голландии учинять» [20]. Первым пунктом записано: «Надлежит ему попечение иметь во всех кунст каморах в помянутых государствах порядок в них прилежно примечать и смотреть в чем они от его царского величества кабинета разнятся. И ежели что-нибудь обретается, что в здешней кунст каморе нет, то как возможно каким образом то получить можно» [21]. Следующий пункт был о библиотеках, которые тоже необходимо было посещать и узнать, не продается ли где «изрядная библиотека». Шумахер должен был покупать математические, физические, медицинские («зубные» и хирургические) инструменты. По тому, как подробно и со знанием дела написана инструкция, можно предположить, что в составлении ее принимал участие сам Петр. Вернувшись в 1722 г. в Петербург, И. Шумахер написал подробный отчет о выполнении предписанных ему «Пунктов...», в котором, в частности, читаем: «В посещении музеев времени, труда и убытков я не жалел: когда о некотором услышал, то тщился оный смотреть» [22], – но, пишет Шумахер, вряд ли найдется в Германии, Голландии, Франции и Англии музей, который Петр уже не видел бы. Царский библиотекарь, имеющий под своим смотрением большие петербургские коллекции, мог сравнивать виденное с Кунсткамерой Петра. Кабинет разных натуралиев доктора Мартини в Риге не содержит ничего чрезвычайного; в Данциге Шумахер обратил внимание на коллекцию янтаря. Его интересовало не только, что хранилось в музеях, но и как, была ли в хранении какая-либо система. Берлинский музей интересен богатыми интерьерами, «зеркалами и резною работаю украшенных покоев», но «натуралиев весьма мало обретается и без порядку». Королевский монетный кабинет и собрание антиков в Париже произвело на Шумахера более сильное впечатление, поскольку не только имеют «в великом числе нынешних монет, медалей, каменных и прочих греческих и римских антиквитетов, но и все зело порядочно расположено есть» [23]. В

Гамбурге Шумахер отметил минеральный кабинет «синдика Андерсона». Посещал он и картинные галереи.

В одной из частных коллекций выделил ботанические собрания, особенно семян. Задачей Шумахера было не только знакомство и описание посещаемых им музеев, но и приобретения для петровской Кунсткамеры. В Амстердаме он встретился со старыми знакомыми Петра: у С. Схейнфута купил полное собрание конхилиев (т.е. раковин улиток), минералов и рисунков; у А. Себы ничего не купил, но записал, что его кабинет «превосходит в анималиях и минералах». Известный Петру еще по первому заграничному путешествию кабинет Якоба де Вильде продавался, и Шумахер в отчете подробно этот кабинет описывает. Посетил он и старого профессора Фр. Рюйша, отметив, что «нынешние препараты не в полу так хороши суть», как те, что были изготовлены раньше. Поэтому анатомическое собрание, которое имелось уже у Петра, ничто и никто превзойти уже не может.

Шумахер побывал и осмотрел публичные и частные собрания в Лейдене, Утрехте, Дельфте, Саардаме, Гааге. То, с каким знанием И.Д. Шумахер судит о самых разных собраниях, свидетельствует о том, что, работая в петербургской Кунсткамере, он к 1721 г. уже был знаком с анатомическими, зоологическими, ботаническими собраниями, коллекциями минералов, антиков, монет, медалей, живописи. Так, в Антверпене в одном из собраний он отметил особо картины Рубенса, Микеланджело, Ван Дейка, Пуссена. Помимо этого, ему было поручено смотреть, приобретать и заказывать научные инструменты. Прибыв в Париж, он осмотрел обсерваторию и находящиеся там инструменты и машины: «На обсерватории обретаются модели, инструменты математические и физические», которые Шумахер велел срисовать и описать. В Амстердаме у известного мастера Питера Мушенброка (Petrus van Musschenbroek) он приобрел камеру обскуру, латерну магику, измерительные инструменты, которые поправил известный голландский физик профессор Схравезанд. Увидев в книге Схравезанда рисунки машин «к экспериментам механическим, статическим, гидростатическим, физическим и оптическим», дальновидный Шумахер действовал как опытный менеджер: «...многие монархи оные машины

Мусенброку делать повелели, и понеже аз знал, яко вашему императорскому величеству такая машины благонравны суть, того ради следовал образу их и конечно мастеру 200 гульденов задатку дал.

Хотя Мусенброк добрый мастер, однакож ежели от доброго математика не повелевается, то не весьма прямо работает, и для того обязал я господина Сгравезанда под платою 100 гульденов на оныя машины смотреть, чтоб верно и порядочно сделаны были» [24]. Если учесть, что к этому времени уже вовсю шла подготовка к созданию в Петербурге Академии наук, и машины и инструменты нужны были для географических исследований просторов России, можно представить, как по душе пришлись такие действия Шумахера Петру. Вообще отчет Шумахера о его поездке можно рассматривать, говоря современным языком, как краткий обзор состояния музейного дела в Европе, а самого его назвать опытным музееведом с европейским кругозором. Выводы, которые сделал хранитель петровской Кунсткамеры и Библиотеки из своих посещений музеев, коллекций, кабинетов, очень важны: они раскрывают состояние коллекций петербургской Кунсткамеры к 1721 г. Шумахер пишет, что, по сравнению с другими европейскими собраниями, Петр имеет хорошее собрание натуралий, но натуралий российских «недовольно». Анатомический кабинет Петра «себе подобного не имеет». А вот художественных вещей, живописи, научных инструментов, «антиквитетов» и медалей мало, и они необходимы. Поэтому во время своей поездки по зарубежным странам Шумахер этот недостаток пытался устранить. В Гамбурге он купил золотые и серебряные монеты из продававшегося наследниками собрания И. Людерса. В 1738 г. петербургская Кунсткамера приобрела и бронзовые монеты из этого собрания. На аукционе в Голландии И.Д. Шумахер купил некоторые вещи из кабинета Н. Шевалье: геммы, древние светильники, два цилиндрические зеркала, несколько старинных флейт. На другом аукционе вместе с Питером де ла Куртом, также знакомым Петра, он приобрел оранжерею и живописные полотна, так как в «новую библиотеку и кунст-камеру впредь живописи весьма надобны будут» [25]. Шумахер приобретал также книги для Библиотеки.

#### «ПРИСЫЛАЮТ ВСЕ, ДОСТОЙНОЕ ВНИМАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ»

Говоря о «новой» Библиотеке и Кунсткамере, И.Д. Шумахер имел в виду новое здание, которое уже с 1718 г. стало возводиться на Васильевском острове специально для них. Восемь залов, которые они занимали в Кикиных палатах, не вмещали уже всех книг и коллекций.

К приобретенным за границей присоединялись не только российские препараты «монстров». Сюда по примеру царя стали присылать все, что считали достойным внимания и сохранения.

Кабинет-секретарь А. Макаров 16 июня 1723 года писал: «В прошлом 1722-м году, августа 23-го числа, в прибытие Е.И.В. к персидскому городу Дерпеню, поднес Е.В. владелец, наип, того города серебряный ключ, на блюде деревянном, которое было покрыто персидским изарбатом. Да в нынешнем 1723 году мая 25 числа из Астрахани генерал-майор господин Матюшкин писал в кабинет Е.В., что апреля 7 числа морского флота капитан Золотарев с Кизылбашами имел бой близ персидского города Зизмлии, которые с батарей по нашим судам стреляли медными ядрами и один гукор наш пробили. И то ядро прислано ныне сюда. А понеже оный ключ, блюдо и изарбат, також и ядро медное указал Е.В. отослать в кунст-камору, для куриозите, того для оное прикажите принять и записать в книгу, для памяти на предбудущее время» [26].

Распоряжение было исполнено; в каталоге, изданном на латинском языке в 1741 году читаем о ядре: «Ядро пушечное медное, отправленное в день 25 августа 1723 [года] генералом Матюшкиным из Астрахани в Петербург. Оно было взято с корабля, называемого гукор, капитаном Золотаревым во время сражения с персидскими мятежниками в Каспийском море близ города Энзели; еще одно железное, через которое проходят три якоря, скрепленные цепями; третье деревянное заостренное» [27]; о ключе: «Ключ серебряный (длиной 1 фут и 4 дюйма), который наип, наместник Дербента умоляя с мольбою поднес победителю Петру I, который вошел в город в год 1722 в день 23 августа, на блюде, расписанном по персидскому обычаю и покрытом шелковой тканью» [28].

Псковский архиерей Прокопович прислал модель Иерусалимской церкви. Прислали «медальное татарским письмом внутри и снаружи насеченное блюдо при старом японском зеркале – в кунш-камору», «клешни раковые ост-индские и средиземные и два рыбных крыла и меч от меча-рыбы». Несмотря на тесноту, книги и вещи старались систематизировать и приводить в порядок. В штате работала дочь М.С. Мериан Мария Доротея Гзель. В ее обязанности входили «украшение» Кунсткамеры и зарисовка экспонатов. В декабре 1723 г. она просила для работы пергамен, бумагу, краски, а «ко украшению

натуралей, и анимали, и анатомии» тафты, бархату, шелку, листового золота, говяжьих пузырей, минералов, белого воску, цветков [29].

Собрание Кунсткамеры и Библиотеки стало столь ценным, что определенные «для караулу пять человек солдат и один ефрейтор» были недостаточны, охрану, по просьбе Л.Л. Блюментроста, необходимо увеличить вдвое, потому что «в оной кунст-каморе содержится много дивные вещи, золотых и серебряных, и особенно кабинет, в котором драгоценные металлы хранятся» [30]. 1 января 1724 г. Л. Блюментрост подписал с И.Д. Шумахером контракт. Последнему вменялось в обязанность как в библиотеке, так и в кунст-каморе все в порядке содержать, «в библиотеке книгам, а в кунст-каморе обретающимся разным вещам каталоги учредить» [31].

После смерти Петра его личная коллекция и книги из библиотеки начинают поступать в Кунсткамеру. Первое поступление было уже в 1725 году, потом в 1728-29 гг.

Серьезным пополнением для Кунсткамеры и Библиотеки стали поступившие туда в 1736 г. собрание и библиотека Я. Брюса, сподвижника Петра. Его собрание включало коллекцию китайских вещей, научных инструментов, археологические памятники, а библиотека насчитывала более полутора тысяч томов.

## КУНСТКАМЕРА И БИБЛИОТЕКА В НОВОМ ЗДАНИИ

В уже упомянутом нами отчете Шумахера о заграничном путешествии он восторженно отзывался о музее в Касселе: «В Касселе кунст и натуралиев камера в доме нарочно к тому изготовленном обретается: натуральные вещи внизу суть, а художественные сверху. Из оных вначале занимают особливую камеру минералы, камень, земли и соли. Вторично анималия (звери). В третьих конхилия (раковины) и морские вещи; в четвертых деревья, травы и прочия к ботанике принадлежащая. Таким же образом художественные вещи расставлены суть. Инструменты математические особливо лежат, физические особенно, такожде машины и модели» [32]. Шумахер даже подчеркнул, что такого порядка он ни в одной кунсткамере не встречал.

Здание на Васильевском острове также строилось специально для Кунсткамеры и Библиотеки. Несмотря на то, что Петр проявлял



постоянную заботу о строительстве, оно продвигалось медленно. Даже будучи в Азовском походе, Петр справлялся о делах и требовал скорейшего завершения постройки. Ученые считают, что и в создании архитектурного проекта здания Петр принимал непосредственное участие [33]. До 1719 г. строительство здания вел архитектор И. Маттарнови, до 1724 г. – Н. Гербель, до 1727 г. – Г. Киавери и М. Земцов.

Хотя автором проекта принято считать И. Маттарнови, историки искусства считают, что последний явно использовал проекты А. Шлютера, в мастерской которого работал. Тем более, что и сам Петр мог обсуждать с талантливым архитектором проект здания для Кунсткамеры и Библиотеки, поскольку тот был создателем «отделки королевского замка в Берлине, где была и библиотека, и кунсткамера, и кабинет медалей...» [34].

В декабре 1726 г. книги и экспонаты Кунсткамеры начали перевозить в новое здание. В феврале 1728 г. не все еще было перевезено, так как не все шкафы были изготовлены, да и здание достроено не было. Однако по сообщению петербургской газеты от 26 ноября 1728 г. «вчерашнего дня [то есть 25 ноября – Н.К.] отперта здесь паки императорская библиотека с кунст- и натурал-каморою впервые потом, как оныя в новые академические палаты переведена» [35]. Тут же сообщались дни работы Библиотеки и Кунсткамеры и отмечалось, что вход в них свободный.

По своему составу петербургское собрание приобретало универсальный характер, что, конечно, входило в планы Петра I. Перед ним стояла задача просвещения страны. Петр хотел не только показать Европе, что Россия может быть и будет просвещенной страной, он стремился на практике в кратчайшие сроки добиться осуществления этого. Музей таким, каким он задумывался, вписывался в решение этой задачи.

Кунсткамеру можно и нужно рассматривать в контексте общего энциклопедического и просветительского проекта Петра Великого. Идеи о всеобщем универсальном знании, добываемом эмпирическим путем, закладывались уже и при проектировании здания для музея. Архитектура здания на Васильевском острове, строительство которого было закончено уже после смерти Петра, подчеркивала основную идею музея универсального знания: библиотека, анатомический

театр, кабинеты натуралий, артифициалий, обсерватория были объединены в единое целое. Таким образом, единая картина мира создавалась не только универсальностью коллекций, но и архитектурой здания. В этом Петр пошел, пожалуй, дальше своих европейских предшественников и учителей. Молодой шотландский врач Джон Кук, пробывший в Петербурге почти год, с 1736 по 1737 гг., написал: «Здание – превосходный большой двухэтажный дом с прекрасным куполом посередине и обсерваторией. В середине под куполом квадратное пространство футов по тридцать в длину и ширину <...> на каждом этаже вокруг идет широкая галерея, так что с плит пола в самом низу дома видно все до верха купола» [36].

#### «А ЧТОБ АКАДЕМИЯ В ПОТРЕБНЫХ СПОСОБАХ НЕДОСТАТКУ НЕ ИМЕЛА...»

Проектом учреждения Академии наук 1724 г. предусматривалось: «А чтоб Академия в потребных способах недостатку не имела, то надлежит, дабы библиотека и натуральных вещей камора Академии открыта была <...> те книги и инструменты, которые Академии надобны, выписать или здесь делать» [37]. В судьбе Кунсткамеры как музея вхождение в состав Академии наук сыграло очень важную роль. То, что Кунсткамера была призвана просвещать, свидетельствует уже тот факт, что вход в музей по велению Петра был бесплатным. Фонды Кунсткамеры стали пополняться за счет научной и экспедиционной деятельности Академии наук.

Еще до ее создания в 1718 году в экспедицию в Сибирь по заданию Петра I был отправлен нанятый на русскую службу немецкий ученый Даниил Готлиб Мессершмидт. Цели экспедиции он сам определял так: «изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корения и семян» [38]. Однако за время экспедиции Мессершмидт сделал гораздо больше того, что ему было предписано. Он путешествовал по Сибири до самого Забайкалья, изучал ее флору и фауну, историю, этнографию. Все собранные им вещи, а также сделанные в ходе экспедиции рисунки были отправлены в Академию и Кунсткамеру. Благодаря исследованиям Д. Мессершмидта о собраниях Кунсткамеры становится известно ученому миру.

В Парижской академии в 1721 г. Шумахер доложил об орнитологических исследованиях, проведенных Мессершмидтом в

Сибири: «...академия удивилась, и только желают, чтоб прочия части истории натуральной всех российских провинций такожде обстоятельно описать и начальнейшие вещи красками колико возможно разделять» [39].

Огромное значение для пополнения собраний Кунсткамеры имела другая, так называемая Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743 гг.). Отправившиеся в Сибирь петербургские ученые присылали в Академию наук и в Кунсткамеру ящики с минералами и рудами, этнографические и археологические собрания, рисунки животных, рыб, птиц, а также их чучела, растения и семена.

С созданием Академии просветительские функции Кунсткамеры получили еще одно направление: ее коллекции стали материальной базой научных исследований петербургских академиков.

В ноябре 1725 г. в речи на первом публичном собрании Академии профессор Г.Б. Бюльфингер восторженно говорил об условиях для научных занятий, созданных в Петербурге: музей редчайших натуралий, анатомические препараты, библиотека, «превосходная как числом, так и выбором книг».

Анатомическое собрание Кунсткамеры не только изучалось, но и дополнялось российскими научными препаратами. Возможно, что некоторые препараты из коллекции голландского анатома в свою очередь подвергались анатомированию петербургскими учеными. Во всяком случае, в архивном фонде профессора К. Вольфа среди рукописей есть рисунки с комментариями к ним, которые дают основание предположить, что спиртовой препарат уродливого плода был анатомирован для изучения его внутреннего строения. Анатомирование павших животных давало материал для исследований и для пополнения фондов музея. Статьи в научном издании Академии «*Commentarii academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*» во многом основывались на изучении экспонатов зоологического, ботанического, нумизматического отделов Кунсткамеры. Минералогическую коллекцию в 1727 г. начинает изучать молодой академик И.Г. Гмелин.

В 1735 г. академик И. Амман приступил к описанию гербария экзотических растений по системе Турнефора. О том, что коллекции Кунсткамеры были основательно изучены петербургскими

профессорами и систематизированы, свидетельствует изданный Академией в 1741-1745 гг. каталог на латинском языке.

Изданный в двух томах и шести частях каталог «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*» (Петербургского императорского музея том 1, 2) отражает функции Кунсткамеры как музея, так и сугубо научного собрания: это и научный, и систематический, и топографический каталог. Каждый раздел каталога, отражающий ту или иную коллекцию музея, составлялся разными учеными Петербургской Академии наук и отражал тот уровень состояния научного знания, который приходился на вторую половину 30-х годов XVIII века.

Уровень развития естественнонаучного знания был выше, чем уровень развития гуманитарных наук. Так, этнографические описания в каталоге совсем скупы, есть ошибки с точки зрения современного знания в описании античных предметов. Однако естественнонаучные описания академиков свидетельствуют о высоком для того времени уровне развития петербургской науки. Каждое описание предметов анатомической, зоологической, ботанической коллекций имеет обязательные ссылки на номера страниц описания этого предмета в трудах европейских ученых, есть также и ссылки на соответствующие изображения в европейских научных книгах. Тесная, налаженная еще Петром I связь с издателями и книготорговцами Нидерландов, в то время крупнейшего европейского книгоиздательского центра, привела к тому, что все издательские новинки, в том числе и каталоги коллекций, сразу же после выхода из печати появлялись в Петербурге часто с автографами и дарственными надписями авторов или издателей. Книги присылались

Петру и его сподвижникам (Р. Арескину, А.Д. Меншикову, Я. Брюсу и т.д.), а после создания в Петербурге Академии наук – непосредственно в саму Академию. Именно поэтому петербургские профессора при описании коллекций Кунсткамеры имели возможность ссылаться на самые последние научные издания. Описания состава научных коллекций включали и особо отмечали тех представителей животного царства, которые были неизвестны европейской науке, но, благодаря научным экспедициям Академии наук, были представлены в музейных фондах. Так, описывая трех стерлядей, которые, как отмечается, нигде не описаны и не нарисованы, автор ссылается на немецкого ученого Г. Стеллера, находящегося на службе в

Петербургской Академии наук, который изучал этих рыб и места их обитания. Подобные факты лишней раз подчеркивают, что пополнение анатомических, ботанических, зоологических, минералогических, археологических, этнографических собраний Кунсткамеры имело, прежде всего, научное значение.

Влияние академиков на методы и порядок расположения коллекций хорошо видно из анализа текста каталога «*Musei Imperialis Petropolitani...*», который не только дает представление о составе коллекций, но и об их расположении по шкафам, ящикам и ящичкам. При распределении экспонатов музея по шкафам строго соблюдался, как мы уже писали, систематический принцип, самые последние научные достижения XVIII в.

#### «...КАТАЛОГУС НА РОССИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ НАПЕЧАТАТЬ»

Вспомним, что в контракте, заключенном с Шумахером в 1724 г., оговаривалась его обязанность составлять каталоги. Один из первых рукописных каталогов, составленный Шумахером частично на немецком, частично на латыни «при первом устройстве Кунсткамеры и распределением предметов на классы», сохранился в Архиве РАН в Санкт-Петербурге [40]. В ноябре 1727 года, когда еще не все коллекции были собраны вместе, а хранились в разных местах, по повелению императора Петра II была начата работа над созданием каталога на русском языке: «Велено Ея императорским величеством кунст-каморы каталогус на российском диалекте напечатать, а самые курioзные вещи выгрыдоровать» [41]. К 1727 году в Кунсткамере уже велась работа по зарисовке хранящихся и вновь поступающих предметов. Это работа велась на протяжении всего XVIII века художниками Петербургской Академии наук.

Уникальная коллекция акварельных рисунков предметов Кунсткамеры сохранилась, к сожалению, не полностью. Однако и то, что сохранилось (около 2000 рисунков), позволяет судить о грандиозности созданного при Кунсткамере «Музея на бумаге». Идея издания каталога в 1727 г. не была осуществлена, поскольку политическая обстановка в России изменилась, а положение и Академии наук, и Кунсткамеры, несмотря на государственный статус, напрямую зависело от воли императорского двора. В этом, кстати,



также одна из особенностей Петербургской Кунсткамеры. Архивные документы свидетельствуют о том, что экспонаты музея могли

быть, например, то затребованы для маскарада, то «казенные» глобус серебряный и 48 листов акварелей Марии Сибиллы Мериан взяты в кабинет Ее Императорского величества. Даже о повышении оплаты работы учеников и подмастерьев необходимо было обращаться непосредственно к первому лицу государства.

В 1727 г. на трон был возведен Петр II, внук Петра Великого, который переехал, а с ним, конечно, и весь царский двор в Москву. В Петербурге прекратилось строительство, новая столица опустела, но с приходом к власти в 1730 г. племянницы Петра I Анны Иоанновны, которая предпочла Москве Петербург, ожила. Энергичнее стала и деятельность Академии наук и Кунсткамеры. В 1730 г. был составлен Реестр вещей, книг и инструментов Петра Великого, поступившие в Кунсткамеру и Библиотеку [42]. В 1730-е–40-е гг. активно зарисовываются предметы Кунсткамеры. Готовятся к изданию гравюры с изображением кабинетов и залов Академии наук, Кунсткамеры и Библиотеки, создаются каталоги. Периодически возрождалась и идея издания гравированного каталога. Из запроса Ивана Соколова и Григория Качалова 18 января 1746 г. узнаем, что граверам требуются материалы, краски и медные доски «к вырезанию кунсткамерских курioзных вещей, в поллиста 16, да три в целый лист». Из другого документа узнаем, что речь шла о вырезывании только с рисунков «древних и достопамятных курioзных кустамерских вещей». Подготовка гравюр была закончена в апреле 1747 г., было вырезано 26 досок, которые мастер Гриммель пересматривал, и с них было отпечатано по три экземпляра, гравюры были раскрашены.

Книга «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили» в 1741 г. [43] вышла двумя изданиями большим форматом на русском и немецком языках и содержит описание Академии, Кунсткамеры и Библиотеки, а также 12 гравюр с изображением внешнего вида зданий и планов внутреннего расположения залов и кабинетов.

В издании «Палат» 1744 г. чертежи, планы и разрезы зданий Академии [44] и Кунсткамеры были дополнены статьей «Краткое

известие о Академии наук и о учреждении Библиотеки и Кунсткамеры» и подробной легендой («толкование литер и чисел») к чертежам и планам. Вместе с вышедшими позднее каталогами «*Musei Imperialis Petropolitani vol.1, 2*» [45] (на латинском языке) и «*Bibliothecae Imperialis Petropolitanae*» [46] (на латинском, а русского фонда и на русском языках), а также с уже упомянутыми выше более чем 2000 сохранившимися рисунками экспонатов Кунсткамеры 1725–1760 гг. [47], они дают возможность детально увидеть и представить, как и что располагалось в Кунсткамере и Библиотеке. Можно реконструировать и визуальнo представить не только, где и в каких помещениях («палатах», «камерах», «галереях») здания Кунсткамеры хранились и экспонировались коллекции музея и тематические разделы Библиотеки, но и, благодаря записям в каталоге «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*», описания предметов коллекций музея в котором следуют в порядке «камер» и шкафов, а на надписях ко многим рисункам «Нарисованного музея» есть отсылки на описание этих экспонатов в каталоге «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*», можно достаточно уверенно реконструировать, что и как экспонировалось в большинстве шкафов музея.

#### ПОЖАР 5 ДЕКАБРЯ 1747 Г.

Развитие Кунсткамеры Петра Великого как музея было приостановлено вследствие того, что рано утром 5 декабря 1747 г. от неисправности дымоходной трубы (она лопнула вблизи деревянного бруса) случился в здании пожар. «В прошлую субботу по утру в пятом часу учинился в палатах императорской Библиотеки и Кунсткамеры пожар, который через малое время так сильно распространился, что никоим образом не возможно стало палат спасти, а особливо как огонь до башни добрался и оную обхватил», – писала газета «Санкт-Петербургские ведомости» [48].

Предметы и книги выбрасывались из окон в снег: «С каким прискорбием смотреть было должно на толикое множество разбросанных и в грязь помешанных пребогатых вещей» [49]. Сгорела обсерватория, Готторпский глобус, многие этнографические, в том числе сибирские и китайские коллекции. Сохранившиеся книги и вещи срочно перевозились в ближайшие к Кунсткамере дома. Предстояла тяжелейшая работа по восстановлению здания,

восполнению коллекций и библиотечных фондов. Эти задачи решались на протяжении почти 20 лет.

## ВОССТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ

Имевшиеся к тому времени каталог Кунсткамеры и Библиотеки, а также рисунки экспонатов давали возможность вместо утраченных или пострадавших во время пожара предметов приобрести такие же точно или подобные. Так, в 1752 г. в Амстердаме при распродаже второго собрания натуралий Альберта Себы для Кунсткамеры были куплены чучела животных для восстановления зоологической коллекции.

Из «художественных» собраний больше всего пострадали китайские коллекции и этнографические вещи, привезенные из Сибири. В 1753 г. отправлявшийся в Китай академический лекарь Франц Лука Елачич получил задание приобрести для музея большое собрание китайских предметов, для чего был не только составлен список необходимого, но и выполнены копии рисунков из «нарисованного музея» с изображением экспонатов китайской коллекции.

В 1761 г. списки утраченных предметов одежды, быта, верований народов России были разосланы по губерниям с императорским указом, по которому они должны приобретаться и отсылаться в Академию наук. По этому же указу предписывалось отстреливать редких птиц и животных также для Кунсткамеры. В Петербург из Сибирской губернской канцелярии стало поступать остяцкое, «самоядское», шаманское платье и т.д. В 1765 г. подобный указ последовал от Екатерины II для Архангельской, Оренбургской, Казанской, Иркутской, Сибирской губерний, но требовалось уже собирать минералы, растения, семена, изготавливать чучела животных, выискивать насекомых не только для восполнения музейных фондов, но все собранное прежде всего должно служить для «физического» описания Российской империи.

В 1768 г. Академия наук организовала свои экспедиции, которые работали до 1774 г. Эти экспедиции послужили своего рода возрождению Кунсткамеры как научного музея, фонды которого уже не просто восстанавливались после пожара, а пополнялись новыми

коллекциями, служившими развитию таких наук, как минералогия, зоология, ботаника, этнография.

Сбор коллекций связан с именами таких ученых, как П.-С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк, С. Гмелин, И. Гюльденштедт. Так, этнографические коллекции позволили И.Г. Георги подготовить и издать в 1776-1777 гг. книгу «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских (2-е изд: СПб., 1779), которую справедливо называют первой этнографической энциклопедией.

Кругосветные плавания начала XIX в. обязательно сопровождались сбором как естественнонаучных, так и этнографических коллекций, направлявшихся в Кунсткамеру. Музей разрастался, с его собраниями работали ученые С.К. Котельников, В.М. Севергин, Н.Я. Озерецковский.

#### «...КРОМЕ РОССИИ, СЛУЧАЯ НАЙТИ НЕВОЗМОЖНО»

Санкт-Петербургская Академия наук как крупнейший в то время научный центр, а Кунсткамера как хранитель обширных и уникальных коллекций были широко известны в Европе. В Петербург поступало много предложений приобрести для Кунсткамеры новые коллекции редкостей, минералов, естественнонаучные собрания. С другой стороны, многие европейские ученые обращались в Академию с просьбой прислать экспонаты из Кунсткамеры для исследований. Материальная база петербургской науки в виде научных коллекций, приобретенных Петром Великим, а позднее привозимых академическими экспедициями, поражала воображение многих зарубежных ученых не только в начале XVIII века. И в 1795 году анатом, хирург Юстус Христиан Лодер писал из Иены И.-А. Эйлеру, что «анатомические препараты <...> Рюйша представляют большую ценность для анатома и физиолога» [50]. Интересен такой эпизод, связанный с А. Кау-Бургаве. В 1747 году умер приписанный к обер-егермейстерской канцелярии слон Алебакш. Для его анатомирования в помощь профессору Вейтбрехту был приглашен служивший тогда в медицинской канцелярии Бургаве. Вейтбрехт был болен, студент Клейнфелд справиться один не мог, так как слон, – дело было в конце

января, – совсем замерз и анатомировать его было невозможно. Приглашенный Бургаве потребовал отвести для анатомирования особое место или сарай, который можно было бы обогреть; был дан теплый амбар.

Далее в промемории от канцелярии Академии наук появилась курьезная, но знаменательная фраза: «А упускать сего случая <...> жаль, потому что делать примечания ученых людей над такими зверьми в целом свете, кроме России, случая найти невозможно» [51].

Показательна в этом отношении переписка известного нидерландского ученого Петруса Кампера с петербургскими учеными, которая раскрывает одну из важных причин активного внимания европейских ученых к Петербургской Академии наук. Ученого интересует не только мнение петербургских коллег о его трудах, которые он отправлял в Россию. Оказывается, в своих исследованиях голландский ученый использует материалы, которые активно по его запросам посылала Петербургская Академия наук из своего музея. Так, из письма 1779 г. узнаем, что Камперу были отправлены зубы носорога [52], в 1785 г. он просит у Е.Р. Дашковой прислать дублиеты окаменелостей, что быстро исполняется [53]. Характерно письмо 1788 г., свидетельствующее о проведении антропологических исследований на базе коллекций Кунсткамеры: «Я хотел бы иметь <...> женские тазовые кости различных племен, встречающихся в огромной Российской империи, а также черепа новорожденных, они нужны мне для изучения процесса родов. Я также жажду иметь из ваших мест различные черепа татар, сибирских, камчатских и т.д., чтобы подробнее истолковать то, что относится к характерным чертам разных народностей» [54].

Историю Кунсткамеры Петра Великого можно понять только в общем контексте исторического развития России XVIII – начала XIX вв. Создание Кунсткамеры, а затем и Академии наук Петром I несло особую политическую нагрузку: по мнению европейского общества, это было ярким свидетельством изменений, происходивших в России. Государственный статус способствовал развитию Кунсткамеры как музея; определенная при создании Кунсткамеры Петром I публичная доступность музея и библиотеки сыграла колоссальную роль в просвещении и образовании российского общества. С другой стороны, являясь государственным музеем, Кунсткамера находилась в



непосредственной зависимости от потребностей и прихотей императорского двора.

Создание Кунсткамеры как универсального музея шло в русле общих просветительских проектов Петра и имело определенное философское обоснование в лице новой эмпирической методологии познания. Вхождение в состав петербургской Академии наук позволило Кунсткамере иметь научно организованные, систематизированные фонды, пополняемые экспонатами, полученными в ходе исследований и академических экспедиций. Фонды музея стали инструментом научных исследований не только петербургских академиков, но и других европейских ученых. Все эти особенности создания и развития Кунсткамеры тесно связаны между собой и одна другой обусловлены. Именно их совокупность позволяет говорить об уникальности петербургской Кунсткамеры.

Прекрасное здание на Васильевском острове и многие сохранившиеся коллекции, которые посетители могут видеть в залах ряда петербургских музеев: Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Зоологического музея РАН, института РАН, Государственного Эрмитажа, а также Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН в Москве остаются памятником Кунсткамере и универсальному гению Петра, его стремлению к созданию великой просвещенной России.

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 5.
2. Там же.
3. В 1707–1708 гг. восстание под предводительством Кондратия Булавина.
4. Аптекарская канцелярия, или бывший Аптекарский приказ, ведала госпиталями, аптеками, госпитальными школами, всеми докторами, лекарями и аптекарями.
5. См. Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л., 1988. С. 13.

6. Цит. по П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 520-521.
7. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии наук изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером подбиблиотекарем Академии наук а на российской язык переведенной Василием Костыговым. Напечатан в типографии морского шляхетного кадетского корпуса 1779 года. СПб., 1779. С. 109.
8. Подробно см. об этом в книге Й. Дриссен. Петр Великий и его амстердамские друзья. СПб., 1998.
9. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной. С. 110.
10. Полное собрание законов. Т. IV. N 1964.
11. ПСЗ. Т. V. N 3159.
12. На влияние философии Фр. Бэкона на сподвижников Петра I, а через них и на него самого автору статьи указал Николай Александрович Копанев (1957-2013).
13. Кикин Александр Васильевич был одним из ближайших сподвижников Петра I. Вместе с ним он был в Голландии, учился там кораблестроению, работал на Воронежских и Олонецких верфях, возглавлял Адмиралтейство. По свидетельству современников, А.В. Кикин имел большое влияние на сына Петра, царевича Алексея. Весной 1716 г. Кикин встретился в Либаве с Алексеем, и убедил его скрыться от Петра за границей. В феврале 1718 г. Кикин был арестован, а 17 марта этого года казнен. Его имущество было конфисковано. Один из его домов и стал знаменитыми «Кикиными палатами», местом первого экспонирования коллекций Кунсткамеры.
14. Л.Л. Блюментрост заменил на этом посту заболевшего и умершего в 1719 г. Р. Арескина.
15. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 1-2.
16. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной. С. 114.
17. Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великогою. СПб., 1787. С. 115.
18. См. об этом Шафрановский К.И. О времени основания библиотеки Академии наук СССР//Труды БАН [Библиотеки Академии наук] и ФБОН [Фундаментальной библиотеки по общественным наукам]. 1961. Т. V. С. 268.
19. См. подробнее: История Библиотеки АН СССР. М.;Л., 1964.
20. СПФ АРАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1.
21. Там же. Л. 1.

22. Цит. по Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. С. 546.
23. Там же.
24. Там же. С. 544.
25. Там же. С. 544.
26. Материалы для истории Академии наук... Т. 1. СПб., 1885. С. 8.
27. Globus bombardae aeneus d. 25 Aug. 1723. a Duce Matuschkin Astraano Petropolim missus. Ille exceptus est in navi, quam Hucker adpellant, a centutione Solotaroff, tempo-re proelli, quod cum Persis rebellibus in mari Caspio prope oppidum Finsmly habuit: alius ferreus, quem tres anchorae catenis adnexae transeunt: tertius ligneus acuminatus // Musei imperialis Petropolitaniae vol. II. P. I. P. 134. Nr. 80-82.
28. Clavis argentea (1 ped. et 4 poll. longa) quam Prae-fec-tus Derbenti Naib Petro I Victori, urbem Ao. 1722 d. 23. Aug. ingredienti, in patina, more Persarum picta, linteoque serico tecta, supplex obtulit // Ibid. P. 199. № 9.
29. Материалы для истории Императорской Академии наук СПб., 1885. Т.1. С. 13-14.
30. Там же. С. 36.
31. Там же. С. 14.
32. Цит. по Пекарский П. С. 548-549.
33. См. об этом Калязина Н.В. К истории здания Петровской Кунсткамеры//Петр I и Голландия. СПб., 1998. С. 65.
34. Там же.
35. С.-Петербургские ведомости. 1728. 26 ноября. N 95.
36. Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб, 1997. С. 415.
37. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб, 1830. Т. VII. № 4443. С. 223.
38. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 288.
39. Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. С. 535-536.
40. СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. N 437.
41. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 211.
42. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4. С. 95.

43. В 1744 году вышло издание на русском, латинском и немецком языках уменьшенного формата и под названием «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в ней художественных вещей, сочиненное для охотников, оные вещи смотреть желающих».

44. Так называли до 80-х гг. XVIII в., когда на набережной Невы к западу от Кунсткамеры было построено новое специальное здание Академии наук, бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны, вдовы старшего брата Петра Великого царя Иоанна Алексеевича; этот дворец стоял на месте современного здания Института и Музея зоологии РАН восточнее здания Кунсткамеры.

45. *Musei Imperialis Petropolitani vol. I-II. St Petersburg, 1741-1745.*

46. *Bibliothecae Imperialis Petropolitanae. Pars 1-4. St Petersburg, 1741-1744.*

47. «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725-1760 // Составление и научная редакция Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копаневой, Д.Й. Мейерс, Г.В. Вилинбахова. СПб.: Европейский дом, Т. I. 2003. 320 с., илл.; Т. II. 2004. 188 с., илл.; *The Paper Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg, c. 1725-1760 : introduction and interpretation // Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005. 347 p., ill., DVD.*

48. Цит. по: Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1969. Т. XXV. С. 13.

49. Бакмейстер И. С. 40.

50. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 72. Л. 23-23 об.

51. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8. С. 374.

52. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 63. Л. 158 – 158 об.

53. Там же. Д. 69. Л. 33-36.

54. Там же. Д. 63. Л. 38-44.

## ЭКСКУРСИЯ ПО МУЗЕЮ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

К зданию Кунсткамеры на Васильевском острове посетителей подвозили гребцы на лодках. Вход был не с набережной Невы, а с северной стороны. По лестнице мимо переплетной мастерской и магазина «книг академической печати» пришедшие оказывались в нижнем зале Библиотеки. Вдоль стен в простенках между окнами и внутри по периметру стояли 46 шкафов.

Там были книги по истории, церковной истории, философии, ораторскому искусству, математике, географии. На этом же этаже у помощника библиотекаря стояли 4 шкафа с каталогами Библиотеки, «всем вещам находящимся в Императорской кунсткамере», отдельный шкаф – для каталогов других европейских кунсткамер и коллекций. На втором этаже Библиотеки в 22 шкафах находились книги по анатомии, медицинские, по химии, по натуральной истории. В кабинете библиотекаря Шумахера стояли 4 шкафа с рукописными книгами. На третьем этаже размещались книги по садоводству, архитектуре, генеалогии, оптике, гидравлике, атласы и карты, книги китайские, турецкие, персидские, в одном шкафу были сосредоточены издания Академии наук на русском языке, а трех – русские печатные, в других трех рукописные книги. По свидетельству К.Р. Берка шведа, изучавшего древности и позднее ставшего членом шведской Академии наук (он с конца 1735 по май 1736 года жил в Петербурге), в нижнем зале Библиотеки полки были «украшены портретами ученых мужей и хорошей фламандской живописью» [1]. На гравюре в «Палатах Санктпетербургской Академии наук...» в зале второго этажа мы видим два больших глобуса.

Пройдя Библиотеку, попадаем в анатомический театр, расположенный амфитеатром. По четырем секторам полукругом расположены одна над другой скамейки. По свидетельству шведа К.Р. Берка публичные вскрытия проводились редко. Это, нам кажется, отвечало замыслу всего музея: обучать и развивать науки. Поэтому в анатомическом театре проводились вскрытия как инструмент научной деятельности, а не «спектакль» для публики. В зале анатомического театра в 12 шкафах стояли препараты, полученные в ходе этих самых вскрытий. За анатомическим театром были отгорожены три «каморки», в которых работали прозекторы и их помощники, тут же находились медицинские инструменты.



Залы Кунсткамеры имели анфиладное построение, поэтому из анатомического театра можно было свободно пройти в другой зал, в котором хранилась знаменитая анатомическая коллекция Фр. Рюйша. Шкафы, которые располагались вдоль стен, вмещали препараты отдельных органов человека: кожа, мускулы, мозг и т.д. Но, как справедливо заметил А.Э. Серебряков, если у самого Рюйша в его «Tesauros» экспонаты одного и того же рода были рассыпаны по разным шкафам, в петербургской Кунсткамере «все препараты одного рода группировались в одном или двух шкафах: например: de cute (о коже) в шкафах 1 и 2; de myologia (о мышцах) – шкаф 3; de cerebro (о мозге) – шкафы 4 и 5...» [2]. Анатомическая коллекция неизменно привлекала и привлекает по сей день самое пристальное внимание посетителей музея.

И в конце 1720-х и в 1730-х годах посетители отмечали особый интерес к препаратам, показывающим развитие человеческого плода, «все части и ступени развития, положение ребенка в утробе в возрасте от 15 дней до 9 месяцев» [3]. Между шкафами стояли человеческие скелеты. По внутреннему периметру этого зала были расположены 24 шкафа с зоологическими препаратами Фр. Рюйша и А. Себы: «лягушки и животные черепокожные», «всяких родов ящеры», змеи, рыбы и «всякие гады».

Пройдя дальше по коридору и свернув налево, посетитель попадал в три соединяющихся между собой зала с минералогической коллекцией. Здесь были и иностранные минералы-раритеты, но в основном – минералы из отдельных провинций России: квасцы, сера, смола, разные руды (железные, медные, золотые). В двух шкафах находились окаменелости. К 1741 году минералогическая коллекция насчитывала около 3000 образцов минералов и руд. Собрание минералов значительно пополнилось во второй половине XVIII в.

Просветительский характер Кунсткамеры проявился в этих залах не только в богатстве коллекции, но и в том, что в одном из шкафов была установлена модель рудокопного завода. Напротив входа в третий зал посетитель видел кабинет с раковинами, «а по сторонам два грота из морских камней, трав и раковин, искусно составленных» [4]. Раковины (их было 625) были систематизированы.

Выйдя из этих залов в коридор и чуть вернувшись направо, через небольшую дверь посетители попадали в залы, которые находились

напротив коллекции минералов. Первой по пути была «камера», где хранились рисунки со всех находившихся в Кунсткамере вещей. Для их хранения были сделаны специальные футляры в форме книги. К выходу в свет «*Musei Imperialis Petropolitane...*» таких футляров было уже 58. А в 1736 году, когда уже известный нам К.Р. Берк посетил Кунсткамеру, «рисунки составили уже 12 больших томов» [5].

Рядом находилась «камера», где хранились «всякие курioзные и дорогие вещи из золота, серебра и дорогих камней». Тут были украшенные драгоценными камнями кинжалы, ожерелья, диадемы, конские уборы, коллекция, получившая название «скифское золото», сосуды из золота и серебра, ключи от разных городов. Этот зал соединялся с «минц-кабинетом», собранием монет и медалей, в котором нумизматическая коллекция располагалась в 8 шкафах, а систематизирована была по «государствам».

Вернувшись в Анатомический театр, посетители могли по лестнице подняться на второй этаж, где в шкафах размещались кости (в том числе и мамонта и кита) и рога четвероногих, несколько скелетов. В следующем зале, налево, были расположены четвероногие животные, птицы и растения.

В основу систематизаций были положены самые современные научные исследования. Млекопитающие были расположены в соответствии с систематизацией английского ученого Рея, птицы – по классификации другого английского натуралиста Виллигби.

В уже упомянутой статье А.Э. Серебряков сравнил петербургскую Кунсткамеру 1730-1740-х годов с другими европейскими музеями. Так, судя по путеводителю по знаменитому Лейденскому музею [6], изданному в 1741 году, в вестибюле анатомического театра между соответствующими месту экспонатами были: головы двух слонов, раковина, несколько индейских стрел, московский лук, пара польских сапог, лапландские штаны, казацкая лютня, китайское оружие, скелет зародыша кита и т.д. [7]. Трудно увидеть в этом какую-либо научную систему. Экспонирование коллекций в знаменитом французском «*Cabinet du Roi*» (Королевском кабинете диковинок и редкостей) также по ряду свидетельств не опиралось на научные знания. И только когда с королевскими коллекциями в 1739 году стали работать Ж.Л. де Бюффон и Л. Добантон, Королевский кабинет был

реорганизован и его систематика была положена в основу знаменитой «Histoire Naturelle» Бюффона.

В зоологической коллекции были разные виды пресмыкающихся.

Одной из богатейших была коллекция насекомых.

Гербарии в Кунсткамере были расположены в нижних частях шкафов. Гербарий Фр. Рюйша был представлен по системе Турнефора. Здесь же были гербарии Г. Стеллера, собранный им во время его сибирской экспедиции под Иркутском, а также три коллекции И. Гмелина. В трех шкафах были представлены семена лекарственных трав.

Следующие четыре «каморы» посвящены были Петру Великому и назывались «Кабинет Петра». В одной из них находилась знаменитая «восковая персона» императора, а рядом в шкафах его одежда, шпага и другие мемориальные вещи. Тут же – «настольные» книги Петра: по математике, кораблестроению, гражданской и военной архитектуре, по гравированию на меди. В трех соседних кабинетах была размещена токарня Петра I: токарные станки, на которых он любил работать, а также некоторые выточенные им вещи.

Вверху, на галереях, по правой стороне в шкафах были выставлены художественные работы: восковые и гипсовые фигуры, резные вещи из дерева, кости, камня. Собрание таких «артифициалей» было солидным – занимало 10 шкафов.

По левой стороне галереи располагалось, говоря современным языком, этнографическая коллекция. В основном это и были привезенные из сибирских и камчатских экспедиций вещи: одежда сибирских и других российских народов, религиозные атрибуты (шаманские бубны, одежда, изображение богов, или как их называли, «идолы»).

Тут же располагалась китайская коллекция.

В двух шкафах на этой же галерее были археологические находки и покупки (но не из драгоценных металлов).

Рядом с галереей в двух кабинетах были сложены вещи, привозимые и присылаемые из российских экспедиций, в других двух – «запасник», не разобранные по шкафам экспонаты.

В середине центрального круглого зала был установлен знаменитый Готторпский глобус. Вдоль стен стояли шкафы с научными физическими, астрономическими, математическими инструментами: солнечные часы, глобусы, сферы, зажигательные зеркала, корабельные модели. А над глобусом – три обсерватории: нижняя, верхняя большая и верхняя малая

Если обратиться к воспоминаниям современника тех лет (записи 1736 года), то обсерватории представлялись посетителям так: «Наверху находится обсерватория. В самой нижней, сводчатой, где наблюдения производят зимой, проведена линия меридиана. Стены здесь намереваются покрыть книгами по астрономии. В средней обсерватории, которая, как и нижняя, может обогреваться, – на все стороны открытое небо, и там нет помех <...> при организации наблюдений <...> В самую верхнюю, или третью, местье Делиль [8] заходит редко, разве только иногда летом» [9].

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 191.
2. Серебряков А.Э. Зоологический кабинет Кунсткамеры // Труды института истории науки и техники. 1937. Сер. 1. Вып. 9. С. 120–121.
3. Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991. С. 225.
4. Палаты Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры. С. 23.
5. Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 196.
6. Catalogue de ce qu'on voit de plus remarquable dans la chamber de l'Anatomie Publique de l'Université de la ville de Leide. Leiden, 1742.
7. Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 125.
8. Ж.Н. Делиль (Joseph-Nicolas De L'Isle) – академик, приглашенный в 1725 г. Петром I в Петербург в качестве профессора астрономии.
9. Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 191.

# **ПУТЕШЕСТВИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЕВРОПУ**

## **И ПОДГОТОВКА РЕФОРМ НАЧАЛА XVIII В.**

### **В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

#### **ПУТЕШЕСТВИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЕВРОПУ И ПОДГОТОВКА РЕФОРМ НАЧАЛА XVIII В.**

Все исследователи истории Российской академии наук и первого государственного публичного музея России – Кунсткамеры единодушно связывают идею возникновения этих старейших научных учреждений России с опытом, приобретенным Петром Великим во время его путешествий в Европу.

Петр Великий был первым российским царем, посетившим европейские страны. Первая продолжительная поездка его в Европу состоялась в 1697–1698 годах в рамках так называемого «Великого посольства», вторая – через двадцать лет после этого в 1716–1717 годах.

В промежутке между этими дипломатическими поездками, в 1711–1713 годах Петр побывал в ряде городов Северной Германии и Дании во время военной компании в ходе Северной войны.

Во время Великого посольства Петр пытался сохранить инкогнито и участвовал в нем в качестве урядника Преображенского полка Петра Михайлова, хотя его заметная внешность легко выдавала его. На специальной сургучной печати, которую царь ставил на своих письмах во время путешествия, была надпись: «Я ученик и ищу себе учителей».

Задачу вести важные дипломатические переговоры с европейскими государями он поручил трем «великим полномочным послам» Францу Лефорту, Федору Головину и Прокофию Возницыну, но на деле Петр нередко предпочитал лично участвовать в переговорах с иностранными правителями.

Он считал, что таким образом ему будут легче познакомиться с повседневной жизнью жителей европейских стран, осваивать различные ремесла и, в том числе, посещать частные коллекции и кабинеты ученых. Вместе с посольством Петр Великий посетил ряд



городов Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Саксонии, Голландии, Англии, Австрии.

Во время второй поездки в Европу в 1716–1717 годах Петр посетил города Данциг, Гамбург, Пирмонт, Мекленбург, Росток, Коппенгаген, Бремен, Амерсфорт, Утрехт, Амстердам, Саардам, Гаагу, Лейден, Роттердам, Париж.

Известно, что во время этих путешествий Петр всегда, когда это было возможно, встречался с европейскими учеными, осматривал частные коллекции и галереи, естественнонаучные кабинеты. Он пользовался такими встречами для того, чтобы пригласить разного рода специалистов, в том числе ученых, приехать работать в Россию. Петр лично и через своих доверенных лиц налаживал связи с издателями книг в Голландии и Германии, организовывал покупку ряда коллекций для Аптекарского приказа, а позже для Кунсткамеры, учился анатомии и другим наукам. Участники Великого посольства побывали и в других городах и странах и там выполняя задание Петра также встречались с учеными, издателями, осматривали частные музеи и коллекции.

## ПОСЕЩЕНИЕ ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ МУЗЕЕВ И КОЛЛЕКЦИЙ В ЕВРОПЕ

«Надсмотритель» Кунсткамеры И.Д. Шумахер в 1721-1722 годах посетил ряд крупных европейских городов с заданием от Петра I и лейб-медика Л. Блюментроста установить контакты с учеными, посетить музеи и библиотеки, приобрести коллекции. В своем отчете Шумахер подробно описывает выполнение этих поручений, замечая при этом: «В посещении музеев времени, труда, и убытков я не жалел: когда о котором услышал, то тщился оный осмотреть, и весьма мало обрящутся в Немецкой земле, Голландии, Франции и Англии, которые бы ваше императорское величество сами не видели, того ради за излишнее почитаю спецификацию делать, что я в оных видел, также и невозможно оное так кратко совершить» [1].

Действительно, из документов, мемуаров, дневника Великого посольства («Юрнал, или поденные записки») известно, что во всех городах, где побывал Петр Великий, он проявлял живой и неподдельный интерес к посещению частных музеев и коллекций,

часть из которых принадлежала королевским дворам Европы, часть – ученым и владельцам крупнейших торговых компаний. Известно, что только в Голландии, стране, которая произвела самое большое впечатление на Петра, в конце XVII в. было несколько десятков частных музеев и коллекций.

Во время поездки в европейские страны в 1697–1698 годах далеко не полный список посещенных Петром Великим частных коллекций и музеев выглядит следующим образом:

– Коллекции ост-индских и античных редкостей, моделей кораблей и машин амстердамского бургомистра, одного из руководителей Ост-Индской компании и ученого Николааса Витсена;

– Коллекция древностей «с монетами, медалями и разными камнями» Петра Николааса Калфа в Саардаме;

– Анатомический и зоологический музей профессора анатомии и ботаники в Амстердаме Фредерика Рюйша;

– Амстердамский ботанический сад с оранжереями и музей с образцами водной фауны заморских владений Голландии (в сопровождении Фр. Рюйша);

– Ост-Индский двор в Амстердаме, где в зданиях компании были выставлены коллекции китайского и ост-индского оружия, китайские картины и карты, ряд залов украшали редкие растения;

– Домашний музей купца Якоба де Вильде, обладающего ценными собраниями антики: бронз, резных камней, монет;

– Кабинет Николааса Шевалье в Утрехте (позже И. Шумахер в 1721 году приобрел у наследников часть этой коллекции для Кунсткамеры);

– Петр I посетил А. ван Левенгука, натуралиста и основоположника научной микроскопии и осмотрел его кабинет с коллекциями;

– Ботанический сад и анатомический театр Лейденского университета;

– Музей Лондонского королевского общества и коллекции Монетного двора в Тауэре;

– Музей Ашмола в Оксфорде [2];

– Королевская Кунсткамера в Дрездене;

– Оружейная палата, кунсткамера и картинная галерея в Вене при дворе императора Леопольда I.

Многие из этих коллекций и кунсткамер Петр I снова посетил во время своего второго длительного путешествия в Европу в 1716–1717 годах

В нескольких случаях известны подробности визитов Петра для знакомства с коллекциями, которые ярко свидетельствуют о его интересах. Например, подробно описаны его ежедневные посещения Кунсткамеры в Дрездене во время краткого пребывания в этом городе в июне 1698 года. Приехав в Дрезден к вечеру, Петр после ужина захотел осмотреть знаменитую Кунсткамеру. Наместник Фюрстенберг в час ночи отвел его туда, и царь осматривал коллекции до утра, особенно тщательно он изучал математические инструменты и ремесленные орудия. На следующий день после обеда, осмотра цейхгауза и визита к матери курфюрста он опять посетил Кунсткамеру. На третий день Петр, посмотрев военные упражнения, посетил литейный дом и опять Кунсткамеру. Еще раз дрезденскую Кунсткамеру Петр посетил во время своей остановки в Дрездене в сентябре 1711 года [3]. Во время своего третьего визита в Дрезден в ноябре 1712 года Петр остановился на постой в доме придворного ювелира Иоганна Мельхиора Динглингера. В собрании «Зеленые своды» (бывшей Кунсткамере) в память об этих посещениях Дрездена хранится эмалевый портрет русского царя, выполненный братом ювелира Георгом Фридрихом Динглингером.

В 1717 году, узнав, что в собрании голландского коллекционера Госвина Уйленброка хранится римский саркофаг, Петр I пожелал его видеть. Владелец записал подробности визита: «Когда царь Петр Великий оказал мне честь осмотреть мой кабинет, а эта вещь из-за ее величины была помещена в темную кладовую, его величество потребовал два канделябра со свечами и опустился на колени, чтобы рассмотреть вокруг весь саркофаг и каждую фигуру в точности» [4].

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии 1721–22 годах (РГАДА. Р. II. Кабин. дела. Д. 61. Л. 816-862). Цит. по: Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 546.
2. Этот музей, названный именем известного английского политического деятеля и собирателя древностей Элиаса Ашмола, завещавшего свои коллекции и коллекции, собранные натуралистом и путешественником Джоном Традескантом и его сыном, Оксфордскому университету, является старейшим общедоступным музеем Англии. Он был открыт для публики в 1683 году в специально построенном для него небольшом здании. Можно предположить, что краткое посещение этого музея произвело на Петра I особое впечатление и способствовало формированию его замысла об учреждении публичного музея в России и строительстве специального здания для Кунсткамеры.
3. Брикнер А.Г. Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. // Русская старина, 1874. Т. 11. № 12. С. 729.
4. Цит. по: Неверов О.Я. Собрание редкостей петровской кунсткамеры // Петр Великий – реформатор России: [Сборник статей]. М., 2001. С. 179–195.

## ЗНАКОМСТВО ПЕТРА ВЕЛИКОГО С ЕВРОПЕЙСКИМИ УЧЕНЫМИ

Во время двух своих европейских путешествий Петр I имел возможность познакомиться с рядом выдающихся ученых, которые видели в русском царе монарха, благодаря которому можно было осуществить целый ряд просветительских проектов.

Несомненно, что на реформы Петра I в области просвещения, организации научных исследований в России повлияли проекты Г. Лейбница, который несколько раз встречался с русским царем, а также написал много писем, записок, адресованных как Петру, так и его сподвижникам. В них речь шла о создании центрального учреждения (Академии) для наук и художеств, составлении точного описания страны, организации магнитных наблюдений, экспедиций, создании типографий, библиотек и музея. Лейбниц давал советы о приобретении книг, создании химической лаборатории, астрономической обсерватории. В 1712 году Лейбниц получил от Петра чин тайного советника юстиции и пенсию в 2000 гульденов.

Имя профессора Марбургского университета Христиана Вольфа тесно связано с историей зарождения Петербургской академии наук. Первое известие о намерениях Петра I основать в России академию можно найти в переписке его с Вольфом. При этом Х. Вольф высказывал мнение, что для России было бы легче и полезнее основать вместо академии университет, так как, писал он в 1723 году Л. Блюментросту, скорее можно отыскать способных наставников, чем ученых, приобретших известность своими трудами. Однако это предложение Вольфа не встретило сочувствия в Петербурге, куда усердно приглашали его самого занять место вице-президента во вновь учреждаемой академии. Переписка об этом длилась довольно долго, но, тем не менее, кончилась неудачно. Когда Х. Вольф решительно отказался приехать в Петербург, его просили содействовать приглашению других ученых. Поручение это было

выполнено им с величайшей добросовестностью. Благодаря его непосредственному и весьма деятельному содействию, приглашены были в академию такие силы, как Николай и Даниил Бернуллы, Георг Бильфингер. Вольф также содействовал обучению российских студентов в Марбурге. Самым известным его учеником стал М.В. Ломоносов. Указом Екатерины I Х. Вольф был назначен почетным членом Петербургской Академии наук.

Другим ученым и государственным деятелем, который имел влияние на Петра I, был голландец Николаас Витсен. Еще совсем молодым человеком, после окончания университета, Витсен в 1666 году побывал в России. С тех пор его интерес к стране, изучению, накоплению знаний о ней только возрастал. Его карта России и 2-е издание его книги «Северная и Восточная Тартария» базируются во многом на материале, который Витсен получал непосредственно из России, что свидетельствует о доверии, которым пользовался голландец у русского царя и его сподвижников. Н. Витсен собрал большую универсальную коллекцию, многие экспонаты которой также были получены им из России. Петр и Витсен как коллекционеры обменивались предметами своих собраний.

Важную роль в разработке организационных принципов будущей Академии наук в России сыграло посещение Петром в 1717 году Франции, где он побывал во многих научных и образовательных учреждениях, в том числе в Парижской Академии, Ботаническом саду, анатомическом театре, астрономической обсерватории, галереях



Лувра. Петр познакомился с учеными, врачами, архитекторами, художниками, механиками. Парижская Академия провела чрезвычайное заседание, на котором для Петра «де Лафей (de Lafey) показывал модель водоподъемной машины, Лемери (Lemery) показывал химические опыты, Реомюр (Reaumur) приготовленные им к изданию рисунки к истории искусств, Далем — (Dalesme) действие новой подъемной машин» [1].

---

## **ПРИМЕЧАНИЯ**

1. Полуденский М. Петр Великий в Париже // Русский архив, 1865. М., 1866. Изд. 2-е. С. 81.

## **ОСНОВАНИЕ КУНСТКАМЕРЫ. 1714 Г.**

### **УЧРЕЖДЕНИЕ КУНСТКАМЕРЫ С БИБЛИОТЕКОЙ В 1714 Г.**

Вопрос о дате создания первого российского государственного общедоступного музея – Кунсткамеры, – неоднократно обсуждался в исследованиях, посвященных истории музея, т.к. мы не располагаем указом или письменным распоряжением об основании Кунсткамеры и Библиотеки. Может быть, он до сих пор не найден в архивах, но, скорее всего, его просто не существовало.

1714 год как год основания Кунсткамеры и Библиотеки назван И.Д. Шумахером, который принимал непосредственное участие в создании музея и в руководстве им на протяжении 47 лет вплоть до своей кончины в 1761 году. В книге «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в ней художественных вещей. Сочиненное для охотников, оные вещи смотреть желающих» (русское издание 1744 года) Шумахер пишет: «Библиотека и Кунсткамера учреждены в 1714 году, а в 1724 присоединены к Академии Наук».

Современные исследователи связывают дату основания Кунсткамеры и Библиотеки с 1714 годом с тем, что к этому году из Москвы в Петербург были перевезены личное собрание коллекций и библиотека Петра I, а также книги и коллекции «натуралий» Аптекарской канцелярии. Коллекции и библиотека были временно размещены в Летнем дворце Петра. «Факт сосредоточения к этому году крупного собрания исторических и «натуральных» экспонатов в одном месте и послужил основанием для историков считать 1714 год датой основания первого русского исторического и естественнонаучного музея, получившего название Кунсткамеры» [1].

Еще одним важным аргументом считать 1714 год годом основания музея и библиотеки может служить тот факт, что именно в этом году Петр I поручил своему архиатеру (лейб-медику), доктору медицины Роберту Арескину (Robert Erskine) «надсмотрение» над Кунсткамерой и Библиотекой, то есть назначил особое лицо для работы с коллекциями. В этот же год в Россию приехал И.Д. Шумахер, который поступил на работу в качестве секретаря по иностранной переписке Аптекарской (позднее – Медицинской) канцелярии в подчинение к Р. Арескину и ему одновременно поручили роль «библиотекаря», а именно разбор книг и натуральных препаратов, сосредоточенных в Летнем дворце Петра.

1714 год в качестве даты основания Кунсткамеры называли авторы каталогов и путеводителей по музею XVIII в. И.Г. Бакмейстер и О.П. Беляев.

По абсолютно непонятным причинам в ряде далеких от науки справочных изданий, прежде всего в Интернет-ресурсах типа «Календарь памятных дат», почему-то в качестве конкретной даты основания Кунсткамеры фигурирует 31 января 1714 года, что не имеет под собой никаких оснований.

Получить представление о составе и размерах коллекций и книжного собрания, которые легли в основу знаменитой Кунсткамеры Петра Великого в Петербурге, можно из того же предисловия к «Палатам Санктпетербургской Императорской Академии наук...», написанного И.Д. Шумахером: «С самого начала состояла библиотека только из 2000 книг, которых половина привезена была из Риги, а другая из Москвы. Первые из оных книг были по большей части богословские, а последние медицинские и исторические. В 1718 году умножилось сие

число библиотекою Андрея Виниуса [2], в которой были по большей части Голландские книги. В том же 1718 году получила она опять знатное приращение Питкерновою [3], а в 1719 году Арескиновою библиотекою. Обе содержали почти одни только медицинские, физические и до свободных наук надлежащие книги. В 1727 году вступила в оную Петра Великого собственная библиотека. Наибольшее число его изрядного собрания книг состояло из больших атласов, топографий, дорогих изданий о гражданской, военной и корабельной архитектуре, механике, натуральных вещах и о разном живописном и других изрядных художествах <...> Кунсткамера, почти также как и библиотека, имела невеликое начало, но потом получила знатное умножение. В 1714 году состояла она только из нескольких сот в склянках сохраненных рыб, птиц и гадов, которые Петр Великий при первом своем путешествии в 1698 году купил в Голландии, также и из нескольких уродов и анатомических вещей. В 1716 году прибыло к ней Альберта Себы славное собрание животных четвероногих, птиц, рыб, змей, ящериц, раковин и других диковинных произведений природы из Ост- и Вест-Индии, также и Гданьского доктора Готвальда минеральный кабинет. В 1717 году привезено было из Голландии славного доктора Руйша собрание анатомических вещей, трав и бабочек. В 1721 году куплены в Гамбурге из Лидерова медального кабинета, золотые и часть серебряных старинных и новых медалей; у Мушенброка многие физические и математические инструменты, а из кабинета господина Шевалье всякие смотрения достойные старинные и редкие вещи. В 1725 году отдан был в Кунсткамеру Петра Великого собственный кабинет натуральных вещей и великое число дорогих инструментов и машин, которые Его Императорское Величество чрез многие годы собирал» [4].

Название музея «Кунсткамера» происходит от немецкого «Kunst» — искусство, искусный, сделанный руками и «Kammer» — палата, комната. В начале XVIII в. созданное в 1714 году, а в 1724 году послужившее основой для создания Санкт-Петербургской Академии наук учреждение полностью именовали как «Императорская Библиотека с Кунст и Натурал Каморами», а основные его коллекции содержались в Кабинетах (каморах) артифициалий и натуралий. В этом первоначальном значении слово «кунсткамера» означало собрание раритетов, курьезов, искусно сделанных руками человека в преимущественно далеких и малоизвестных землях и странах.

В течение XVIII в. в различных документах и печатных изданиях можно встретить названия «Кунсткамера и Библиотека Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук», «Кунсткамера Петербургской Академии Наук», «Петербургская Кунсткамера», наконец, просто «Кунсткамера». Следует также упомянуть, что первый каталог музея, опубликованный на латинском языке в 1741–1745 годах назывался «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*» (дословно: Петербургского императорского музея т. 1, 2). Еще один вариант названия музея был представлен в опубликованном в 1776 году на французском языке втором каталоге и путеводителе по музею И.Ф. Бакмейстера «*Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint Petersburg. Par Jean Vasmeister. Sous bibliothécaire de l'Académie des sciences*». Русский перевод книги появился в 1779 году под названием «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук».

Позднее длинное официальное название упростилось до «Кунсткамеры», тем более что так (или иногда «вундеркамерами»; «*Wunder*» — чудо, диковинка) называли ряд музейных и частных коллекций в Германии, Дании, Голландии. В современном русском языке слово «Кунсткамера» часто употребляется как синоним первых музейных коллекций и места их хранения, для обозначения собраний редкостей, диковинных предметов.

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 22.
2. Андрей Виниус (1641–1717) – видный государственный деятель, переводчик, писатель, библиофил. Его отец – Андреас Виниус, голландский купец и промышленник, перешедший в православие и записанный в московские дворяне. А.А. Виниус в 1664 году был взят в Посольский приказ переводчиком, в 1672–1674 годах возглавлял русские посольства в Англию, Францию, Испанию. Думный дьяк, в разные годы возглавлял почтовое ведомство, Аптекарский, Новгородский, Сибирский и Пушкарский приказы. Был одним из образованнейших людей своего времени. С его именем связано создание карты Сибири, был автором сочинений по географии, писал стихи, имел значительную библиотеку и коллекцию произведений искусства.

3. Арчибальд Питкарн (1652–1713), знаменитый на рубеже XVII и XVIII вв. шотландский медик и поэт, доктор медицины. В 1718 году по распоряжению Петра Великого для петербургской Библиотеки было куплено его собрание книг, насчитывающее около 2000 томов.

4. Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, библиотеки и кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочиненное для охотников оные вещи смотреть желающих. Печатано в Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1744. С. 4–7.

## ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ И КИКИНЫ ПАЛАТЫ

Вполне вероятно, что план создания Кунсткамеры зародился у Петра Великого во время его путешествия в страны Западной Европы в 1697–1698 годах, или даже перед поездкой, если принять во внимание тот интерес к посещению частных музеев и коллекций, который он проявлял с самого начала своего путешествия. Об этом же свидетельствуют усилия по покупке коллекций в европейских странах во время Великого посольства.

План организации музея был тесно связан со строительством новой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга, города европейского типа, основными градообразующими функциями планировки которого были фортификация, судостроение, торговля, ансамбли дворцовых и правительственных зданий. Здесь же в самом центре столицы Петр Великий планировал создание Музея и Академии.

Пока город только начинал строиться, а сам Петр жил в маленьком деревянном домике, построенном для него за три дня в мае 1703 года неподалеку от строящейся Петропавловской крепости, было невозможно думать об организации Кунсткамеры и Библиотеки. Но как только в 1714 году было завершено строительство Летнего дворца на берегу реки Фонтанки, Петр приказывает перевезти в новую столицу свои личные коллекцию и библиотеку, а также коллекции, купленные в Европе и временно хранящиеся в Аптекарской канцелярии в Москве. Все предметы бережно перевезли и разместили в Зеленом кабинете Летнего дворца.



Это помещение Летнего дворца хорошо сохранилось до наших дней. Отделка его – один из первых образцов украшения интерьера в духе новой французской моды, привезенной в Россию архитектором Ж.-Б. Леблонем. В этом кабинете, в стенных шкафах, дверцы которых застеклены квадратиками «лунного»

стекла начала XVIII в., и в наши дни можно видеть некоторые экспонаты, в свое время находившиеся в коллекциях Кунсткамеры.

В дворцовых покоях коллекциям было тесно. Ценные предметы нельзя было свободно расставить и показывать широкой публике. Для них требовалось другое помещение. В 1718 году музейные экспонаты разместили в доме опального вельможи Александра Васильевича Кикина – в Кикиных палатах. А.В. Кикин оказался причастен к делу царевича Алексея и был казнен, а его дом конфискован в казну. Петр решил приспособить его под Кунсткамеру и Библиотеку. По тогдашним понятиям, это было большое здание – в два этажа, – построенное в стиле петровского барокко предположительно архитектором А. Шлютером в 1714–1720 годах (в 1720 году, после размещения в нем коллекций, дом был надстроен еще одним этажом). Все собранное было здесь «в надлежащем порядке учреждено и расставлено» и высочайшим распоряжением было велено «всякого желающего <...> смотреть пускать и водить, показывая и изъясняя вещи» [1]. С этого времени, с 1719 года, предметы, хранившиеся в царских коллекциях, стали доступны для всеобщего обозрения. Петр так и заявил: «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились!». Он и сам частенько показывал коллекции и рассказывал о них иностранным послам и русским вельможам.

Одновременно в 1718 году приступили к строительству специального здания Кунсткамеры на стрелке Васильевского острова. До окончания строительства Кунсткамера была открыта для посетителей в здании Кикиных палат до 1728 года.

Мы можем судить о том, как выглядели самые ранние «экспозиции» Кунсткамеры в Кикиных палатах, только на основании воспоминаний посетивших ее иностранных гостей Санкт-Петербурга, т.к. каталоги и планы-чертежи музея появились позже, после переезда в специально построенное здание и создания Санкт-Петербургской Академии наук.

В восьми залах Кикиных палат разместился не только музей. Это было первое в России научное учреждение. Здесь находилась библиотека с

редкими книгами, а также лаборатория, где предписывалось «прилежно исполнять <...> надлежащую химическую работу». В Кунсткамере хранились монеты и медали, анатомические препараты, зоологические и ботанические диковинки, «каменья необыкновенные», древние, археологические находки, – словом, такое количество разных диковинок и редкостей, «что можно было совсем растеряться», как написал один иностранный путешественник.

Приведем несколько цитат из описаний посещения Кикиных палат в начале 20-х годов XVIII в. иностранными дипломатами и путешественниками.

Записки Фридриха Христиана Вебера [2]: «Если будет продолжаться постоянно приращение и теперь уже драгоценной библиотеки, то в немного лет она станет наряду с важнейшими Европейскими, не по числу, но по достоинству находящихся в ней книг. Превосходные картины, которыми обладает царь, нельзя купить ни за какие деньги. Вещи, перешедшие к нему от предков его и полученные им из всех Азиатских областей, тщательно хранимые в Петербурге, составляют превосходнейший кабинет редкостей <...> Химические и другие редкости из царства растительного и минерального, множество уродов, Готторпская сфера, представляющая систему Коперника, математические инструменты и множество других вещей, состоявших прежде под наблюдением умершего царского лейб-медика Арескина, по справедливости заставляют удивляться, каким образом такое громадное, драгоценное собрание могло быть составлено здесь в столь короткое время...».

Анонимный автор, участник посольства мазовецкого воеводы Станислава Хоментовского в 1720 году, осмотревший коллекции Кунсткамеры в Кикиных палатах, которые, судя по тексту его воспоминаний, показывал участникам посольства сам Петр I, пишет [3]: «За городом по направлению к монастырю у реки Невы стоит небольшой каменный дворец, в котором его царская милость показал нам свою Анатомию. Он ее купил где-то за Голландией у какого-то знаменитого заморского доктора <...> Через сени с крыльцом входят в комнату, где в шкафах расставлено множество склянок. В них сохраняются головки маленьких детей — от годовалого и лет до трех, и они в этом спирте настолько свежи, что совсем как живые <...> В трех других комнатах выставлена превосходная библиотека, в ней есть старые книги, возрастом в полторы тысячи лет,

как высчитали отцы иезуиты. Больше всего греческих, есть также много книг, напечатанных на славянском языке <...> Собрание образцов зверей, сохраняемых в бутылках, столь же богато, как и человеческих <...> Было там также чучело дикаря, найденного мертвым с двумя лодками; в одной лодке были рыба, копье и колчан со стрелами из морского тростника; тростинки были сучковатые, а копье железное и широкое; где ему это сделали? Лука не было — наверно, выпал или же сбросило ветром. В другой лодке сидел сам этот дикарь и сидя умер. Одежда его — из удивительной пестро-желтоватой шкуры, шапка с торчащими вверх рожками из еще более удивительной кожи. Сам он был маленького роста. Здесь трудно описать все виденное, так как и при писании уже забылись особенно морские предметы, чешуя рыб, раки и т. п...».

Фридрих Вильгельм Берхгольц (Friedrich Wilhelm von Bergholtz) — голштинский дворянин, в течение многих лет живший в Российской империи, где его отец Вильгельм был генералом на императорской службе, оставил в своем дневнике подробное описание своего посещения Кикиных палат [4]: «В этот день я <...> ходил в царскую Кунсткамеру, собранную его величеством царем с большими издержками и заключающую в себе множество замечательных предметов по части естественной истории и другим <...> В Кунсткамере расставлено большое количество сосудов, в которых сохраняются в спирту всякого рода звери, птицы, рыбы, змеи и тому подобные, также разные части человеческого тела, целые трупы, уроды, зародыши обоого пола <...> При Кунсткамере находятся прекрасный мюнц-кабинет и довольно большая библиотека, собранная большею частью в Польше. При ней же помещается особо и библиотека бывшего лейб-медика Арескина, состоящая преимущественно из книг медицинских, физических и философских, но дорогих и редких».

Полностью строительство здания Кунсткамеры было завершено только в 1734 году, но уже с 1727 года коллекции и библиотеку начинают в него перевозить и устраивать на постоянные места хранения и показа.

По сообщению газеты «Санктпетербургские Ведомости» [5] от 25 ноября 1728 года в торжественной обстановке была «отперта здесь паки императорская Библиотека с Кунст и Натурал каморою впервые потом как она в новые академические палаты переведена».

Присутствовавшие на открытии гости осмотрели Кунсткамеру и «все прочее, что в здешней Академии Наук примечания достойно есть», и выразили «особливое свое удовольствие», что все находится «в добром порядке».

Наличие среди гостей государственных деятелей и придворного общества того времени говорило о том, что открытие Кунсткамеры и Библиотеки расценивалось как крупное событие в жизни города и страны.

В той же газете было помещено объявление, в котором говорилось, что «Библиотека равным же образом повседельно дважды, а именно во вторник и в пятницу пополудни от 2 до 4 часа отперта, и всякому вход в оную свободен, но кто кунст и натур камору осмотреть пожелает, тому надлежит о том за день библиотекарю объявить и о удобном времени у него известие получить».

---

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. 1787. С. 115.
2. Ф.В. Вебер – ганноверский резидент при русском дворе в царствование Петра Великого; после того, как ганноверский курфюрст Георг стал английским королем, представлял в Петербурге интересы английского двора. Цит. по: Вебер Ф. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. М., 1872. № 7–8. Стб. 1420.
3. Краткое описание города Петербурга и совершившегося в нем в 1720 году (Записки поляка–очевидца) // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 270–272.
4. [Берхгольц Ф.В.] Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Часть 1. 1721 г. Москва. 1858. 2-е изд. С. 106–109.
5. Санктпетербургские Ведомости. 1728. № 85.

## ЗАВЕДЕНИЕ КУНСТКАМЕРЫ.

### ИЗ ПОДЛИННЫХ АНЕКДОТОВ О ПЕТРЕ

В книге «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным» [1], напечатанной в 1785 году, в год смерти автора, на немецком языке в Лейпциге и переведенной на русский и французский языки еще в начале XIX в., учреждение Кунсткамеры не только упоминается в составленном автором перечне важнейших дел императора, но некоторые эпизоды ранней истории музея излагаются в разделе «Анекдот 27. Заведение Кунсткамеры». Имеется в виду бытовавшее в русском языке XVIII в. значение слова «анекдот» как рассказ, изложение устного рассказа о событиях примечательных и достопамятных. Из авторского предисловия к книге «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным» можно заключить, что анекдотами о Петре он считал сведения, которые нигде не были опубликованы и получены им из устных сообщений. Ряд исследователей этого жанра русской литературы XVIII–XIX вв. настаивают на понимание «анекдота» как короткой забавной или пикантной истории, которая совсем не претендует на правдивость [2]. Из ссылки, помещенной Я. Штелином в конце приведенного ниже текста следует, что речь идет об устных воспоминаниях, сообщенных автору И.Д. Шумахером.

#### *Анекдот 27. Заведение кунсткамеры [3]*

Петр Великий во время первого своего пребывания в Голландии в 1698 году занимался только своим намерением, касательно до кораблестроения, мореплавания, коммерции, художеств, фабрик и промыслов. Но во время второго своего пребывания там и во Франции, в 1717 и 18 годах, гораздо уже рачительнее старался он особенно о науках и художествах. Везде осматривал он публичные и знатнейшие частных людей собрания картин, произведений искусства и натуральных редкостей. Особливо ж в Амстердаме возбуждали его любопытство два весьма редкие и дорогие кабинета, которые он часто посещал, с величайшим вниманием осматривал, и, наконец, купил дорогою ценою и с великою осторожностью приказал перевезти в Петербург. Один из сих кабинетов состоял в полном анатомическом сокровище, над собранием которого славный профессор Руйш трудился слишком 40 лет. Описание оногo напечатано в Голландии под названием: *Thesaurus Anatomicus per scrinia divisus*, со многими



фигурами, и у всякого анатомика находится; оригиналы ж все хранятся в Санкт-Петербурге при Академии наук. Другой кабинет составляло тогдашнего амстердамского аптекаря Зебы [4] большое собрание всех известных земных и морских животных, птиц, змей и насекомых из Ост- и Вест-Индии, которого описание в двух книгах, в лист, с прекрасно гравированными фигурами, известно под названием: *Sebae Thesaurus Naturae, etc.* Петр Великий приказал в Амстердаме живописцу Кселю [5] списать и портреты обоих сих славных мужей и поставить их в Кунсткамере при сих собранных ими вещах. Портрет Зебы и поныне еще находится в Академии, но куда девался Руйшев портрет, не известно. Библиотекарь Шумахер думал, что он по кончине Петра Великого не отдан был в Академию вместе с прочими вещами, но попался в число других картин, либо как-нибудь утрачен. Упомянутые два славные во всем свете собрания составляли первое основание кабинета натуральных редкостей, находящегося ныне при Академии наук. Петр Великий приказал для оного очистить особый от других строений каменный дом при Неве реке, на так называемом Смольном дворе. Там всякую неделю по два или по три дни проводил он утро в систематическом рассматривании вещей, пока наступало время ехать в Адмиралтейство. Он столько занимался сим собранием множества редких и драгоценных вещей, вывезенных из отдаленных частей мира, что некогда назначил там поутру в пять часов первую аудиенцию прибывшему к нему от Римского императора посланнику. При сем случае канцлер представлял ему, не лучше ли угодно будет его величеству дать посланнику первую аудиенцию в летнем дворце? «Пусть он сюда придет, – отвечал государь, – для посланника все равно, где бы я в первый раз его не принял; он прислан ко мне, а не в который-нибудь дом, и может сказать мне, что надобно, там, где меня найдет». И так аудиенция дана была в пять часов поутру в Кабинете натуральных редкостей.

В другое время его величество, находясь там с генерал-прокурором Павлом Ивановичем Ягужинским, с некоторыми сенаторами и с другими знатными господами, показывал им систематическое расположение натуральных редкостей и руйшевых драгоценных анатомических препаратов и объяснял им важную пользу сего собрания в знании человеческого тела, необходимом для врачебной науки и для верной практики в оной. Тогда же его величество приказал библиотекарю Шумахеру, который приставлен был

надзирателем к сему кабинету под главною дирекциею лейб-медика Арескина, чтобы он, как уже все приведено в надлежащий порядок, впускал туда всякого, кто захочет смотреть сии редкости, и показывал бы оные с нужным объяснением.

Ягужинский превозносил должною похвалою сие мудрое и милостивое монархово намерение, но из ревности к государевой выгоде сделал еще предложение, чтобы всякой, кто захочет смотреть редкости, должен был платить за вход по рублю или по два, из чего можно бы собрать сумму на содержание сих столь драгоценных вещей и при случае на умножение оных.

Государь, который старался всеми способами возбудить в подданных своих охоту к познанию произведений природы и искусства, тотчас прервал речь его и сказал: «Павел Иванович, пустое ты говоришь! Твое предложение препятствовало бы только, а не способствовало моему намерению. Кто бы стал заботиться о моих натуральных редкостях, или захотел бы смотреть их, когда бы должно было платить за то деньги? Я еще приказываю не только всякого пускать сюда даром, но если кто приедет с компаниею смотреть редкости, то и угощать их на мой счет чашкою кофе, рюмкой вина или водки, либо чем-нибудь иным, в самых этих комнатах».

Вследствие сего высочайшего повеления определено библиотекарю, сверх его жалованья, по 40 рублей в год для помянутого угощения, и я еще в царствование императрицы Анны Иоанновны часто видал, что знатнейшие посетители в Кунсткамере угощаются были кофеем, венгерским вином, цукербродом, или другими напитками и закусками; люди низшего состояния водимы были с услужливостью суббиблиотекарем, либо другими знающими служителями по всем комнатам, и все редкости показываемы им были с кратким объяснением.

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Штелин Яков Яковлевич (Jacob von Staehlin; 1709-1785) – один из выдающихся деятелей Санкт-Петербургской академии наук в первый период ее существования. Родился в городе Меннингене, Германия. В 1735 году он был выписан по контракту в Академию «для словесных наук и аллегорических изобретений для фейерверков, иллюминаций и медалей», в 1738 году назначен профессором

«элоквиции и поэзии» и членом Академии, в 1741 году принял в свое заведование основанный при академии художественный департамент, а затем и Академию изящных искусств, состоящую при академии наук. Был конференц-секретарем Академии наук в 1765–1769 годах.

2. Mervaud M. Les Anecdotes sur le czar Pierre le Grand de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // Studies on Voltaire and the eighteenth century. 1996. Vol. 341. P. 110.

3. Цит. по: Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. 3-е изд., вновь испр. М., 1830. Ч. 1. С. 101–106.

4. Имеется в виду Альберт Себа.

5. Речь идет о Георге Гзеле.

6. Примечание Я. Штелина: «От г. советника Шумахера, библиотекаря и главного надзирателя над Кунсткамерой».

## **КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ**

### **ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ КУНСТКАМЕРЫ**

Дата	Событие
1697–1698	Во время Великого посольства 1697–1698 годов по распоряжению царя Петра I были куплены для отправки в Россию: 1) научные книги; 2) научные приборы и инструменты; 3) предметы по естественной истории – сухие и спиртовые препараты, живые птицы и животные. Приобретения обогатили уже имевшиеся личные естественнонаучные и художественные коллекции царя и позже были переданы Петром Великим в Кунсткамеру при ее создании в 1714 году.
1713	Правитель герцогства Шлезвиг-Гольштейн и опекун молодого герцога Карла Фридриха Гольштейн Готторпского епископ Христиан Август подарил царю Петру I большой небесный и земной глобус, сделанный по системе Коперника механиком Адамом Бушем под руководством ученого Адама Олеария в 1651–1664 годах.
1716	Сибирский губернатор М.П. Гагарин преподнес Петру I собрание сибирских археологических находок.
1716	Петр I приобрел у амстердамского аптекаря Альберта Себы коллекцию животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых из Ост- и Вест-Индии.
1717	Петр I купил акварели и дневник наблюдений за метаморфозом

	насекомых художницы и энтомолога Марии Сибиллы Мериан.
1717	Петр I приобрел анатомическое собрание амстердамского профессора анатомии Фр. Рюйша.
1721– 1722	«Кунсткамеры надзиратель и библиотекарь» И.Д. Шумахер во время путешествия по странам Западной Европы купил научные приборы и инструменты, в частности – физические приборы у физика Питера Мушенбрука в Лейдене, восковую модель мозга человека в натуральном черепе, изготовленную анатомом Ж.Г. Дювернеем в Париже, коллекцию древних монет Иоганна Людерса в Гамбурге, древности и полудрагоценные камни из кабинета Николаса Шевалье в Утрехте.
1725	По распоряжению Екатерины I в Кунсткамеру направлено около 200 предметов из личного собрания Петра I: образцы военных кораблей, галер, мортир и пушек, сферы, небесные и земные глобусы, служившие для обучения молодого Петра, изделия из кости и дерева, выполненные самим Петром I, а также «китайские и татарские редкости».
1726	В Кунсткамеру из собрания лейб-медика Роберта Арескина были переданы минералы, раковины, разные редкости, акварели с изображением цветов и насекомых, выполненные Марией Сибиллой Мериан, а также золотые и серебряные вещи из раскопок близ Астрахани, 250 золотых археологических вещей из Сибири «из гробов татар».
1728	В музей поступили зоологические, ботанические, археологические и этнографические зарисовки и коллекции, привезенные доктором Д.Г. Мессершмидтом из экспедиции в Сибирь.
1728	Из собрания Петра I в Кунсткамеру было передано более 1000 древних российских и «татарских» монет, 276 бронзовых медалей, посвященных разным событиям правления Людовика XIV, математические, физические, астрономические и анатомические приборы и инструменты императора.
1732	В Кунсткамеру, в мемориальный Кабинет Петра Великого была передана восковая персона Петра I работы К.Б. Растрелли.
1735	По устному распоряжению императрицы Анны Иоанновны в Кунсткамеру поступили токарные и слесарные машины и инструменты Петра I.
1736	Собрания Кунсткамеры пополнились коллекциями генерал-фельдмаршала Я.В. Брюса: книгами, научными приборами и инструментами, картами, чертежами, старинными монетами, восточными манускриптами, китайскими и азиатскими древностями, костями мамонта.
1741	В Кунсткамеру были переданы золотые, серебряные, медные медали из собраний казненного А.П. Волынского и сосланного в Соловецкий монастырь П.И. Мусина-Пушкина.

1741	В музей поступили чучело лошади Петра I Лизетты в полном уборе, чучела собак императора по кличкам Тиран и Лизетта.
1741–1747	От академического отряда Второй камчатской экспедиции в музей были приняты коллекции и рисунки по зоологии, ботанике, минералогии, палеонтологии, археологии, этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, собранные профессором истории Г.Ф. Миллером, профессором химии и натуральной истории И.Г. Гмелиным, тогдашним студентом и будущим профессором натуральной истории и ботаники С.П. Крашенинниковым, адъютантом и будущим профессором древностей и истории И.Э. Фишером и скоропостижно скончавшимся в 1746 году адъютантом натуральной истории и ботаники Г.В. Стеллером.
1756	Музейное собрание пополнилось коллекцией по этнографии народов Китая, приобретенной лекарем Францем Лукой Елачичем в Китае по заданию Академии наук.
1769	В Кунсткамеру были переданы преподнесенные Екатерине II приборы, изготовленные И.П. Кулибиным: часы, телескоп, микроскоп, «электрическая машина».
1770	По распоряжению Екатерины II в Минералогический кабинет Кунсткамеры была принята пирамида, составленная из сибирских минералов.
1768–1774	Академией наук был проведен ряд «физических» экспедиций, работавших в Поволжье, на Урале, Европейском севере, в Сибири, Прикаспии, на Кавказе. Возглавили экспедиции П.С. Паллас, И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин, И.П. Фальк, И.Г. Георги, И.А. Гильденштедт. В состав экспедиций также входили Н. Рычков, Н.Я. Озерецковский и др. Перед экспедициями были поставлены комплексные задачи по экономико-географическому исследованию этих территорий Российской империи. В годы работы экспедиций в Кунсткамеру Академии наук высылались ботанические, зоологические, минералогические, этнографические коллекции и рисунки.
1780	По распоряжению Екатерины II на хранение в Кунсткамеру были переданы привезенные в Санкт-Петербург командиром Камчатки майором М.К. Бемом этнографические вещи и гравюры по этнографии Океании, подаренные участниками третьего кругосветного плавания Дж. Кука.
1794	По указу Екатерины II в музей поступили ботанические, зоологические коллекции, а также предметы по этнографии Курил, Японии, Алеутских островов из экспедиции А. Лаксмана в Японию (1792–1793).
1794	Музейное собрание пополнилось зоологическими и этнографическими коллекциями из Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции под командованием капитан-лейтенанта И.И. Биллингса (1785–1794).



1803–1806	Из первого русского кругосветного плавания под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в Кунсткамеру присылались зоологические и этнографические коллекции из Океании и Северной Америки, Северо-Восточной Азии.
1819	В музей поступили коллекции из кругосветного плавания на шлюпе «Диана» под командованием В.М. Головнина (1807–1809).
1819–1821	Из первой русской антарктической экспедиции на шлюпе «Восток» под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена в Кунсткамеру присылались зоологические, ботанические и этнографические коллекции.
1828	В Кунсткамеру были переданы этнографические коллекции из расформированного Музея адмиралтейского департамента.
1825–1828	Из экспедиции натуралиста и этнографа Г.И. Лангсдорфа во внутренние районы Бразилии в Кунсткамеру поступали коллекции по зоологии и ботанике, материалы по традиционной культуре и языкам индейцев Бразилии.
1833	Николай I подарил музею купленную им большую китайскую коллекцию пристава Духовной миссии в Китае подполковника М.В. Ладыженского.

## ПРИБРЕТЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ В ЕВРОПЕ

### *Приобретение коллекции Ф. Рюйша. 1717 г.*

Фредерик Рюйш (Frederik Ruysch; 1638–1731), всемирно известный голландский анатом, родился в Гааге (Нидерланды) и получил специальность фармацевта в университете города Франекер на севере Нидерландов. Уже имея собственную аптеку, он продолжил образование на медицинском факультете Лейденского университета, где занимался препарированием и консервированием кровеносных и лимфатических сосудов, что стало очень популярным после открытия кровообращения У. Гарвеем. Его друг по университету Ян Сваммердам показал ему технику инъекций в кровеносные сосуды мертвого тела, в которые он вводил расплавленный воск. Рюйш долго усовершенствовал эту технику, пока не добился поразительных результатов: его препараты имели прижизненную окраску и могли храниться очень долго.

В 1666 году Рюйш стал городским анатомом Амстердама и начал создавать свой домашний музей или «кабинет».

Рюйш стремился так декорировать свои анатомические препараты, чтобы они вызывали восхищение даже у людей, не имеющих больших познаний в анатомии. Он закрывал место отреза от тела детских ручек и ножек салфеточками с кружевами, чтобы они выглядели привлекательно и не пугали видом мертвой плоти. В розовые от инъекции пальчики иногда вкладывался другой маленький препарат, а рядом с ножкой ребенка помещался эмбрион.

Ф. Рюйш был автором ряда научных открытий. Он открыл эмбриональную артерию стекловидного тела глаза, изучил варианты бронхиальных и легочных артерий. Эти открытия стали возможными благодаря усовершенствованию его методики инъекций, проникающих в такие мелкие сосуды, которые можно было увидеть только в микроскоп. Уникальная методика анатома стала называться современниками «Рюйшевым искусством», а его домашний музей – «седьмым чудом света».

Петр I, приехавший в Голландию в 1697 году вместе с Великим посольством, и знакомившийся со всеми достопримечательностями Амстердама, естественно, не мог не посетить «кабинет» Рюйша. 17 сентября 1697 года он просит бургомистра Амстердама Николааса Витсена представить его 60-летнему профессору Рюйшу, пользовавшемуся международной славой. Огромная анатомическая коллекция в домашнем музее–кабинете Рюйша на канале Блюмграхт, 15 произвела на Петра сильное впечатление. Он оставил в книге посетителей следующую запись: «Я, нижеподписавшийся, во время путешествия с целью увидеть бóльшую часть Европы, побывал здесь, в Амстердаме, для получения знаний, потребность в которых всегда имел, осматривал здесь вещи, среди которых я не в последнюю очередь увидел искусство в анатомии господина Рюйша и, как принято в этом доме, подписал это собственноручно. Петр». Ниже подписался Александр Меньшиков.

С юных лет Петр I интересовался медициной, часто общался со своим лейб-медиком Иваном Тирмондом, очевидно, в том числе и с его помощью выучился делать некоторые хирургические операции, умел весьма искусно перевязывать раны, пускать кровь, выдергивать зубы.

В Амстердаме царь нашел прекрасного наставника в анатомии – Фредерика Рюйша. О серьезности этих занятий свидетельствует рассказ об общении русского царя и амстердамского профессора анатомии: «Анатомия, медицина, а особенно хирургия и натуральная история также занимали досуги Петра. Он слушал курс в первой из сих наук в Амстердаме в 1697 году у известного своею ученостью профессора Рюйша; для избегания толпы любопытных, собиравшихся на городских улицах, чтобы видеть его, нанял для себя комнату в гостинице Св. Петра рядом с домом профессора и приказал на свой счет сделать между сими двумя зданиями коридор, следы коего до сих пор еще видны» [1].

Вернувшись в Россию, царь не забывал среди множества дел посылать Рюйшу некоторые образцы фауны России.

Почти 20 лет спустя, в январе 1716 года царь Петр предпринял второе путешествие за границу. Он с огромным интересом осмотрел умножившиеся коллекции Ф. Рюйша и, узнав, что Рюйш хочет продать их, поручил вести переговоры о покупке своему архиатеру (лейб-медику) Роберту Арескину. Все собрание, включающее более 2000 препаратов по эмбриологии и анатомии человека, а также 1179 образцов мелких млекопитающих, пресмыкающихся и насекомых, 259 птиц, законсервированных сухим способом, 2 шкафа с гербарием и большое число ящичков с бабочками, морскими животными и раковинами – почти все, что входило в первые 10 каталогов Рюйша, было куплено за 30000 золотых гульденов и доставлено в Россию.

Прошло почти 300 лет. За эти годы происходило многое: пожар Кунсткамеры, неоднократное перемещение коллекций, ремонт здания, испарение или полная утечка консервирующего раствора в трудные для музея периоды – все отражалось на состоянии препаратов, приводило к порче или выбраковке части из них. За три века утрачена половина анатомических экспонатов. Однако и в наши дни коллекция Рюйша уникальна и по количеству, и по разнообразию препаратов.

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. очерк А. Корниловича «О частной жизни императора Петра I» (альманах «Русская старина на 1825 год» со ссылкой на книгу J. Scheltema. *Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelve wederkeerige betrekkingen*. Amsterdam, 1817–1819).

### *Приобретение коллекции А. Себы. 1717 г.*

14 февраля 1716 года Петр I распорядился купить коллекцию амстердамского аптекаря Альберта Себы, которая 2 сентября того же года прибыла в Санкт-Петербург. Собрание Себы включало как натуралии, в основном из Южной Америки, так и художественные предметы из Японии, Китая и Южной Америки. Среди зоологических экспонатов были различные рыбы, змеи, в том числе анаконда, которая ныне представлена в Зоологическом музее РАН, ящерицы, жаба-пипа, чучела ленивца, сумчатой летяги, муравьеда. Благодаря покупке коллекции А. Себы собрание Кунсткамеры пополнились китайскими предметами одежды, японскими произведениями искусства, оружием (кинжал крис).

А. Себа родился 12 мая 1665 года в Этцеле, деревне на севере Германии, в семье крестьянина. Его учителями были студент, учивший детей латыни, и брат сельского священника, из соседнего городка, основанного голландскими меннонитами. В 20-летнем возрасте Альберт Себа продолжил свое образование в Голландии, сначала в Гронингенском, а потом Амстердамском университетах. Став подмастерьем, он три года работал в Амстердаме, потом уехал в Нюрнберг, еще через три года в Страсбург, а в 1697 году в июне поселился в Амстердаме, где сдал экзамен и получил сертификат аптекаря. Переехав в Амстердам, А. Себа в 1700 году купил дом, в котором жила его семья и где размещалась «Немецкая аптека» – так называлась аптека Себы.

В 1711 году А. Себа предложил свои услуги по поставке лекарств будущему лейб-медику, а тогда врачу А.Д. Меншикова Роберту Арескину, и уже к 1715 году оборот его торговли составил около 30000 гульденов, что подтверждается документами, изученными нидерландской исследовательницей Й. Дриссен ван хет Реве.

Альберт Себа собрал большую универсальную коллекцию. Этот аптекарь одним из первых всходил на борт возвращавшихся из дальних плаваний кораблей для приобретения привозимых моряками редкостей. Измученные плаванием и болезнями моряки получали от него лекарства, а Себа покупал или получал в качестве подарков от шкиперов и хирургов не только компоненты для лекарств, но и разные диковинки для своих коллекций. Сам Себа не путешествовал; но к своим собранию и познаниям, полученным благодаря коллекции, относился очень серьезно. Об этом свидетельствуют и его переписка с учеными, и тот факт, что Альберт Себа состоял членом трех научных обществ.

После продажи Петру I своего собрания А. Себа продолжил коллекционирование и описание своей второй коллекции, которое начал издавать с 1734 года (издание было завершено после смерти Себы, в 1765 году). Это знаменитая книга «*Locupletissimi rerum naturalium thesauri*». До 1752 года вторая коллекции Себы сохранялась как единое целое, и лишь в 1752 году наследники стали распродавать её на аукционе. Петербургская Академия наук купила на распродаже часть зоологической коллекции, чтобы восполнить фонды Кунсткамеры, пострадавшие во время пожара 1747 года.

#### *Приобретение акварелей Марии Сибиллы Мериан. 1717 г.*

Известная европейская художница и энтомолог Мария Сибилла Мериан родилась 4 апреля 1647 года во Франкфурте-на-Майне, а потом некоторое время жила в Нюрнберге. М.С. Мериан росла в художественной среде: художниками были ее отец, отчим, братья. В 1686 году она с дочерьми и матерью, голландкой по происхождению, переехала в Западную Фрисландию. С 1691 года Мария Сибилла жила в Амстердаме. С 1699 по 1701 годы М.С. Мериан с дочерью Доротеей Марией находилась в Суринаме, где изучала и зарисовывала насекомых, а также собирала коллекцию суринамских насекомых, приобретала чучела животных. Результатом ее труда стали сотни эскизов, рисунков («все, что нашла и поймала <...> я точно переношу на пергамент» [1]), записи с наблюдениями, ящики с коллекциями: 20 коробок с бабочками, жуками, колибри, светлячками, «1 крокодил, 2 больших змей и 19 маленьких, 11 игуан, 1 геккон, 1 маленькая черепаха» [2].



Существует легенда, что Петр I, бывший в 1717 году в Амстердаме, пришел в дом Мериан в тот день, когда разбитая параличом художница умерла. Русский царь пригласил в Россию для работы дочь М.С. Мериан Доротею и ее мужа художника Георга Гзеля. 2 января 1717 года Р. Арескин по указу царя заплатил 3000 гульденов «амстердамскому жителю Юрию Гзелю за две книги больших <...>, в которых вложены пергаминовые листы, на которых малевано самым добрым мастерством живописным всякие цветы, также бабочки, мушки, и прочие всякие животные» [3]. «Пергаминовых листов» было 254. Для себя Р. Арескин, имевший к тому времени богатейшую библиотеку и коллекцию минералов, раковин и разных художественных редкостей, также приобрел несколько альбомов с рисунками насекомых. Среди них «миниатюрные живописи червей, цветов, бабочек и других насекомых, которые писаны на особенных в лист пергаментях» и «Studienbuch». «Studienbuch» — это рукописная книга, на лицевых сторонах листов наклеены рисунки, выполненные на пергаменте или бумаге и вставленные в рамки из синей бумаги (на сегодняшний день в книге 285 рисунков). На обороте листов — записи М.С. Мериан, которые, как показал анализ письма, делались в течение 30 лет [4]. После смерти Р. Арескина его коллекция и библиотека в 1719 году были приобретены Петром и поступили в императорскую Кунсткамеру и Библиотеку, а после смерти Петра I все собрание царя было передано в Академию наук [5]. В 1736 году Академия наук приобрела у Доротеи Марии Гзель, ездившей в Голландию «ради собственных <...> нужд», «тридцать четыре фигуры разных цветов», и обязалась выплатить «ей, Гзельше, триста рублей, когда в академии будет денежная казна» [6]. К 1741 году в Академии наук хранилось, по данным каталога Кунсткамеры [7], восемь альбомов с оригинальными рисунками художницы. По описанию в уже упомянутом каталоге Кунсткамеры в Академии наук из акварелей Марии Сибиллы Мериан к 1741 году находились:

- 1) 254 рисунка на пергаменте, вложенных в два тома: 127 в одном, и 117 (так в тексте; вероятно, опечатка, следует читать «127») в другом — формата Groß Folio, с изображениями цветов, трав и насекомых;
- 2) альбом с 27 рисунками цветов, плодов, насекомых, на пергаменте;
- 3) альбом с 60 рисунками на пергаменте к книге «Метаморфозы суринамских насекомых»;

- 4) альбом с 60 рисунками на пергаменте морских раков, пауков, раковин, камней;
- 5) альбом с 31 рисунком, частью на бумаге, частью на пергаменте, растений и насекомых;
- 6) альбом с 50 рисунками меньшего формата с изображением насекомых;
- 7) 150 рисунков с чудесными превращениями гусениц, на пергаменте;
- 9) книга с 317 рисунками, также на пергаменте [8].

Интерес русского царя к творчеству Марии Сибиллы был не случайным. К 1717 году, когда Петр и Р. Арескин приобрели ее работы, Мария Сибилла была знаменита и как художница, и как исследователь насекомых, издавшая несколько книг. Она входила в круг лиц, который был хорошо знаком Петру еще по первой поездке в Голландию. Это прежде всего Н. Витсен и Фр. Рюйш. О книгах М.С. Мериан сообщал Петру и А. Себа. Страстному коллекционеру, Петру были известны и те самые «метаморфозы» насекомых, описанные и зарисованные Марией Сибиллой. После возвращения из первого путешествия Петр не только переписывался с новыми знакомыми, но и как настоящий собиратель обменивался с ними натуралиями из России.

---

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из письма М.С. Мериан нюрнбергскому врачу И.Г. Фолькамеру от 8 октября 1702 г. Цит. по: Уллманн Х. Мария Сибилла Мериан – ее время, жизнь и творчество // Merian M.S. Leningrader Aquarelle. Leipzig, 1974 .S. 57.
2. Ibid. S. 51.
3. Сборник выписок их архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 77.
4. См. описание этой рукописи: Рукописи латинского алфавита XVI–XVII вв. / Сост. И.Н. Лебедева. Л., 1979. С. 136–139.
5. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 368.
6. Материалы для истории Императорской Академии наук. (1736–1738). СПб., 1886. Т. 3. С. 99.

7. *Musei Imperialis Petropolitanae* vol. 1–2. [SPb], 1741–1745. Т. II. Р. 174–176.

8. Под номером 8 в каталоге описан альбом, не имеющий отношения к М.С. Мериан. Мы оставляем здесь нумерацию каталога, пропуская номер 8.

В феврале 1721 года Иоганн Даниил Шумахер (Johann Daniel Schumacher), к тому времени библиотекарь Петра I и «надсмотритель Кунсткамеры», отправился в путешествие в Германию, Францию, Англию и Голландию. Причиной поездки были личные дела И.Д. Шумахера. Вместе с разрешением Петра I на отъезд из России библиотекарь получил и целый ряд важных заданий как от самого царя, так и от лейб-медика Л.Л. Блюментроста. Кроме установления контактов с европейскими учеными Шумахер должен был посещать музеи и библиотеки, чтобы «примечать» порядок расположения в них экспонатов, чем отличаются от «царского величества кабинета», чего недостает в последнем и что можно приобрести. Должен был И.Д. Шумахер позаботиться и о приобретении как новых книг, так и покупке целой «изрядной» библиотеки. Во Франции он побывал в Обсерватории, Королевской натуралиев и анатомической камере, Лувре, на Королевском монетном дворе, познакомился с кабинетом медалей в Версале. В Германии Шумахер побывал в Берлинском музее, частных собраниях в Гамбурге, Ганновере, Публичном музее в Лейпциге, Кунсткамере в Дрездене, Нумизматическом кабинете в Саксен-Готе, Кунст- и натуралиев камере в Касселе. В Голландии он встретился со знакомыми Петру учеными и коллекционерами Фр. Рюйшем, А. Себа, Я. де Вильде; побывал и осмотрел разные частные собрания: Винцента в Гарлеме, Де ла Курта в Лейдене, познакомился с «изрядной» библиотекой в Гааге; съездил в Делфт, Утрехт, Антверпен. В Англии Шумахер был в Лондоне, Оксфорде и Кембридже.

Вернувшись в 1722 году в Петербург, И.Д. Шумахер написал подробный отчет о выполнении предписанных ему поручений [1]: где был, что видел, что приобрел, с кем познакомился и какие выводы из всего этого сделал. В отчете Шумахер дал сравнительную характеристику петербургского музея и тех собраний, которые он увидел в европейских городах, что позволяет понять, какой была Кунсткамера уже в 1721 году. Так, анатомическое собрание Петра I было настолько богато, что не имело себе подобных. «Камни,

минералы, звери» также хорошо представлены, однако их необходимо дополнить российскими натуралиями.

Из приобретений для музея важны были покупки математических и научных инструментов во Франции и Голландии, камеры-обскуры и латерны магии в Голландии, части кабинета медалей И. Людерса в Гамбурге, которая положила начало собранию древних монет Кунсткамеры (другая часть коллекции Людерса была куплена для Кунсткамеры позже, в 1738 году). На аукционе в Голландии И.Д. Шумахер купил некоторые вещи из кабинета Н. Шевалье: геммы, древние светильники, два цилиндрические зеркала, несколько старинных флейт. На другом аукционе вместе с Питером Де ла Куртом, также знакомым Петра, он приобрел оранжерею и живописные полотна, так как в «новую библиотеку и кунст-камеру впредь живописи весьма надобны будут». Шумахер потратил на приобретение коллекций и книг 3707 рублей 87 копеек.

Знаменательна поездка Шумахера была еще и потому, что в Европе впервые были показаны, а прессой отмечены предметы российского происхождения, предназначавшиеся для «царского кабинета». В отчете Шумахер писал, какое впечатление на французских академиков произвели орнитологические сборы Д.Г. Мессершмидта, присланные из Тобольска, пожелавших, «чтобы прочие части истории натуральной всех российских провинций такожде обстоятельно описать, и начальнейшие вещи красками разделять». Все они были переданы потом в Кунсткамеру. О другой коллекции писала «Gazette de France» 18 октября 1721 года. Речь шла о «многих бронзовых статуях, найденных среди лесов в калмыцких погребениях»: «Среди тех, которые царь приказал поместить в свой кабинет, можно видеть римскую лампу в виде конной статуи римского генерала, на голове лавровый венец; две другие фигуры людей на лошадях в доспехах, которые носили на Западе в XII–XIII вв., и многие индийские идола и среди них богиня, почитавшаяся в Китае и в Тибете». Этими предметами заинтересовался ученый монах-бенедиктинец Бернар де Монфокон (1655–1741), опубликовавший в 1724 году гравюры с изображением этих предметов в десятом (пятом дополнительном) томе «Supplement au livre de l'antiquité expliquée et représentée en figures» Это были первые публикации о русских археологических и этнографических коллекциях.

## ПРИБРЕТЕНИЕ И.Д. ШУМАХЕРОМ ПО ПОРУЧЕНИЮ ПЕТРА I «ЦЕРЕБРУМА ВО КРАНЕ» У Ж. ДЮВЕРНЕЯ В 1721 ГОДУ В ПАРИЖЕ

Среди многих поручений, данных И.Д. Шумахеру перед его заграничной поездкой в Европу, было задание получить и привезти в Россию восковые анатомические модели, заказанные еще Р. Арескином в Париже. Такие модели появились в самом конце XVII в. и пользовались большим спросом, поскольку существенно облегчали преподавание и обучение анатомии.

Существует мнение, что первым создателем медицинских моделей был Гаэтано Зумбо, родившийся на Сицилии, – автор восковых аллегорических групп. Переехав в Геную, он познакомился с французским хирургом Гийомом Дену, вместе с которым и наладил производство раскрашенных восковых моделей, на которых можно было рассматривать тонкие детали анатомического строения и расположение кровеносных сосудов. Плодотворный союз этих двух людей через пять лет распался, и Зумбо в мае 1701 году уехал во Францию, где был принят с почетом, но почести пришли к нему слишком поздно: в конце 1701 года он скончался. Однако начатое им дело было продолжено и во Франции, и в Италии.

Известный французский анатом Жозеф Гишар Дюверней (Joseph-Guichard Du Verney) попытался воспользоваться заинтересованностью Петра I и его лейб-медика (архиатера) Р. Арескина в приобретении анатомических моделей, чтобы осуществить собственную мечту – получить в обмен несколько препаратов Рюйша и «раскрытие» тайны его методики. Сначала Арескин, по-видимому, обнадежил его, но затем вынужден был разочаровать: «Коллекция Рюйша уже была упакована до моего приезда в Амстердам. Не было никакой возможности перерыть все ящики и отыскать предметы, которые мы для Вас предназначали», – написал он в письме от 14 апреля 1718 года. В конце того же года Арескин умер. Дальнейшее мы знаем из отчета Шумахера: «С господином Дювернеем <...> весьма я много труда имел, ибо оный мне множество коварства делал. <...> Такожде и письмо покойного доктора Арескина, в котором оному обещал полное собрание дешевых препаратов анатомических. Но обещание свое не сдержал. И того ради претендует, что понеже с нашей стороны



контракт разрушился, то и со своей стороны оный содержать не должен, и, сверх того, моделир того дела умер. Аз благодарил Бога, что с великим трудом cerebrum во кране от него достал»[2].

Действительно, в описях коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН под № 5018-2 значится восковая модель головного мозга в натуральном черепе, купленная Шумахером у Дювернея в 1722 году.

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликовано в книге: Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 533–558.

2. Там же. С. 537.

## ПРИОБРЕТЕНИЕ СОБРАНИЯ Я. БРЮСА

Серьезным пополнением фондов Кунсткамеры и Библиотеки стали поступившие в Академию наук в 1736 году собрание редкостей и библиотека Якова Вилимовича Брюса (1669–1735), сподвижника Петра I, генерал-фельдцейхмейстера, ученого-энциклопедиста.

Коллекция Якоба Брюса, «русского Фауста», «чернокнижника», ньютонианца, по составу и количеству входивших в нее предметов могла соперничать с собранием Петра I: она включала научные инструменты, в основном оптические, минералы и руды, картины и портреты, большую коллекцию китайских вещей, археологические памятники, а библиотека насчитывала более полутора тысяч томов.

После смерти владельца в 1735 году все собрание вместе с библиотекой было отправлено из его подмосковного имения Глинки в Петербург на 30 подводках. Передача коллекций и библиотеки в Академию наук шла в течение 1736–1737 годов. Еще в 1735 году, когда президент Академии барон И.А. Корф ходатайствовал перед императрицей Анной Иоанновной о передаче «дорогих» и «редких» вещей из коллекции Брюса в Кунсткамеру, предполагалось хранение их и библиотеки как единого целого, «на особливом месте». Однако вещи «из Брюсовых пожитков» как единая коллекция не сохранились, также как и книги, которые были разделены по отраслям знания в академической

Библиотеке. Книги библиотеки Брюса имели экслибрис – герб с девизом «Fuimus» – «Мы были», что дало возможность установить принадлежность книг из фондов академической Библиотеки Брюсу. Сложнее с коллекцией, поскольку в каталоге Кунсткамеры источник поступления указывался редко. Однако ряд документов позволяет атрибутировать многие кунсткамерские вещи, прежде всего, китайские, собранию Я.В. Брюса.

Поселившись в подмосковных Глинках, Брюс построил в своем новом доме обсерваторию, где он мог заниматься астрономическими наблюдениями и практической оптикой. Брюс сам изготавливал зрительные трубы; в 1733 году им изготовлено вогнутое металлическое зеркало для отражательного телескопа, ныне хранящееся в Эрмитаже. Оно было в числе экспонатов Кунсткамеры и описано в каталоге: «Зеркало зажигательное, большое металлическое, вращающееся на оси, величиною в 2 фута 3 дюйма с надписью: Factum propria cura Comitum Iacobi Vilimovitz de Brüce, 1733, mense Augusto. (по-русски означающей «Делано собственным рачением графа Якова Вилимовича Брюса, в месяце августе 1733 года»). В Эрмитаже хранится и серия инталлий на зеленой яшме с портретами русских князей от Рюрика до Ивана V. Выполнены они немецким мастером Иоганном Кристофом Доршем и поступили в Кунсткамеру из собрания Я. Брюса. Позднее в Петербурге были вырезаны и поступили в Кунсткамеру портреты российских правителей от Петра до Анны Иоанновны. Эта миниатюрная портретная галерея важна для последующей иконографии русских князей. В МАЭ РАН хранится много предметов китайского происхождения, поступивших в Кунсткамеру из собрания Я.В. Брюса.

#### АНИИЛ ГОТЛИБ МЕССЕРШМИДТ (1685–1735) И КУНСТКАМЕРА

Даниил Готлиб Мессершмидт родился в Данциге, учился в университетах Иены и Галле, где изучал медицину, зоологию и ботанику. В 1713 году он защитил диссертацию на тему «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки», получил ученую степень доктора медицины и вернулся в родной город. Продолжая научные исследования, Мессершмидт работал с естественнонаучными коллекциями Музея профессора Иоганна Филиппа Брейна (1680–1764). При приглашении Мессершмидта в Россию лейб-медик

Петра I и «надзиратель» Кунсткамеры Роберт Арескин хотел привлечь его и к работе с музейным собранием. До этого времени помощником Арескина по разбору и описанию Библиотеки и Кунсткамеры был его секретарь И.Д. Шумахер. Однако разраставшиеся естественнонаучные коллекции требовали внимания профессионала, которого и видел Арескин в данцигском ученом, что подтверждается следующими словами Мессершмидта: «согласно условиям <...> ты решил предоставить мне права и законные преимущества заведующего музеями», «библиотека ведь, как я слышал стороной, теперь перейдет в ведение какого-то другого человека», то есть Шумахера. В беседах Арескина с Мессершмидтом речь шла даже о конкретных периодах для разных видов работ: зимнее время – работа с коллекциями, в летнее время – экспедиционная, в том числе изучение полезных ископаемых. Ученый прибыл в Петербург 9 апреля 1718 года; 15 ноября он получил предписание отправиться в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы». Мессершмидт считал необходимым изучать памятники древности, зарисовывать и делать чучела животных, изучать географию, филологию, этнографию, историю.

#### ЭКСПЕДИЦИЯ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА (1719-1726)

Путь Мессершмидта из Петербурга (весна 1719 г.) пролегал через Москву (5 сентября 1719 г.) до Коломны, по Оке до Нижнего Новгорода, по Волге до Казани, оттуда на санях через Хлынов, Соликамск, Туринск, Тюмень в Тобольск. В Тобольске он пробыл с 24 декабря 1719 года по 1 марта 1721 г. Далее путь следовал через Тару в Томск (с 1 марта по 30 марта), Кузнецк – Абаканск – Красноярск (5 июля 1721 г. – 20 февраля 1722 г.), Ачинск, Саянские горы (13 мая – 5 октября 1722 г.), Мангазея и вверх по Нижней Тунгуске (8 мая – 19 сентября 1722 г.), на Иркутск (19 сентября – 19 декабря 1722 г.), Нерчинский завод, через Читинск в Иркутск, по Ангаре в Енисейск, снова в Тобольск. 22 марта 1726 г. через Соликамск выехал в Москву, куда прибыл 31 января 1727 г.

Возвращался в Москву Мессершмидт с четырнадцатью ямскими подводками. 27 марта 1727 г. ученый прибыл в Петербург. 28 марта все привезенные им вещи, как предназначенные для сдачи в

Медицинскую канцелярию, так и его собственные, были опечатаны, так как Мессершмидт привез и сложил их не в Медицинской канцелярии, а на нанятой им для жилья квартире. И. Блюментрост, возглавлявший Медицинскую канцелярию, пригласил ученых Академии наук (Ж.-Н. Делиль, И. Буксбаум, З. Байер, И.Д. Шумахер) провести осмотр вещей и отобрать те, которые необходимы для Кунсткамеры, что и было сделано. 16 сентября 1729 г. Мессершмидт отбыл в Данциг. Отправленные им вещи, в том числе натуралии, редкости, книги, рукописи погибли на затонувшем 27 октября корабле у г. Пиллау. В 1731 г. Мессершмидт вернулся в Петербург, где скончался 25 марта 1735 г.

Коллекции, собранные и описанные самим Мессершмидтом, поступили в Кунсткамеру в 1729 году. Они включали растения с подробными описаниями и ссылками на Турнефора; животных с разделением на 9 классов: насекомые, моллюски, панцирные, ракообразные, змеи, рыбы, китообразные, птицы и четвероногие. В описаниях Мессершмидт дает название на латыни, по-русски, по-немецки, по-английски, на тангутском, монгольском языках. Собранные минералы распределены на 6 классов: вода, земля, сера, соль, металлы, камни. Большое значение для академического музея имели археологические предметы, привезенные Мессершмидтом, так как он их не только покупал, но и сам занимался раскопками, с указанием в дневнике, где и при каких обстоятельствах, на какой глубине они были проведены.

Собранные Д.Г. Мессершмидтом материалы, их описания, выполненные самим ученым, имели большое значение для ботанических, зоологических, археологических, этнографических, лингвистических исследований, проводимых в Академии наук.

## ТЕРАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КУНСТКАМЕРЫ

С самых древних времен появление на свет уродливого ребенка пугало людей неожиданностью и необъяснимостью. Однако в XVI и XVII вв. воцарилась мода на «монстров» – уродов. Правители коллекционировали их, натуралисты каталогизировали, теологи использовали для религиозной пропаганды. Ученые пытались найти причины их появления. В 1573 году во Франции вышла книга известного врача Амбруаза Паре «О монстрах и диковинках», немного

позднее в 1616 году Фортуньо Лицети из Италии издал свой труд «О происхождении, природе и разновидностях уродств». В эпоху, когда религиозные чувства были сильны, а уродство воспринималось как выражение гнева Божьего, как предвестник грозных событий, Паре писал о теории «впечатлений», воздействующих на беременную женщину и приводящих к уродству плода. Эту теорию можно назвать рациональной для того времени, поскольку она вела к новой идее: причину возникновения уродств следует искать в природе. В 1651 году английский физиолог Вильям Гарвей начал целенаправленное изучение «монстров». Он определил уродства как отклонения от нормального эмбрионального развития. Для понимания же причин возникновения врожденных пороков наука созрела только к 20-м годам XIX в., когда она подошла к эксперименту. Французский анатом Этьен Жоффруа Сент-Илер известен как первый ученый, получивший уродства экспериментальным путем. Он заклеивал воском скорлупу куриных яиц во время их насиживания. Это препятствовало доступу воздуха к развивающимся зародышам и приводило к возникновению аномалий головного и спинного мозга цыплят. Его сын, президент Парижской Академии наук, Исидор Сент-Илер обобщил и систематизировал все накопленные к тому времени материалы и ввел термин «тератология» – наука об уродствах, который используется и в наши дни.

Стремясь перенять в других странах все, что могло быть полезно для развития науки и культуры в России, для избавления от суеверий и просвещения ее народа, Петр I принял решение о собирании так называемых «монстров». Уже 28 января 1704 года был издан указ, чтобы «младенцев, рожденных уродами, не убивали» и не «таили», а сообщали о них приходским священникам. Второй указ от 30 мая 1705 года предписывал приходским священникам немедленно подавать сведения о смерти беременных женщин. Эти указы действовали в Москве, и мертвые тела доставлялись, по-видимому, для лейб-медика Н. Бидлоо в Анатомический театр, который возвели еще до завершения строительства госпиталя в Москве. Здесь изготавливались препараты, поступавшие затем в Главную аптеку Москвы. Однако наибольшее значение для создания тератологической коллекции имел указ Петра I от 13 февраля 1718 года, который действовал по всей России и в котором царь, борясь с суевериями и с невеждами, скрывающими рождение уродов, так объяснял причины появления «монстров»: «<...> таят невежды, чая,



что такие уроды рождаются от действия дьявольского через ведовство и порчу, чему быть не возможно; ибо един Творец всея твари Бог, а не дьявол, которому ни над каким созданием власти нет, но от повреждения внутреннего, также от страха и мнения матерного во бремени, как тому есть многие примеры, чего испужается мать, такие знаки на дитяте бывают; также когда ушибется или больна будет и прочее». Чтобы стимулировать сбор редкостей, в указе от 11 июня 1718 года говорилось о вознаграждении за все доставляемое.

В соответствии с Указом, как мертвые, так и живые уроды регулярно доставлялись в Кунсткамеру. В «Материалах для истории Императорской Академии наук» в документах 1722 года упоминаются 3 живых «монстра»: Яков Васильев из Казани, Фома Игнатьев из Иркутской области и Степан. По-видимому, при жизни эти молодые люди с различными аномалиями строения не должны были служить только для удовлетворения любопытства публики. Они проживали вместе с обслуживающим персоналом и охранниками Кунсткамеры, носили обычную солдатскую форму и исполняли посильную работу.

Наиболее известен из них Фома Игнатьев, прибывший в Петербург в 1720 году и служивший истопником. Ростом он был всего 126 см, а на руках и ногах имел по два «мунструозных» пальца, похожих на клешни рака, что не мешало ему подбирать деньги, если публика ему их бросала. Петр I, приходя в Кунсткамеру, всегда здоровался с Фомой за руку.

После смерти тело Фомы вскрыли и его кожа послужила для изготовления чучела этого карлика. До наших дней экспонат не сохранился.

Тератологическая коллекция Кунсткамеры уникальна по своему составу и полноте собрания, поскольку отражает совокупность аномалий, характерную для XVIII в. Академик П.А. Загорский, руководивший Анатомическим кабинетом Академии наук в 1837–1842 годах, после разделения Кунсткамеры на ряд самостоятельных учреждений, писал: «Анатомия монстров кроме того, что ей не следует отказывать в пользе при разрешении научных физиологических гипотез, имеет сверх того свои привлекательные особенности: она часто ведет к открытию редких явлений, что приводит наш ум в удивление и восхищение. И наоборот, привычные и знакомые нам

объекты далеки подчас от того, чтобы стимулировать наше внимание».

## **КУНСТКАМЕРА В СТРУКТУРЕ АКАДЕМИИ НАУК**

Библиотека и «натуральных вещей камора» в Проекте положения об учреждении Академии наук и художеств 1724 года рассматривались как неотъемлемая часть Академии наук и «инструменты», которые способствуют деятельности академиков: «А чтоб академики в потребных способах недостатку не имели, то надлежит, дабы библиотека и натуральных вещей камора Академии открыта была. В над оною надлежит библиотекарю партикулярную дирекцию иметь и власть те книги и инструменты, которые Академии надобны, выписать или здесь делать». Именно так они рассматривались на протяжении XVIII – начала XIX вв.

В Регламенте 1747 года Библиотека и Кунсткамера в составе Академии наук названы императорскими, а библиотекарь «должен быть главный командир под президентом». Библиотекарю по утвержденному штату полагались унтер-библиотекарь, помощники по Библиотеке и Кунсткамере, аптекарь, а также «маляр зверей и птиц».

В Регламенте 1803 года эти два учреждения рассматриваются как «ученые принадлежности Академии». Фактически Библиотеку и Кунсткамеру в составе Академии наук необходимо рассматривать не только как «инструмент» академиков для исследований. Развитие Библиотеки и Кунсткамеры – формирование фондов, их систематизация, составление каталогов, – напрямую зависело от деятельности Академии наук. С другой стороны, собираемые для музея экспонаты способствовали формированию новых научных направлений в Академии, например, этнографии, археологии, антропологии.

## **КАТАЛОГИ И НАРИСОВАННЫЙ МУЗЕЙ**

Повидав во время заграничных путешествий достаточно знаменитых коллекций, Петр Великий не мог не обратить внимания на тот факт, что практически все значимые коллекции были каталогизированы, составлены систематические описания экспонатов, сопровождаемые

элементами описания, классификации, историей собирания и т.п. Многие экспонаты зарисовывались владельцами коллекций (особенно если ими были ученые натуралисты) или специально приглашенными художниками. Для издания каталогов такие рисунки «переводились» в гравюры, для их печати в типографии на странице каталога. Из того, что несомненно видел Петр, можно назвать, в том числе, каталоги коллекций Фр. Рюйша и А. Себы. Обратим внимание на то, что Рюйш при своей жизни с 1691 по 1728 год издал 14 томов каталогов своего домашнего музея, снабженных замечательными гравюрами. Почти все каталоги публиковали в качестве фронтисписа гравюры с общим видом кабинета или галереи с коллекциями. Подобные издания свидетельствовали о высоком статусе коллекционера и его собрания, нередко становились ценными справочниками для врачей, фармацевтов и ботаников. Составленные самим владельцем, они демонстрировали его эрудицию; написанные другим ученым, они придавали кабинету ореол выдающегося собрания, достойного увековечения.

Уже после кончины Петра Великого в 1727 году в Лейпциге была опубликована книга К.Ф. Нейкелиуса «Музеография или Руководство к правильному пониманию и полезному устройству Музеев или Камер редкостей» [1], в которой, были описаны все известные автору европейские кабинеты, галереи, кунсткамеры и т.п. (в том числе и в Санкт-Петербурге).

Мы знаем по описанию, «толкованию литер и чисел» к чертежам и планам здания Кунсткамеры в «Палатах Санктпетербургской академии наук...» [2], что в комнате («палате») для унтер-библиотекаря один из четырех шкафов был отведен под «Разные о чужестранных библиотеках и кунсткамерах собранные каталоги».

Вполне естественно, что Петр I решил и для организуемого в Петербурге музея с самого начала учредить каталоги и зарисовывать экспонаты коллекции.

---

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Neickelio C.P. Museographia oder Anleitung zum Rechtenbegriff und nützliche Anlegung der Museorum oder Raritätenkammern, darinnen gehandelt wird. Leipzig, 1727.

2. Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1744.

## КАТАЛОГИ КУНСТКАМЕРЫ, ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ

Первым документом, свидетельствующим, что все предметы, хранившиеся в Кунсткамере, должны были быть нарисованы, является «доношение» Марии Доротеи Гзель, датированное декабрем 1723 г.: « <...> Е.И.В. всемилостивейше соизволил указать, чрез господина лейб-медика Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста, мне быть при кунст-каморе и оную кунст-камору по классирам водяными красками смалевать». Несомненно, что издание каталога Кунсткамеры, а также рисование на дорогом пергамене хранящихся в музее коллекций имело политические мотивы: достаточно вспомнить, сколько трудов было приложено российскими дипломатами на изменение образа России в Европе и на прославление Петра как просвещенного монарха. Так по инициативе Петра I началось создание «нарисованного музея» – акварельных рисунков, выполненных художниками и учениками Рисовальной палаты Академии с предметов, реально хранившихся в Кунсткамере в первой половине XVIII в.

В ноябре 1727 г., когда еще не все коллекции были собраны вместе, по повелению императрицы Екатерины I была начата работа над созданием каталога Кунсткамеры на русском языке: «Велено Ея императорским величеством кунст-каморы каталогус на российском диалекте напечатать, а самые куриозные вещи выгрыдоровать». До этого каталог велся И.Д. Шумахером на немецком и латинском языках, что было ему вменено в обязанность контрактом 1724 г. Идея издания каталога в 1727 г. не была осуществлена. Но в 1730-е–40-е гг. предметы Кунсткамеры начинают активно зарисовываться один за другим, «по шкафам». Периодически возрождалась и идея издания гравированного каталога с изображением «древних и достопамятных куриозных кусткамерских вещей». Из запроса Ивана Соколова и Григория Качалова от 18 января 1746 г. известно, что граверам требуются материалы, краски и медные доски «к вырезанию кунсткамерских куриозных вещей, в поллиста 16, да три в целый лист». Подготовка гравюр была закончена в апреле 1747 г.: было

вырезано 26 досок, которые мастер И. Гриммель пересматривал, и с них было отпечатано по три экземпляра, гравюры были раскрашены.

В августе 1748 года с досок было определено напечатать оттисков по 6 экземпляров на хорошей бумаге. Эти гравюры в настоящее время хранятся в Отделе истории русской культуры и в Научной библиотеке Эрмитажа, часть их находится в Институте материальной культуры РАН в Петербурге. Гравюры в Отделе истории русской культуры Эрмитажа представляют собой отдельные листы, а те, что в библиотеке, переплетены в один альбом, получивший название «*Monumenta Sibirica*».

В первом печатном каталоге петербургской Кунсткамеры «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*», изданном Академией наук в 1741–1745 гг. на латинском языке, среди музейных экспонатов описаны 58 томов акварельных рисунков: «*Icones pictae regum, quae in Academiae Thesauris insunt*». Каждый том – это специальная размером ин-фолио коробка, имитирующая переплет книги. В настоящее время нам известно местонахождение девятнадцати коробок-футляров: тринадцать находятся в СПФ АРАН, шесть – в Государственном Эрмитаже (в пяти футлярах в Отделе нумизматики хранятся изображения нумизматической коллекции, а в шестом – в Отделе истории русского искусства, – рисунки художественных редкостей из «нарисованного музея»). Судя по описанию в каталоге, все рисунки были разделены на группы в зависимости от изображенных на них объектов.

В 1774 году комиссия при Академии наук приняла резолюцию о гравировании рисунков экспонатов Кунсткамеры. Из ведомости учета гравированных досок следует, что на складе Академии наук к 1803 году было 36 досок, сделанных «в Книгу Кунсткамерских курioзных вещей, которые в Минцкабинете»; еще 51 доска, из которых осталось 39, так как с 12 досок изображения кунсткамерских вещей были счищены для вырезывания гравюр к Книге дифференциальных исчислений, в другой части ведомости учтены еще 9 досок кунсткамерских курioзных вещей.

Первый печатный каталог Кунсткамеры, который является и первым печатным музейным каталогом в России, «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*», был издан на латинском языке в период с 1741 по 1745 год. Публикация каталога проходила по



мере подготовки описаний музейных коллекций. Первый том, состоящий из трех частей, публиковался с 1742 по 1745 год. В первой части первого тома («*Qua continentur res naturales ex regno animali*», вышла в свет в 1742 году) опубликованы описания анатомической и зоологической коллекций, к тому времени едва ли не самых богатых и важных с научной точки зрения по сравнению с другими европейскими музеями. Вторую часть («*Qua continentur res naturales ex regno vegetabili*», вышла в свет в 1745 году) составили описания двух гербариев: амстердамского профессора анатомии Фр. Рюйша и петербургского профессора И. Аммана. В третьей части («*Qua continentur res naturalis ex regno minerali*», вышла в свет 1745 году) даны описания минералогической коллекции Кунсткамеры. Во втором томе в первую часть («*Qua continentur res artificiales*», опубликована в 1741 году) вошли описания научных инструментов, археологической, этнографической, мемориальной коллекций, а во вторую («*Qua continentur nummi antiqui*», опубликована в 1745 году) – нумизматического собрания академического музея.

Два тома каталога включали, таким образом, описания естественнонаучных (*Naturalia*) и художественных (*Artificialia*) коллекций Кунсткамеры. Титульные листы разных частей каталога были украшены соответствующими виньетками. Особые виньетки имеют анатомический и зоологический разделы, описания гербариев, коллекции минералов. Для второго тома с описаниями художественных и нумизматической коллекций была разработана одна виньетка.

Каталог был отпечатан «на почтовой бумаге по 100 экземпляров да на русской александрийской по сту» [1], то есть тиражом 200 экземпляров. После рассылки книг, переплетенных одних во французский переплет, а других в турецкую бумагу, почетным членам Академии, профессорам и адъюнктам, часть тиража поступила в книжную лавку Академии наук.

Каждый раздел каталога, отражающий ту или иную коллекцию музея, составлялся разными учеными Петербургской Академии наук и, естественно, отражал тот уровень состояния научного знания, который приходился на вторую половину 30-х годов XVIII в. Авторами «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*» были И.Г. Дювернуа, Г.В. Крафт, И.Г. Гмелин, И. Амман, М.В. Ломоносов, Г. Штеллер,

«профессор восточных языков при иностранной коллегии»  
Г.Я. Кер.

Издание каталога «*Musei Imperialis Petropolitani...*» преследовало и служебные цели. При рассылке части тиража каталога музея и опубликованного к тому времени каталога Библиотеки почетным членам Академии, а также раздаче академическим профессорам и адъюнктам предписывалось: «ежели они какие книги, а притом натуральные и курьезные вещи усмотрят, которые ко укомплектованию библиотеки и кунсткамеры весьма нужны те <...> заметя пожаловали бы в академию сообщить дабы можно было оныя книги при случае промыслить или со временем выписать и откуда надлежит послать» [2]. Печатный каталог использовался также для учета вновь поступающих экспонатов.

Вторым опубликованным каталогом Кунсткамеры стал составленный подбиблиотекарем И.Г. Бакмейстером «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук», изданный в 1776 году на французском, 1777 году – на немецком языке, а в 1779 году – на русском в переводе Василия Костыгова. Этот каталог по жанру приближается к путеводителю по музею. В каталоге три части: краткая история России, описание Библиотеки и описание Музея.

В 1793 году унтер-библиотекарем и «надзирателем» Кунсткамеры О.П. Беляевым было издано описание «Кабинета Петра Великого», а в 1800 году – его второе расширенное издание. Это был уже путеводитель по Кунсткамере, целью которого было показать музей тем, «кои по причине отдаленности или по другим каким-либо препятствиям лишены удовольствия оные видеть». Путеводитель включает три отделения: «Отделение первое, содержащее в себе подробное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий, и всех вообще достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, и ныне в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук Кунсткамере сохраняющихся, с присовокуплением к ним четырех гравированных фигур»; «Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской Императорской Академии наук сохраняющихся, с

присовокуплением многих таблиц и разных любопытных анекдотов»; «Отделение третье, заключающее в себе описание древних и новейших российских и иностранных монет и медалей; разных драгоценнейших золотых и серебряных редкостей; российских и чужестранных минералов; окаменелостей, кораллов, раковин, травников, и, наконец, разных живописных картин, с присовокуплением многих таблиц».

---

## **ПРИМЕЧАНИЯ**

1. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 224.
2. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 223.

## **АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ** **И ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ** **КУНСТКАМЕРЫ**

### **ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ**

Одной из задач так называемого академического отряда Второй Камчатской экспедиции был сбор материалов для Кунсткамеры. Будущие экспонаты академического музея должны были быть не только выставлены для обозрения, но и пригодны для изучения. Для сбора коллекций были составлены специальные инструкции. Участники экспедиции – ученые И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, С.П. Крашенинников, Г. Штеллер, И.Э. Фишер, художники И. Беркхан, И. Люрсениус, а также многочисленные их помощники – блестяще справились с поставленной задачей.

Отправившиеся в Сибирь петербургские ученые присылали в Академию наук ящики с минералами и рудами, этнографические и археологические собрания, рисунки животных, рыб, птиц, а также их

чучела, растения и семена. По свидетельству шведского ученого Карла Рейнхольда Берка, изучавшего древности, с конца 1735 по май 1736 года жившего в Петербурге, в Петербург присылались «древности и натуралии, поддающиеся перевозке»; живописцы зарисовывали растения и животных, «которые в естественном состоянии не могут быть присланы из этих татарских стран», и рисунки отправлялись в Академию наук. Однажды Берк стал очевидцем вскрытия присланных из экспедиции тюков и «видел много хорошо набитых маленьких птичек и четвероногих зверей; всевозможные фигуры, медные и железные, а также орудия, найденные в курганах; различных богов, которым еще поклоняются язычники в тех уголках страны. Боги представляют собой лица из дерева или меди, другие же – просто из черной овечьей шкуры, растянутой на толстом войлоке, с синими жемчужинами, вшитыми вместо глаз, и с выстриженной на голове шерстью для придания какого-то сходства с лицом. Красивейшими были несколько собраний фигур с китайской границы, выточенных из прекрасного прозрачного камня. Среди одежд самыми странными мне показались мантии нескольких колдунов и колдуний из невыделанных кож, со множеством вшитых ремешков, свисающих на спине и рукавах (почти как лакейские шнуры), и кусочков железа и латуни, привязанных к ним; последние производят ужасный шум. Много подобных свисающих ремешков также на головных уборах <...> относящиеся к ним барабаны» [1]. По свидетельству того же К.Р. Берка, полученные вещи сразу систематизировались и располагались «по классам в кабинете искусственных и естественных произведений».

Участниками экспедиции были отправлены 29 «посылок», и привезенные вещи дважды сдавались уже в Петербурге: в феврале и мае 1743 года. С 18 по 26 февраля 1743 года в Петербурге Гмелиным и Миллером «отдано для Кунсткамеры, привезенных с собой, немалое число натуральных вещей, касающихся до описания народов, древности». 11 мая 1743 года в Академию наук поступили «древности (с реестром)», «платье сибирских народов и прочие вещи (с реестром)», «ящик с чучелами птиц», «бочка с рыбами в вине», «кость неизвестного зверя». В 1748 году Академия наук приобрела у Г.Ф. Миллера этнографические и археологические предметы, купленные им во время экспедиции «за собственные свои деньги».

Большой интерес для понимания новизны этнографических исследований имеют рисунки, опубликованные в книге С.П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» (СПб., 1755), на которых точно воспроизведены не только одежда и элементы быта и занятий народов Камчатки, но показаны и их антропологические особенности. Книга С.П. Крашенинникова фактически стала европейским бестселлером, переиздавалась на многих европейских языках. В большинстве изданий были воспроизведены гравюры из петербургской книги. Однако во французском издании 1758 года эти научные иллюстрации не устроили издателей, которые заказали новые рисунки известному французскому художнику Жану Батисту Лепренсу (1734–1781), ученику знаменитого Франсуа Буше. Выбор был связан, видимо, с тем, что Лепренс с 1758 пять лет прожил в России, работал при дворе Екатерины II, путешествовал по Финляндии и Прибалтике и поэтому, видимо, считался знатоком России. Ряд рисунков создан художником и гравером Жаном Мишелем Моро-младшим (1741–1814), также побывавшим в России в 1758–1759 годах, где он преподавал в Академии художеств. По рисункам Лепренса и Моро гравюры были созданы Ж.Ж.Б. Тийяром (1723–1798). Два знаменитых художника, взяв за основу сюжеты русских гравюр, выполнили рисунки, не сохранив ни антропологические типы, ни особенности жилья, ни пейзажи. Сравнение их с гравюрами из петербургского издания книги С.П. Крашенинникова наглядно показывает зарождение в Академии наук не только этнографии, но и антропологии.

---

## ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 184.

### ПОЕЗДКА Ф.-Л. ЕЛАЧИЧА В КИТАЙ

Франц Лука Елачич, уроженец Вены, в 1742 г. приехал в Петербург, где был определен в Петербургский Генеральный сухопутный госпиталь учеником лекаря. В 1743 г. он был произведен в подлекари и назначен в Выборгский пехотный полк. С 1744 по 1747 гг. Елачич находился в Китае в составе торгового каравана в качестве лекаря. После



возвращения 23 января 1748 г. он был принят лекарем на службу в Петербургскую Академию наук с жалованием в 300 руб. в год. В 1753 г. в составе торгового каравана в Пекин Елачич отправился с поручением от Академии наук восполнить сгоревшие во время пожара в Кунсткамере в 1747 г. китайскую и сибирскую коллекции и книжное собрание. В дорогу ему были вручены деньги, подробная, состоявшая из 16-ти пунктов инструкция, предписывавшая «все в Сибири и Китае достопамятное собрать и оное с собой привезть», а также иллюстрированный каталог утраченных в пожаре вещей и книг на ста сорока четырех листах. Прибыв в Петербург в июле 1756 г., Елачич передал Академии наук все привезенные им книги и предметы. В отчете, представленном им в Канцелярию Академии наук 26 июля 1756 г., он сообщал, что «сибирских народов платье, идолов, ружья и прочее <...> в Сибири достать было невозможно, за тем, что с дороги, по которой караван шел, должно для покупки ехать в стороны по тысяче верст, а что касается до китайского платья оно привезено с излишеством». Составленный им «Реестр китайским и маньчжурским книгам и вещам» насчитывал 274 номера, 50 из которых составляли книги. Под остальными номерами числились коллекционные предметы. Приняв по «Реестру» вещи и книги, привезенные Елачичем в Петербург, унтер-библиотекарь Академии наук И.И. Тауберт рапортовал в Канцелярию о том, что они по значению, качеству и количеству они превосходили утраченные во время пожара. Прекрасно понимая, какие экспонаты нужны музею, Елачич покупал не только предметы, указанные в переданном ему каталоге, но и отобранные на свой вкус. Это были вещи, характеризующие быт, культуру, искусство китайцев. Коллекция, привезенная Елачичем из Китая в 1756 г. вместе с приобретенным в 1754 г. частным собранием известного коллекционера, иркутского «товарища губернатора» Лоренца Ланга, лично несколько раз побывавшего в Китае, позволили восстановить пострадавшую во время пожара Кунсткамеры китайскую коллекцию.

С 1756 г. Елачич служил лекарем в Московском медицинском госпитале. С 1762 по 1765 г. в третий раз в составе торгового каравана он находился в Китае; по возвращении за успешное выполнение своей миссии в составе трех торговых караванов в Китай был произведен в чин коллежского асессора и назначен лекарем в Петербургский сухопутный госпиталь. В 1766 г. после крупных неприятностей по службе Елачич был уволен; его дело рассматривалось Сенатом в

течение десяти лет. В 1776 г. с Елачича были сняты все обвинения и принято решение выдавать ему жалованье до самой смерти.

## ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ И ПАССИФИКИ

Значительное влияние на состав и полноту собраний Кунсткамеры оказала экономическая деятельность Российского государства в Тихоокеанском регионе. Открытия и достижения Второй Камчатской экспедиции закреплялись и развивались государственными и частными экспедициями купцов и зверопромышленников. Кроме решения хозяйственно-экономических задач, обложения ясаком и приведения жителей Курильских и Алеутских островов в российское подданство, перед мореплавателями ставились задачи исследовательского характера. Согласно правительственным указам, им надлежало собирать образцы минералов, флоры и фауны, предметы традиционной культуры и быта местных жителей, давать всему описание в рапортах. Предметы и рапорты направлялись в Академию наук.

Политико-экономическая деятельность России в этом регионе привлекала внимание ведущих морских держав. Благодаря продуманной административной политике и доброжелательному приему российской стороной команды третьей кругосветной экспедиции английского мореплавателя Джеймса Кука, призванной провести исследования северо-восточной Азии – северо-западной Америки, входивших в сферу государственных интересов России, в 1780 году собрания Кунсткамеры пополнились коллекцией по традиционной культуре народов ряда островов Океании.

Необходимость закрепления русских владений в северной части Тихого океана, уточнения и подробного описания Чукотки, Алеутских островов и Аляски обусловили отправку в этот регион правительственной Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции под командованием капитан-лейтенанта И.И. Биллингса (1785–1793). Коллекции, собранные экспедицией, также поступили в Кунсткамеру.

## КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ

Первая русская кругосветная экспедиция была организована российским правительством с целью отправки в Русскую Америку припасов и материалов для Русско-Американской компании, а также развития российской торговли и мореплавания в северо-западной части Тихого океана. Кроме того, ставилась задача установления официальных отношений с Японией. Уполномоченным Российско-американской компании в колониях и главой миссии в Японии был назначен Н.П. Резанов. Плавание осуществлялось на шлюпах «Нева» и «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в 1803–1806 годах. Кроме выполнения экономических и политических задач, во время работы экспедиции были проведены обширные научные исследования, собраны коллекции по ботанике, зоологии, энтомологии, минералогии, этнографии, поступившие в Кунсткамеру Академии наук.

Второе русское кругосветное путешествие (1819–1821), во время которого была открыта Антарктида, возглавил Ф.Ф. Беллинсгаузен. Плавание осуществлялось на шлюпах «Восток» и «Мирный». Экспедиция также получила от Академии инструкции по проведению научных исследований в местах своего прохождения.

Капитан I ранга О. Коцебу стал командиром третьего русского кругосветного путешествия (1823–1826), совершенного на корабле «Предприятие», и завершившегося открытием множества островов Тихого океана.

Часть коллекций из этих плаваний сразу же передавалась в Кунсткамеру. В то же время, 4 апреля 1805 г., по распоряжению Александра I при Государственном Адмиралтейском департаменте был основан музей. Участники кругосветных путешествий передавали в этот музей коллекции из Русской Америки, Австралии, с архипелагов Тихого и Индийского океанов. В музей Адмиралтейского департамента поступали коллекции от мореплавателей Ю.Ф. Лисянского, С.Г. Скотта, Ф.Ф. Беллинсгаузена, Ф.П. Врангеля, И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина, М.П. Лазарева, С.П. Хрущева, Л.А. Гагенмейстера, М.М. Муравьева.

В 1827 году по распоряжению Николая I музей Адмиралтейского департамента был расформирован, а коллекции были переданы в Кунсткамеру Академии наук.

## ПОЖАР В КУНСТКАМЕРЕ В 1747 Г.

5 декабря 1747 года, около пяти часов утра, в здании Кунсткамеры начался разрушительный пожар. Очаг возгорания находился в башне у западного крыла у галереи. Деревянная башня, в которой находилась обсерватория с инструментами, выгорела полностью. От Готторпского глобуса остался лишь металлический остов и дверца, которая в момент пожара хранилась отдельно от самого глобуса.

Галерея, в которой располагались шкафы с этнографическими коллекциями, также сильно пострадала и, в частности, многие привезенные участниками экспедиций предметы одежды, быта, верований народов Сибири, а также китайские вещи были уничтожены огнем. Боясь, что огонь распространится на все здание, служащие выбрасывали вещи, книги, документы из окон на снег. К.Г. Разумовский справедливо замечал, что от «скоропостижной выноски» экспонатов пострадало больше, чем от пожара. К тому же существенная часть экспонатов во время ночного переполоха была расхищена, в связи с чем был издан специальный указ, требующий возвращения вещей в Академию наук. Сохранившиеся экспонаты были перевезены в дома Демидова и Строганова, которые располагались недалеко от здания Кунсткамеры. Для восстановления музейных фондов был предпринят целый ряд мер: составлены примерные списки утраченного, которые в 1761 году разослали по губерниям с просьбой о сборе вещей и отправке их в Академию. В 1753 году был составлен список с рисунками китайских вещей, переданный отправлявшемуся в Китай академическому лекарю Ф. Елачичу. Для восстановления зоологической коллекции на аукционе в Амстердаме в 1752 году были приобретены экспонаты из второго собрания А. Себы. Экспонаты вернулись в отремонтированное здание лишь в конце 1766 года. Однако башня Кунсткамеры в ее историческом виде была восстановлена лишь через 200 лет.

## ЗДАНИЕ КУНСТКАМЕРЫ

### ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЯ КУНСТКАМЕРЫ

По плану архитектора Ж.-Б. Леблона центром нового города Санкт-Петербурга был Васильевский остров. На красивой и удобной стрелке Васильевского острова планировалось построить научный и культурный центр: Академия наук, Кунсткамера и Библиотека, Двенадцать коллегий и пр. По преданию, на Васильевском острове Петр I увидел «диговинную сосну». Ветка выростала из ствола и обратно входила в него, что делало ее похожей на ручку кувшина. Здесь Петр и приказал построить здание. Автор каталога и путеводителя по Кунсткамере, изданного в 1793 году, унтер-библиотекарь Осип Петрович Беляев посвятил этой сосне специальный раздел в своей книге [1]: «Любопытный отрубок сосны. В сем же отделении Кунсткамеры сохраняется отрубок сосны, длиною в 2 аршина и 4 вершка, а толщиною в отрубе в 6 вершков. Отрубок сей достоин примечания по находящемуся в нем суку толщиною в дебелую человеческую руку, который, выросши из одного места, и нагибаясь полукружием, наконец врос в другое расстоянием на 1 аршин и 10 вершков от своего исходища. Чудесно и непонятно может быть покажется некоторым, как мог таким образом сук, выросши из одного места, врасти опять в другое. Но ежели и в самом человеческом роде бывают уроды, то почто ж того не случиться и в других произведениях природы; в прочем отдаю сие на суждение господам естествоиспытателям, коим таинства и чудеса природы паче, нежели другим, суть ведомы. Мое дело есть объявить, что сия сосна, если верить преданию, росла на самом том месте, где находится ныне Кунст-камера, и где прежде был дремучий сосновый лес; и будто Петр Великий, проходя по случаю сие место, увидел сие любопытное по своему сrostку дерево, приказал оное срубить и сказал: «Где нашел я сие любопытное дерево, тут да будет и Кунсткамера построена».

И в самом деле сей отрубок был первый, как любопытная наипаче по тогдашнему времени вещь, внесен в Кунст-камеру, которой все посещающие ныне Кунст-камеру не столько для уродливости его, сколько для помянутого с ним приключения, рассматривают с любопытством».



В переиздании своей книги в 1800 году Беляев не только повторил этот же текст и среди всего лишь четырех гравюр, помещенных в издании, привел изображение этой части сосны вместе с «паникадиллом, сделанным из слоновьей кости собственными руками Государя Императора Петра Великого», видимо, как самого раннего экспоната Кунсткамеры, который «подал Петру Великому мысль о собирании редкостей».

Справедливости ради следует упомянуть, что в Государственном Эрмитаже, куда были переданы экспонаты Кабинета Петра Великого (первый раз в 1848–1849 годах и окончательно в 1941 году) также хранятся несколько фрагментов этой же (?) сосны. Но именно та часть ствола сосны, росшая на месте будущего места Кунсткамеры, изображена на гравюре в старом путеводителе, и именно ее можно и сегодня видеть на экспозиции, посвященной истории Кунсткамеры.

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беляев О.П. Кабинет Петра Великого или Подробное и обстоятельное описание восковаго его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской императорской кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. Часть II. СПб., 1793. С. 133–135.

## АРХИТЕКТОРЫ КУНСТКАМЕРЫ, СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДАНИЯ

До закладки здания Кунсткамеры известным европейским архитектором Андреасом Шлютером был подготовлен только эскизный проект. Многие историки Кунсткамеры склонны считать, что Петр I лично принимал участие в проектировании здания, что ему принадлежит выбор места для строительства, авторство замысла, концепция, позволяющая говорить о философском замысле организации музея, который должен был представлять некий микрокосм. При жизни Петра I у здания были возведены только стены. Царь жертвовал на строительство так называемые «кабинетные» (то есть свои личные) средства. Первоначально строительством руководил архитектор Георг Иоганн Маттарнови, который в дальнейшем и разработал новый проект здания.

Маттарнови начал, но не закончил постройку Кунсткамеры (1718–1719). После его смерти с 1719 по 1724 годы работами руководил архитектор Н.Ф. Гербель. При Гербеле внешний вид здания несколько изменился по сравнению с первоначальным проектом: появились галереи, а обработка оконных проемов, выложенная в кирпичной кладке и сохранившаяся до настоящего времени, стала богаче, чем это было указано на чертеже. Ко времени смерти Н.Ф. Гербеля в 1724 году здание, а именно его башня, не было закончено, и к тому же появились угрожающие сохранности строения трещины. Сменивший Гербеля архитектор Газтано Киавери, бывший руководителем строительства здания с 1724 по 1727 годы, прежде всего разобрал башню и составил новый проект оформления здания. Сравнивая гравюры с архитектурными проектами Киавери и Маттарнови, можно заметить, что нижняя объемная часть башни стала выше.

Вместо четырех павильонов вокруг цилиндра башни, намеченных к постройке Маттарнови, появилась легкая колоннада. Высота цилиндрической части была увеличена.

Башня была увенчана вышкой с установленной на ней сферой; над боковыми ризалитами по фасаду со стороны набережной вместо весьма скромной «Маттарновической баллюстрадки» с мансардным окном появились вычурные барочные фронтоны с богатой скульптурой. Г. Киавери не закончил строительство башни, которую по его проекту в 1734 году завершил архитектор М.Г. Земцов (1688–1743).

В июле 1723 года архитектор Д. Трезини выступил с предложением установить на фасаде Кунсткамеры 12 резных статуй и 75 резных вазонов. М.Г. Земцову было предложено изготовить эскизы статуй для башни Кунсткамеры. Вскоре Земцов получил от И.Д. Шумахера уведомление, какие именно статуи необходимо изготовить. Это олицетворение «Острологии, Горографии, Ингениум, Мемории, Медицины, Географии, Юстиции, Сапиенция, Куриозитаса, Адмирациса, Дилиенции, Циенции». Из 15 аллегорических фигур Академией наук было выбрано 12 по количеству фасадных ниш. Фасад здания был украшен статуями, выполненными из липового дерева мастером Кохом. Статуи простояли до начала XIX в. С 1735 по 1743 год работы по строительству здания возглавлял резных дел мастер Конрад Оснер.

Пятого декабря 1747 года в здании Кунсткамеры случился большой пожар, который сильно повредил здание и уничтожил деревянные его части: крышу, вышку и колоннаду вокруг башни. В начале 1748 года комиссия в составе архитектора Растрелли, обоих Трезини и др. постановила разобрать фронтоны. Выполнение проектов и смет первоначально поручено было архитектору И.Я. Шумахеру (брату советника Канцелярии И.Д. Шумахера).

Однако вскоре Шумахер был освобожден от этой работы, и к делу проектирования и руководства был привлечен архитектор Савва Иванович Чевакинский, работавший над восстановлением башни с 1755 по 1758 год. Чевакинским были разобраны барочные фронтоны и вместо них с трех сторон каждого из ризалитов выложены низкие палаты с угловыми тумбами и балюстрадами. Карниз нижнего объема башни разобрали и объединили с карнизом всего здания. Верхние окна и ниши этой части здания укоротили. Ломаная крыша была заменена на прямую. В целом, внешний вид здания стал близок к тому, каким мы его видим в настоящее время.

## БАШНЯ ЗНАНИЙ

### *Анатомический театр*

Первые анатомические театры появились в Европе в XV–XVI вв., хотя интерес к строению человеческого тела люди проявляли всегда; но уже с античных времен существовали религиозные запреты на расчленение мёртвого тела. Полагают, что в Падуе в XV в. построили первый деревянный разборный анатомический театр, который можно было перевозить. Постоянный анатомический театр появился в университете Падуи в 1594 году. Его высота составляла 13 м, а в зале, имевшем конусообразную форму, могли разместиться 250 зрителей.

В 1597 году стационарный анатомический театр был создан в Лейдене голландским профессором Петером Павом (1564–1617), декорировавшим его скелетами птиц, животных, людей, а также латинским изречением «Смерть есть рубеж всего сущего». Для публичных вскрытий брались трупы преступников, что как бы оправдывало такое их использование греховностью. Церемонию рассечения тела сопровождала музыка (небольшой оркестр или один – два флейтиста), в зале распылялись духи, большие свечи освещали

прозекторский стол и прелектора в парадной одежде. Процедура вскрытия постепенно становилась похожей на торжественный спектакль, целью которого было просвещение и назидание зрителей в духе идеи суетности и быстротечности жизни – идеи, столь характерной для эпохи барокко. Само же помещение театра начало использоваться не только по его прямому назначению, но стало также музеем, лекториумом, местом дискуссий и экспериментов. Опытный, умелый прелектор старался создать во время действия приподнятую театральную атмосферу. Особенно славился своим мастерством выдающийся голландский анатом Фредерик Рюйш (1638–1731), который в течение 30 лет проводил вскрытия в анатомическом театре Амстердама. Анатомический театр стал специфическим явлением XVII в., когда культурная парадигма была выстроена таким образом, что урок анатомии – вскрытие человеческого тела – был выдержан как благородное мероприятие. С одной стороны, публике обещали показать то, что Природа дала каждому, с другой – это демонстрировалось на трупe преступника, «злодея», что служило напоминанием о грехе.

Первое знакомство русских с анатомическим театром состоялось во время Великого посольства Петра I в Голландию в 1698 году в Лейдене. Затем царь слушал там лекции по анатомии, брал уроки у Фредерика Рюйша и сумел оценить новую для русских науку как фундамент хирургии. Поэтому в Москве при создаваемом в 1706 году госпитале по именному указу царя был устроен первый русский анатомический театр, который возглавил приглашённый из Голландии врач Николаас Бидлоо (1670–1735), а Петр I «сам при разъятии мёртвых тел многократно присутствовал» и приобрёл «навык их методически разлагать».

Анатомический театр Академии наук был учреждён в Петербурге в недостроенном здании дворца царицы Прасковьи Фёдоровны и начал функционировать в 1726 году. Для работы в нем был приглашён из Германии профессор Иоганн Георг Дювернуа (1691–1759), приехавший из Тюбингенского университета вместе со своим студентом Иосиасом Вейтбрехтом. Дювернуа вскрывал не только трупы людей, направляемые сюда из Полицмейстерской и Медицинской канцелярий, но и тела умерших редких животных, которые содержались за счет двора: слона, льва, леопарда.

27 июня 1727 года Дювернуа выступил на публичной ассамблее с речью, где он «толковал состояние нынешнее о анатомии человека и животных <...> и чинил описание новых вещей в анатомии слона, который был разобран в сем городе при окончании прошедшего года». Анатомические секции в России не вызывали того повышенного интереса, который проявлялся к ним на Западе. Однако результаты исследований Дювернуа оживлённо обсуждались в Конференции и на Ассамблее Академии наук, а начиная с 1728 года публиковались в научном журнале «*Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae*». За пятнадцать лет работы в России анатом опубликовал в «комментариях» около 20 статей, в их числе две тератологических.

К 1728 году относится перевод анатомического театра в новое здание, построенное для Кунсткамеры. Он располагался здесь в просторном круглом зале, вход в который был непосредственно с набережной Невы. В помощники И.Г. Дювернуа был назначен И. Вейтбрехт, к которому постепенно перешла вся работа по анатомированию присланных из полиции трупов. В 1736 году в Академию наук приехал еще один анатом из Германии Иоганн-Христиан де Вильде, продолживший характерное для Дювернуа направление сравнительно-анатомических исследований: наблюдение по анатомии слона, исследование курицы-монстра и плода гидроцефала. В 1741 году он принял дела от возвращавшегося на родину Дювернуа, однако в 1744 году тоже покинул Петербург.

Иосиас Вейтбрехт в 1731 году был избран академиком по кафедре физиологии, а в 1736 году получил степень доктора медицины от Кенигсбергского университета за присланную туда диссертацию об эпидемии разразившейся в Петербурге годом ранее «петехиальной лихорадки». Эта работа по терапии брюшного тифа вызвала большой интерес медиков. Но главным трудом Вейтбрехта было первое в мире исчерпывающее руководство по синдесмологии – учении о суставах, сочленениях и связках человеческого скелета, изданное на латинском языке в Петербурге в 1742 году. Позже оно было издано во Франции (1752) и в Германии (1779). Вейтбрехт был избран иностранным членом Нюрнбергского физико-медицинского общества. Его «Синдесмология» до сих пор признается основой знания о связках. Так плодотворно в течение 19 лет проходили работы в анатомическом театре до случившегося в декабре 1747 года пожара. После этого в



стены Кунсткамеры он уже не вернулся, сменив в течение 60 лет свой адрес 8 раз. Около 10 лет анатомический театр находился в доме баронов Строгановых, 2 года — на «Боновом дворе», потом — в доме Миллера на 5 линии Васильевского острова, наконец, довольно длительное пребывание (19 лет) в отдельном деревянном здании, построенном на лугу перед главным зданием Академии. Сменяли друг друга анатомы: А. Каау-Бургаве, А.П. Протасов, К.Ф. Вольф, П.А. Загорский — все они не были удовлетворены условиями работы и готовили собственные проекты реконструкции анатомического театра. В 1788 году театр размещают в новом каменном здании Академии наук, но постепенно он утрачивает своё значение. В России анатомические театры не имели тех общекультурных функций, которые были у них на Западе. Они предназначались лишь для научных и учебных целей.

### *Готторпский глобус*

Этот огромный глобус-планетарий в свое время стал одним из первых экспонатов Кунсткамеры. В 1726 году глобус разместили в зале третьего этажа башни строящегося здания Кунсткамеры. Затем над ним возвели перекрытия и построили верхние этажи башни. В настоящее время Большой Академический (Готторпский) глобус занимает пятый этаж башни Музея.

Созданный в 1650–1664 годы в Готторпском замке (Голштиния), глобус поражал своими гигантскими размерами: его диаметр равен 3,11 м. Внутри глобуса разместился планетарий. В течение суток с помощью гидравлического привода глобус мог совершать один полный оборот, следовательно, это сооружение могло служить еще и часами.

Создал прибор по заказу голштинского герцога известный ученый Адам Олеариус (1599–1671), а руководил мастерами, изготовившими глобус, Андреас Буш. Работы начались в 1651 году и длились с перерывами почти пятнадцать лет. Установили это диковинное сооружение в Голштинии в специальном доме, в парке на берегу реки Шлей, напротив замкового острова. Глобус приводился во вращение водяным колесом, которое действовало под напором воды, стекающей со склона высокого берега. Внутри глобуса можно было попасть через четырехугольное отверстие, которое закрывалось изогнутой по форме

шара дверцей с герцогским гербом на ее наружной поверхности. Вокруг глобуса имелась достаточно широкая деревянная галерея, которая служила внешним горизонтом.

В 1713 году Петр Великий узнал о диковинном глобусе и приказал командующему русскими войсками в Померании князю А.Д. Меншикову его «выпросить». Вскоре в Готторпе появился посланный из Петербурга лейтенант Травин, и от имени малолетнего герцога Карла Фридриха был подписан ордер на передачу глобуса, в котором, в частности, говорилось: «...мы преподнесли Его Высокому Царскому Величеству находящийся здесь большой Глобус». Впоследствии Карл Фридрих стал супругом дочери Петра I Анны, отцом российского императора Петра III.

Подарок везли в Петербург более трех лет, причем за перевозкой следил сам царь. Везли морем и сушей. 20 марта 1717 года глобус доставили в Петербург и установили неподалеку от Летнего дворца Петра Великого на Царицыном лугу (ныне – Марсово поле). Известно, что царь очень часто начинал утро у глобуса, подолгу рассматривал его. В 1726 году глобус был установлен на третьем этаже здания Кунсткамеры Академии наук.

В 1747 году глобус сильно пострадал во время пожара в Кунсткамере. Сгорело все, что могло гореть, а покрывающие наружную поверхность глобуса медные пластины полностью оплавилась. Остались слегка поврежденный металлический каркас и массивная железная ось, на которой вращалось все это сооружение. Единственной полностью сохранившейся и дошедшей до наших дней частью глобуса оказалась его дверца (во время пожара находилась в подвале здания). Воссоздание глобуса велось под руководством инструментального мастера шотландца Б. Скотта, который в точности повторил его первоначальную конструкцию.

Вместе со Скоттом работали русские мастера А. Беляев, Ф. Григорьев, И. Разводной, М. Кандарацкий, Ф. Тирютин и другие. В Академии наук имелось точное описание глобуса, и к 1751 году он был полностью восстановлен, а возглавивший Рисовальную палату Академии наук художник И.А. Гриммель с помощниками сумел воссоздать живопись на его внутренней поверхности. На "небесном своде" были вбиты 1016 гвоздей, фигурные позолоченные шляпки

которых изображали все известные тогда звезды первых пяти звездных величин.

На географическую карту с внешней стороны глобуса решили нанести все новейшие географические открытия, а надписи сделать на русском языке. Эта работа оказалась очень сложной и затянулась на десятки лет. Восстановленный глобус, который с этого времени во многих документах стал называться «Большим академическим», в 1753 году поместили в специально построенный для него круглый двухэтажный павильон, а в 1828 году переместили в восточную ротонду музейного корпуса, построенного к этому времени за зданием Академии наук. В 1901 году глобус передали Дворцовому ведомству и перевезли в Царское Село, где установили на втором этаже здания Адмиралтейства. Здесь застала его Великая Отечественная война.

Немецко-фашистские войска в конце 1941 года захватили г. Пушкин (в 1937 году Царское Село было переименовано в честь А.С. Пушкина), и в 1942 году глобус перевезли в Шлезвиг. После окончания войны глобус некоторое время выставлялся в городе Любеке и в 1947 году наконец вернулся в Ленинград. К тому времени глобус находился в самом плачевном состоянии: были обнаружены четыре пулевых отверстия, детали механизма вращения и внутренней меблировки сильнейшим образом попорчены, живопись наружной поверхности повреждена и во многих местах осыпалась, медные листы, покрывавшие наружную поверхность под холстом с географической картой, имели впадины, нарушены крепления к железному каркасу. На этот раз глобус установили в зале пятого этажа башни Кунсткамеры и к концу 1958 года полностью закончили его восстановление.

После 1958 года глобус дважды реставрировали, причем в последний раз в 2003 году, когда по инициативе Санкт-Петербургского отделения Института Гете его реставрацию финансировало Министерство культуры Германии. В ходе этой реставрации укрепили живописный слой на наружной и внутренней поверхностях глобуса, очистили все латунные детали, а также железные конструкции площадки, стола, скамьи и поворотного механизма. Заменяли скамью, изготовленную в 1958 году, очистили внутреннее убранство: заспинные балясины, столешницы и основание внутреннего меридиана. Вместе с реставраторами работали специалисты Пулковской обсерватории, они добавили изготовленные из

полированной латуни звезды, которые были утрачены во время вынужденных "путешествий" глобуса.

Большой Готторпский глобус – памятник технической и научной мысли двух народов – немецкого и русского. Подобные глобусы в других странах не сохранились. Россия обладает единственным образцом.

### *Проект обсерватории и Ж.-Н. Делиль*

Период проектирования и строительства обсерватории в здании Кунсткамеры относится к 1726–1734 годам. Проектирование в башне Кунсткамеры обсерватории связано с приездом в Петербург в феврале 1726 года французского астронома Жозефа-Николя Делиля (1688–1768). К этому времени постройка здания еще не была завершена, «а что касается обсерватории, то имелись, так сказать, лишь ее основания» [1]. Обсерватория должна была разместиться над анатомическим театром, однако чертежи, подготовленные архитектором Г. Киавери, Делиль нашел неподходящими «с точки зрения наблюдений» и предложил свой чертеж, к которому дал пояснения. 31 мая 1726 года Л. Блюментрост писал, что в третьем и четвертом этажах башни Кунсткамеры надлежит быть «зале для обсервации астрономической, по рисунку профессора астрономии Делиля, о котором он с архитектором Найтаном имеет будет соглашение» [2]. В соответствии с проектом Делиля Большой (Готторпский) глобус должен был быть размещен над анатомическим театром «в наибольшей близости от обсерватории и так, чтобы он не мешал наблюдениям».

Собственно обсерватория предназначалась для наблюдений с помощью полуденной линии и двух больших квадрантов, закрепленных в стену по меридиану. Делиль просчитал необходимую высоту помещения, высоту окон, которых должно было быть восемь. В простенках оставлялось место для часов и для двух больших печей, трубы которых будут обогревать и верхнюю (на чертеже под буквой «D») обсерваторию. Вокруг обсерватории Делиль спроектировал открытые сводчатые портики, которые должны поддерживаться восьмью или шестнадцатью колоннами, размещенными по кругу. Колонны необходимы для поддержания верхней террасы, окруженной балюстрадой. Нижняя терраса проектировалась восьмиугольной

формы и тоже с балюстрадой, которая должна выдаваться над карнизом, чтобы можно было обойти вокруг колонн. Нижняя терраса должна быть шире верхней, «в особенности в направлении четырех сторон света», и может служить для наблюдений. Верхняя обсерватория по диаметру спроектирована такой же, что и нижняя, но открытой со всех сторон с нишами и местами для маятников. Делиль предлагал увенчать здание куполом, на котором поставить фонарь с кровлей и флюгером: «Должна быть возможность подниматься в этот фонарь изнутри или снаружи <...> если встретится необходимость в каком-нибудь редком наблюдении» [3]. Позднее в маленькой «верхней» обсерватории была оборудована камера-обскура. В мансарде рядом с нижней обсерваторией должна быть квартира астронома, «которая окажется, таким образом, в одном этаже с нижней обсерваторией, что абсолютно необходимо для того, чтобы было с удобством производить все наблюдения, происходящие во все часы дня и ночи» [4]. Уже с июня 1727 года он наладил регулярные астрономические наблюдения в Кунсткамере, хотя строительство обсерватории было завершено не ранее 1734 года.

### *Армиллярная сфера на башне Кунсткамеры*

Армиллярная сфера – астрономический прибор для определения небесных координат светил. Она имитирует модель солнечной системы, в которой основные круги небес (эклиптика, небесный экватор и зодиакальный круг) представлены кольцами. Отсюда название прибора (от лат. *Armillae* – кольцо). Изобретение армиллярной сферы приписывают древнегреческому геометру Эратосфену (III в. до н. э.). Армиллярную сферу для астрономических целей использовали ранние арабские астрономы, ее находят при археологических раскопках в Китае, и известно, что армиллярная сфера была в самой ранней пекинской обсерватории, основанной в 1154 году.

Античные и средневековые астрономы пользовались армиллярной сферой для ведения астрономических наблюдений, которые хотя и не могли быть очень точными, но все же давали некоторые научные и практические результаты. Употребление армиллярной сферы как инструмента для астрономических наблюдений продолжалось достаточно долго. Даже Тихо де Браге произвел большую часть своих



наблюдений над планетами при помощи этого инструмента, а также применял его для определения времени своих наблюдений на иных приборах, квадранте и секстанте.

Впоследствии армиллярная сфера использовалась также как наглядное учебное пособие — в качестве модели небесной сферы. С другой стороны, с эпохи Ренессанса армиллярная сфера стала символом вселенной, а постепенно и символом науки, ее часто можно видеть перед домами или на башнях домов ученых и просвещенной европейской знати; изображение сферы помещали на портретах ученых.

В значении символа познания вселенной армиллярная сфера была воспринята и в России при Петре Великом. Неслучайно она венчает башню здания Кунсткамеры — первого универсального публичного музея России, задуманного Петром I как дворец науки. В собрании Кунсткамеры была замечательная коллекция армиллярных сфер, которые использовались и для научных целей, и как учебные пособия. Первые экземпляры приборов закупались у известных мастеров Европы по указу Петра I.

В процессе строительства здания Кунсткамеры первоначально обсуждался проект установки флюгера на верхушке башни, с помощью которого можно было бы точно определять направление ветра. Однако позже от этой затеи отказались. Взамен флюгера «инструментальный мастер» Пьер Виньон, помощник академика Ж.-Н. Делиля, приехавший в Петербург с ним вместе из Парижа, предложил установить на башне Кунсткамеры армиллярную сферу, что и было принято. В 1730 году над башней возводится «великая деревянная спица» и механик Пьер Виньяр изготавливает «сфери армиллярной», которую устанавливают над куполом башни.

Армиллярная сфера над зданием Кунсткамеры была утрачена в пожаре 1747 года.

В 1758 году архитектором С.И. Чевакинским башня была восстановлена, но без верхней части. И в таком усеченном виде она простояла почти 200 лет. Первоначальный облик был возвращен зданию только в 1948–1949 годах, когда башню увенчала новая армиллярная сфера, изготовленная по проекту архитектора Р.И. Каплан-Ингеля, одного из инициаторов создания Музея М.В. Ломоносова и его первого директора [5].

В начале 1990-х годов стало очевидно, что за сорок лет армиллярная сфера на башне Кунсткамеры пришла в негодность. В ЦНИИ КМ «Прометей» была спроектирована и изготовлена из титанового сплава новая сфера, которая 28 декабря 1993 года была установлена над башней Кунсткамеры.

Башня снова становится одной из визитных карточек города, символом Санкт-Петербурга, города науки, переключаясь с другими символами – шпилем Петропавловской крепости и адмиралтейской иглой.

---

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. СПФ АРАН. Р. I. Оп. 35. Д. 16. Л. 3. Цит. по: Ченакал В.Л. Первая обсерватория Петербургской Академии наук // Историко-астрономические исследования. М., 1957. Вып. III. С. 433.
2. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 417. Л. 128.
3. Ченакал В.Л. Первая обсерватория Петербургской Академии наук. С. 439.
4. Там же. С. 439–440.
5. Каплан-Ингель Р.И. О реставрации здания бывшей Петровской Кунсткамеры (ныне здания института и музея этнографии) // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 2. Л., 1947. С. 90–94.

## ЭКСПОНИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ

### РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭКСПОЗИЦИОННЫХ ШКАФОВ КУНСТКАМЕРЫ XVIII В.

На основании опыта, полученного Петром I, Робертом Арескиным и другими сподвижниками царя при посещении частных кабинетов и галерей с самого начала при создании Кунсткамеры с Библиотекой был нанят специальный служащий – И.Д. Шумахер, – в обязанности которому вменялся разбор коллекций и составление их каталога. Представление организаторов петербургской Кунсткамеры, что они

создают не просто коллекцию «раритетов» и «курьезов», а научную коллекцию для последующего изучения членами Академии, вылилось в создание уникальной, даже по европейским меркам, системы документации коллекций. Строительство специального здания для хранения и экспонирования коллекций Кунсткамеры и Библиотеки сопровождалось разработкой особого, продуманного плана размещения экспонатов и книг в «палатах» Академии.

В истории Кунсткамеры первой половины XVIII в. сложился уникальный корпус документов, большая часть которых была опубликована, причем первые публикации появились всего через 27 лет после основания музея и через 14 лет после того, как были открыты двери Кунсткамеры для широкой публики в специально построенном здании. Первым таким «музейным» изданием явились «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили», где были напечатаны 12 гравюр с изображениями внешнего вида академических зданий и внутреннего устройства помещений, в том числе планы и изображения внешнего вида здания Кунсткамеры и ее башни, «Профиль Библиотеки и Кунсткамеры на восток»; «Профиль Библиотеки на полночь»; «Профиль Кунсткамеры на полдень»; «Профиль второй залы с куриозными вещьми в первом апартаменте: А) шкафы с анатомическими вещьми господина Руиша, В) шкафы, в которых хранятся всякие рыбы, ящерицы и инсекты»; «Профиль Галереи и первой залы с куриозными вещьми во втором апартаменте на восток»; «Перспективный вид библиотеки второго и третьего апартаментов». Эти гравюры дают ясное представление о внешнем и внутреннем виде Кунсткамеры, об устройстве Библиотеки. Особенную ценность для нас представляет «Чертеж 5» (Tabula V) «План императорской библиотеки и кунсткамеры».

Хочется особо отметить, что факт строительства специального здания для Кунсткамеры породил, очевидно, впервые в мировой практике, отдельное издание с «профилями и разрезами» залов музея и, более того, поэтажными планами залов, которые в наши дни посетитель может найти при входе в любой музей мира. До этого в каталогах частных музеев, кабинетов и галерей обычно ограничивались фронтисписом с гравюрой общего вида помещения музея, который, как правило, состоял из одного единственного зала.

В 1744 году «Палаты Санктпетербургской Академии Наук» были переизданы. Новое издание вышло тремя отдельными выпусками — с текстом на русском, латинском и немецком языках, в меньшем формате, с уменьшенными гравюрами. В это издание было добавлено несколько чрезвычайно важных для истории Кунсткамеры текстов, очевидно, принадлежащих перу И.Д. Шумахера. Среди них — «Краткое известие о Академии наук и о учреждении библиотеки и кунсткамеры» и подробные легенды — «толкования литер и чисел»

к чертежам и профилям, в том числе к уже упомянутому выше «Чертежу 5», который в издании 1744 года дополнен номерами шкафов в «палатах» музея. Благодаря этому мы можем точно реконструировать, выражаясь современным музейным языком, тематический план экспозиций в залах Кунсткамеры, сказать, в каких помещениях помещались коллекции «натуралий», «артифициалий», «минц-кабинета», собрания научных инструментов, мемориальный кабинет Петра Великого и т.д.

Эта информация может быть существенно дополнена при сопоставлении планов залов Кунсткамеры с текстом опубликованного в 1741–1745 годах первого каталога коллекций Кунсткамеры «*Musei Imperialis Petropolitane vol. 1, 2*» (далее МIP).

Этот каталог можно по праву одновременно рассматривать и как путеводитель по Кунсткамере первой половины XVIII в. (от открытия музея для посетителей в 1727 году до пожара 1747 года). «Опись» экспонатов коллекций организована в нем по частям и разделам, в соответствии с расположением экспонатов по разделам коллекций и шкафам в залах Кунсткамеры. Таким образом, мы можем установить документально, в каком зале, в каком шкафу располагался тот или иной экспонат Кунсткамеры в первой половине XVIII в. Более того, в МIP все экспонаты пронумерованы в соответствии с их положением на полках шкафов (сквозная нумерация по «разделам» экспозиции, которые могли занимать в зале Кунсткамеры по несколько шкафов».

Каталог МIP, как видно из его названия, был опубликован на латинском языке, языке науки XVIII в. Известно, что существовал план дальнейшего издания такого каталога на русском языке. В настоящее время выполнен перевод текста каталога с латыни на русский язык и готовится к изданию комментированное издание этого уникального каталога старейшего российского музея.

Планировавшееся в середине XVIII в., но неосуществленное (скорее всего, из-за страшного пожара 1747 года) русское издание каталога должно было включать множество изображений экспонатов музея. С этой целью в период с конца 1720-х и до 1750-х годов учениками Рисовальной и Гравировальной палат Академии наук были предприняты невероятные усилия по зарисовке экспонатов музея, что, вероятнее всего, осуществлялось систематически шкаф за шкафом и параллельно составлению каталога МІР. На основании этих рисунков была начата подготовка гравировальных досок для последующей печати в каталоге.

При этом уже в МІР, изданном Академией наук в 1741–1745 годах на латинском языке, среди музейных экспонатов описаны 58 томов готовых акварельных рисунков: «*Icones pictae rerum, quae in Academiae Thesauris insunt*».

На листах с изображениями предметов Кунсткамеры есть пометы, которые указывают на описание этого экспоната в каталоге «МІР». Надпись на рисунке экспоната «*Scrin. XV n. [4] 30*» означает, что перед нами 4-й экспонат в шкафу № 15, описанный в МІР под N 30.

Таким образом, сопоставление всех этих документов дает возможность реконструировать размещение коллекций, шкафов и экспонатов в Кунсткамере до пожара 1747 года.

В качестве примера такой реконструкции можно увидеть, как выглядел один из шкафов из экспозиции, описанный в МІР в Разделе III: «Предметы быта скифов, китайцев, индийцев и всякие любопытные вещи восточных и северных народов: одежда, оружие, утварь, идолы и прочие предметы» в Подразделе III «Китайские и другие идолы, статуйки и подобные сему разной работы вещицы из дерева, камня и меди». Этой теме в Кунсткамере были посвящены три шкафа №№ 15–17 на «Галерее, где хранятся всякие художественные и редкие вещи». Эта галерея обозначена на 3-м этаже «Плана императорской библиотеки и кунсткамеры» буквами «ВВ» и находилась над большим залом «LL» («Зала, в которой хранятся животные четвероногие, птицы и травы») в западном крыле здания Кунсткамеры. Шкаф № 15, реконструкция которого представлена здесь, располагался в простенке между выходящими на Неву окнами в «юго-западном» углу галереи. Положение этого шкафа можно видеть



как на Плана галереи «ВВ», так и на «профиле» галереи «ВВ» и зала «LL».

## КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ

### *Китай, Япония, буддийская коллекция*

Основой китайской коллекции Кунсткамеры Академии наук стало личное собрание Петра I. Китайские редкости для царя привозились российскими посольствами, а также приобретались у западноевропейских коллекционеров. В 1736 году в Кунсткамеру поступило обширное собрание раритетов сподвижника Петра I генерал-фельдмаршала Я.В. Брюса, в котором было большое количество изделий из резного камня, бронзы, слоновой кости, рога носорога, фарфоровые или керамические фигурки, сосуды, механические игрушки, предметы костюма.

В декабре 1747 года большая часть китайского собрания была утрачена либо сильно повреждена в разразившемся в Кунсткамере пожаре. В 1756 году китайская коллекция Кунсткамеры была восполнена благодаря экспедиции лекаря Ф.Л. Елачича в Китай. Экспозиция музея по этнографии Китая представляла не только художественные изделия традиционных ремесел, но и быт, верования, театральное и музыкальное искусство, государственное устройство, развитие научных знаний.

Основное поступление коллекций по этнографии Курильских и Японских островов связано с закреплением и продвижением экономических и политических интересов России в северо-западной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Японские редкости приобретались на Курильских островах у айнов и присылались в Академию наук вместе с предметами по их культуре и быту. Это были монеты, холодное оружие, изделия из лака, фарфора, одежда. Поступление небольших японских коллекций было связано с дипломатическими действиями России по установлению официальных отношений с Японией, придерживавшейся политики «страна на замке».

Одна из трех мировых религий – буддизм – была представлена на экспозиции Кунсткамеры в основном изображениями божеств. В 1770 году собрание пополнилось обширной коллекцией литой позолоченной монгольской и калмыцкой буддийской скульптуры, купленной профессором натуральной истории П.С. Палласом в Яицком городке.

### *Сибирь*

Коллекции по этнографии народов Сибири занимали одно из ведущих мест на экспозиции Кунсткамеры Академии наук. Были представлены одежда, обувь, головные уборы, берестяная утварь и предметы быта угорских народов Западной Сибири; летняя, зимняя и промысловая одежда тунгусов и самодийцев; детали конской упряжи и военное снаряжение бурят; орудия рыболовства и охоты на морского зверя эскимосов, коряков; ритуальные костюмы и бубны сибирских шаманов, изображения божеств и амулеты. Коллекции экспонировались в шкафах, но уже со второй половины XVIII в. ритуальные костюмы тунгусских шамана и шаманки, традиционные мужские и женские костюмы тунгусов, хантов и эвенов демонстрировались на манекенах, выполненных с учетом особенностей внешнего облика представляемых народов.

### *Америка*

Экономическая деятельность Российского государства в Тихоокеанском регионе, на островах и побережьях Северной Америки во второй половине XVIII в. способствовала накоплению коллекций Кунсткамеры. Российское правительство издавало распоряжения об изучении и сборе сведений и коллекции по народам новых земель. Из экспедиций промысловиков на Алеутские острова стали поступать утварь, орудия охоты, одежда коренных жителей этих островов, а также рапорты с описанием внешнего облика, быта, занятий островитян. Большой вклад в развитие американских коллекций Кунсткамеры внесли государственные кругосветные плавания первой трети XIX в.

На экспозиции Кунсткамеры были представлены традиционная мужская и женская одежда, причем женская одежда

демонстрировалась на манекене «Алеутка»; орудия морских промыслов, военное снаряжение: шлемы, доспехи, оружие, предметы шаманского культа.

### *Поволжье*

Традиционная культура народов Поволжья была представлена на экспозиции Кунсткамеры первой половины XVIII в. праздничной и повседневной одеждой чувашей, удмуртов, мордвы, марийцев; чувашскими и марийскими свадебными платками. Эта одежда использовалась для проведения этнографического парада народов, подвластных российской короне, во время потешной свадьбы придворного шута Анны Иоанновны, проходившей в Ледяном доме в феврале 1740 года.

Коллекция была практически полностью утрачена в пожаре, разразившемся в Кунсткамере в декабре 1747 года.

Самобытность традиционного костюма народов Поволжья и необходимость восполнить эту лакуну в собраниях Кунсткамеры побудили профессора натуральной истории П.С. Палласа зарисовывать и приобретать для музея эту одежду во время экспедиции по изучению Оренбургского края (1768–1774). В 1772 году из экспедиции Палласа в музей были переданы предметы женского мордовского, чувашского, башкирского, марийского костюма.

### *Древности и археология*

На экспозиции Кунсткамеры были широко представлены археологические и палеонтологические находки. Они собирались по указам Петра I в европейской части России и Сибири. Среди первых поступлений были древности из сибирских курганов и золотоордынского городища близ Астрахани: украшения, детали конской сбруи, светильники, сосуды, изображения божеств. Впоследствии в музей доставляли археологические находки и кости доисторических животных – мамонта и шерстистого носорога, обнаруженные крестьянами и охотниками. Описание памятников старины и изучение останков древних животных входило в исследовательские программы экспедиций Академии наук.

В музее экспонировалась небольшая коллекция египетских древностей – изображения божеств, мумия в саркофаге, найденные близ Каира.

Некоторым предметам старины посетители музея приписывали мифическое прошлое; так, старинный меч был прозван мечом-кладенцом Ильи Муромца.

### *Анатомия, медицина*

В новом здании Кунсткамеры, расположенном на набережной Невы, анатомическая экспозиция была достаточно велика: она занимала 19 шкафов и состояла из препаратов, купленных у Фредерика Рюйша в Амстердаме в 1717 году, и анатомической коллекции, собранной в разные годы в России и почти полностью представленной уродами.

В отличие от домашнего музея Рюйша, где его препараты были расставлены хаотично, но с ярко выраженным напоминанием зрителю о бренности человеческой жизни, усиленным аллегориями и соответствующими изречениями, голландские препараты в Кунсткамере были разделены по видам органов человеческого тела: в каждом шкафу размещались однородные части тела. Например, в шкафу III располагались препараты мышц, в шкафу IX – желудка и кишечника и т.д. Пестрота и аллегоричность коллекции была вытеснена стройностью и систематичностью ее показа, а барочная декоративность подчеркивалась только красивым размещением в шкафах, где стеклянные сосуды с препаратами выстраивались в пирамидки на полочках с фигурными кронштейнами и лепными украшениями.

Препараты уродов в больших сосудах располагались в нижней части шкафов, а эмбрионы с аномалиями – в одном шкафу с нормальными. Препаратов с наличием патологий было привезено из Голландии немного, видимо, Рюйш оставил их для демонстрации во время занятий со студентами.

### *Научные инструменты*

В XVIII в. сотрудники императорской Академии наук вели разнообразные исследования и для обоснования своих гипотез

проводили многочисленные эксперименты опыты. При Академии существовали Инструментальные мастерские, снабжавшие кабинеты и лаборатории ученых необходимыми приборами и инструментами. Также целый ряд инструментов и приборов Академия закупала за рубежом. Большое собрание научных приборов и инструментов в настоящее время хранится в Музее М.В. Ломоносова, который является частью МАЭ РАН. В коллекции Музея хранится меридианный круг Т. Эртеля (приблизительно 1828), астролябия-планисфера голландского мастера А. Арсениуса (1568), принадлежавшая полководцу Тридцатилетней войны Альбрехту фон Валленштейну, коллекция армиллярных сфер, телескопов, напольных часов, выполненных в стиле барокко, артиллерийские прицелы времен Семилетней войны, серебряный ординар XVI в. из г. Аугсбурга, большое количество математических инструментов. В музее есть и химический инвентарь, который использовал в своей работе М.В. Ломоносов.

В Музее хранится основная линза зажигательного инструмента работы Э.В. Чирнгаузена, изготовленная в 1699 году. Она была куплена Академией наук в первой половине XVIII в. для Физического кабинета. Это единственный зажигательный инструмент Чирнгаузена в нашей стране.

Армиллярная сфера работы Делюра (Франция, начало XVIII в.) использовалась для определения экваториальных или эклиптических координат небесных светил, а также как наглядное пособие в качестве модели небесной сферы.

### *Ботаника*

Уже один из первых рукописных каталогов музея, составленный библиотекарем и смотрителем Кунсткамеры И.Д. Шумахером, включал, — правда, только в самом общем виде, — раздел *Regni vegetabile*. В него вошел гербарий, собранный Р. Арескиным около Москвы, отдельной строкой записан «китайский чай», поступивший тоже от Арескина, а также растения, собранные И. Буксбаумом, первым академиком ботаники и натуральной истории в Санкт-Петербургской Академии наук. В опубликованном на латинском языке каталоге «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1*» из ботанической коллекции описаны гербарии голландского анатома



Фр. Рюйша и И. Аммана, профессора ботаники и натуральной истории Петербургской академии наук. В разделе рисунков с предметов Кунсткамеры указаны зарисованные растения, собранные И. Буксбаумом, изданные с описаниями их Академией наук —

«Plantarum minus cognitarum centuria [I—V] complectens plantas circa Bysantium et in Oriente observatarum (Petropoli: ex typographia Academiae, 1728—1740)». Однако в опубликованном каталоге ботаническое собрание Кунсткамеры отражено не полностью. В более позднем каталоге-путеводителе И. Бакмейстера отмечено, что, несмотря на пожар 1747 года, в Кунсткамере сохранились «травники — рюйшев, амманов, гмелинов, штеллеров, гейнцельманов и часть слаонова травника <...> число растений наших простирается до 16000». Часть гербария Г. Слоана была получена И. Таубертом в 1749 году: «три ящика с травами, равномерно такие же, какие от него в парижскую академию посланы».

В первом каталоге Кунсткамеры «Musei Imperialis Petropolitani vol. 1» растения размещены и описаны по системе французского ученого Ж. Турнефора, в основе которой лежит деление на классы по внешнему виду цветка. Этой системой пользовались при описании растений петербургские ученые Д.Г. Мессершмидт, И. Амман, И.Г. Гмелин. П.С. Паллас, по данным И. Бакмейстера, начал систематизацию и описание гербария Кунсткамеры по системе К. Линнея. Однако и к концу XVIII в. ботанические коллекции ещё не были приведены в порядок и гербарные образцы лежали в связках, о чем писал И. Георги.

### *Зоология*

Зоологические коллекции Кунсткамеры на протяжении всего XVIII в. были одними из самых обширных и разнообразных в академическом музее. Ранние экспонаты поступили в музей при покупке собраний Хр. Готвальда, Фр. Рюйша, А. Себы, от тех, кто отозвался на указ Петра I и хотел заработать на передаче редкостей в Кунсткамеру, и конечно, из «доакадемических» экспедиций Д.Г. Мессершмидта, Г. Шобера, и академических экспедиций — Второй Камчатской 1733—1743 годов, «Физических» экспедиций 1768—1774 годов.

По своему составу зоологическое собрание Кунсткамеры было одним из богатейших в Европе, поскольку содержало чучела, а также влажные препараты животных почти со всех континентов Земли. Представленные экспонаты делились на следующие группы: четвероногие (5 шкафов, крупные животные располагались вне шкафов), птицы (5 шкафов), амфибии (15 шкафов), рыбы (6 шкафов), ракообразные (1 шкаф), моллюски (1 шкаф), насекомые (2 шкафа). Коллекции постоянно дополнялись экспедиционными материалами.

## ДИРЕКТОРА КУНСТКАМЕРЫ

### РОБЕРТ КАРЛОВИЧ АРЕСКИН

Арескин Роберт Карлович (Robert Areskin; в разных документах и книгах XVIII в. – Эрскин, Арешкин; 1677 год – 4 января 1719 года, Олонец). Лейб-медик Петра I, архиатор, впервые в истории России возведенный в это звание с назначением главой всего медицинского дела в стране. Сын знатного шотландского лорда, изучал медицину в Эдинбургском университете, в Париже и в Утрехте, где в 1700 году получил степень доктора медицины. Окончил Оксфордский университет с дипломом доктора философии. В 1703 году стал членом Лондонского Королевского общества. В 1704 году приехал в Россию, где стал личным врачом А.Д. Меншикова. Через два года Арескин был принят на царскую службу. С 1713 года – лейб-медик Петра I. В 1714 году Петр I поручил Арескину перевести личную библиотеку и коллекцию из Москвы в Петербург и организовать публичный музей – Кунсткамеру. Был по назначению Петра I главным хранителем собранных для Кунсткамеры материалов и смотрителем состоявшей при Академии наук Библиотеки. В качестве его помощника был приглашен из Германии Иоганн Даниил Шумахер.

В 1716 году Р.К. Арескин был назначен архиатором, своей деятельностью способствовал улучшению медицинского дела в России. Сопровождая Петра I в его путешествии по Германии, Голландии и Франции (1717), принимал участие в приобретении экспонатов для Кунсткамеры. Арескин сам собирал российские природные диковинки, называемые *naturalia*. Собирая травы, он составил первый русский гербарий (1709). Гербарий Арескина был

оформлен в барочном стиле: каждая травинка помещалась в затейливую подставку в виде вазы.

К сожалению, в архивах отсутствует портрет Р.К. Арескина, сохранился лишь экслибрис его библиотеки с выразительным девизом «JE PENSE PLUS» («Я больше думаю»).

## ЛАВРЕНТИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ БЛЮМЕНТРОСТ

Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (Laurentius Blumentrost; 29 октября 1692 года, Москва – 27 марта 1755 года, Петербург) – первый президент Академии наук. Родился в семье лейб-медика царя Алексея Михайловича. Медицинское образование получил в Лейденском университете, где в 1713 году защитил докторскую диссертацию. По возвращении в 1714 году в Россию стал лейб-медиком при членах царской семьи, а с 1718 года – при Петре I. Принимал участие в создании первого в России музея – Кунсткамеры, с 1718 года управлял музеем и императорской Библиотекой до назначения президентом Санкт-Петербургской Академии наук. 1 января 1724 года Л.Л. Блюментрост подписал с Иоганном Даниилом Шумахером контракт об управлении Библиотекой и Кунсткамерой.

По поручению Петра I подготовил совместно с И.Д. Шумахером проект положения об учреждении Академии наук и художеств. В 1725–1733 годах был президентом Академии наук. После смерти Екатерины I в 1728 году Блюментрост с двором Петра II переехал в Москву и прекратил руководство Академией наук. 4 января 1728 года он подписал распоряжение, которым передал всю власть в Академии Шумахеру. Этот неосмотрительный шаг привел к конфликту Шумахера с академиками, которые стали покидать Россию. После смерти Петра II авторитет Блюментроста стал стремительно падать. В 1733 году он был лишен места и выслан из Петербурга, жил в Москве, занимался частной практикой. С 1738 года – старший доктор Московского Генерального госпиталя. При восшествии на престол Елизаветы Петровны он снова вошел в милость при дворе, в 1754 году был назначен куратором учреждаемого Московского университета.

## ИОГАНН ДАНИИЛ ШУМАХЕР

Шумахер Иоганн Даниил (Schumacher Johann Daniel; 5 сентября 1690 года – 2 июля 1761 года) – уроженец Кольмара (Эльзас, Франция), учился в Страсбургском университете. В 1714 году принят на русскую службу на должность секретаря по иностранной переписке в Аптекарскую (позднее Медицинскую) канцелярию. По поручению Р. Арескина, президента Аптекарской канцелярии, которому было поручено «смотрение» за Кунсткамерой и Библиотекой, с того же 1714 года начал работу с библиотекой Петра I, а затем и с его коллекциями. В конце 1718 года лейб-медик Петра I Л.Л. Блюментрост доносил царю о служащих при Кунсткамере, среди которых первым числился «библиотекарь Яган Даниель Шумахер и надсмотритель всяких раритетов и натуралей».

В 1721–1722 годах Шумахер находился в Европе по поручению царя с целью установления контактов с учеными, а также приобретения книг и музейных собраний. С 1 января 1724 года И.Д. Шумахеру вменялось в обязанность «библиотеку и кунст-камору в своем правлении иметь, как в библиотеке, так и в кунст-каморе все порядочно содержать, в библиотеке книгам, а в кунст-каморе обретающимся разным вещами каталоги учредить». С этого времени Шумахер, выполняя и должность секретаря Канцелярии Академии наук, фактически был единственным распорядителем Кунсткамеры: распределял финансы, принимал экспонаты, показывал библиотеку и музей важным гостям. Его авторитет при дворе не могли подорвать ни жалобы профессоров, ни связанные с ними судебные разбирательства, ни даже разрушительный пожар 1747 года. Благодаря деятельности И.Д. Шумахера были изданы каталог Кунсткамеры «*Musei Imperialis Peropolitani vol. 1, 2*» и альбом гравюр «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры». К сожалению, ни одного портрета И.Д. Шумахера не сохранилось.

## ИВАН ИВАНОВИЧ ТАУБЕРТ

Иван Иванович Тауберт (Taubert Johann Caspar; 31 августа (12 сентября) 1717 года, Петербург – 9 (21) мая 1771 года, Петербург).

Его отец – Иоганн Тауберт – уроженец Саксонии. И.И. Тауберт учился в академической гимназии в Санкт-Петербурге. 20 июня 1732 года он был принят на службу в Академию наук с предписанием «Обретаться при Кунст-каморе и Библиотеке». Занимался переводами, в том числе переводил список растений, привезенных Второй Камчатской экспедицией.

В 1738 году Тауберт был избран адъюнктом исторического класса. В 1741 году – назначен «унтер-библиотекарем» и возглавил Кунсткамеру. В 1748 году Тауберт уехал в Саксонию по делам наследства и объездил почти всю Европу. В 1749 году он вернулся и привез много книг и редкостей для Кунсткамеры. В 1759 году он создал академическую типографию. В 1762 году получил чин статского советника и звание «библиотекариуса» его императорского величества. В 1766 году была проведена ревизия типографии и книжной лавки. В результате проверки Тауберт был отстранен от службы. Остаток жизни Тауберт занимался переводами.

## ПЕТР СИМОН ПАЛЛАС

Паллас Петр Симон (Peter Simon Pallas; 22 сентября (2 октября) 1741 года, Берлин – 8 (20) сентября 1811 года, Берлин) – путешественник и естествоиспытатель, этнограф, лингвист, академик Санкт-Петербургской Академии наук. Родился в семье врача. Обучался в Германии, Голландии и Англии. В 1767 году был приглашен в Россию и избран академиком по естественной истории.

24 апреля 1767 года Палласу было поручено руководство Кабинетом натуральной истории. В августе 1767 года Комиссия Санкт-Петербургской Академии наук постановила поручить надзор над зоологическими коллекциями Кунсткамеры академику Петру Симону Палласу, Самуилу Готлибу Гмелину поручались ботанические коллекции, Каспару Фридриху Вольфу – анатомические коллекции.

С 1768 по 1774 год Паллас возглавлял академическую экспедицию в центральные губернии России, в районы Поволжья, Урала, Западной Сибири, Алтая и Забайкалья, во время которой был собран уникальный материал по зоологии, ботанике, палеонтологии, геологии, географии, этнографии, культуре и быту, языкам населяющих эти регионы народов, по экономике исследованных



областей. Собранные коллекции были переданы в Кунсткамеру и в Берлинский университет. Результаты экспедиции были описаны в вышедшей в Санкт-Петербурге трехтомной монографии «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1771–1776). С 1767 по 1793 год Паллас заведовал зоологическими коллекциями Кунсткамеры, а в 1793–1794 годах посетил южные губернии России для описания их климата. С 1795 по 1810 год он жил в Крыму, где написал трехтомную монографию по фауне России. В 1810 году вернулся в Берлин.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иванов Д.В. Петр Симон Паллас и формирование первых буддийских коллекций в России // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2008, С. 35–41.
2. См. Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St. Petersburg, 1773. Т. 1.

#### СЕМЕН КИРИЛЛОВИЧ КОТЕЛЬНИКОВ

Семен (Симеон) Кириллович Котельников (1723 год, Петербург – 1806 год, Петербург) – физик, математик, академик (с 1797 года – почетный член). Сын рядового Преображенского полка, Котельников в 11 лет поступил в школу, организованную Феофаном Прокоповичем. Затем был переведен в Александро-Невскую семинарию. С 1741 года учился в Академической гимназии, затем в Академическом университете. В 1751 году был отправлен за границу для продолжения обучения (университет в Лейпциге). В 1752 году в Берлине он у Л. Эйлера защитил диссертацию. Эйлер и рекомендовал Котельникова Академии по кафедре высшей математики. В 1756 году Котельников прибыл в Санкт-Петербург и был избран экстраординарным, а в 1760 году – ординарным профессором высшей математики. В 1771–1797 годах он заведовал академической библиотекой и был «надсмотрителем» Кунсткамеры и Минералогического кабинета. Он превратил Кунсткамеру в музей, доступный для широкой публики. Котельников заведовал также Географическим департаментом, преподавал в Морском шляхетском кадетском корпусе математику и навигационные науки.

Руководство С.К. Котельникова Кунсткамерой пришлось на время интенсивного пополнения музея новыми коллекциями. Как отметила в своей монографии по истории Кунсткамеры Т.В. Станюкович, «чрезвычайно положительную роль в жизни Музея этого периода сыграл его новый «надсмотритель» — Семен Кириллович Котельников. Это был крупный, уже сформировавшийся ученый, мировоззрение которого сложилось под непосредственным влиянием корифея русской науки — М.В. Ломоносова, под руководством которого он проработал много лет» [1].

Математик по специальности, он был, прежде всего, педагогом и популяризатором научных знаний. Эти качества в сочетании с прекрасными административными способностями делали его незаменимым на посту руководителя Кунсткамеры.

Энергичная деятельность Котельникова охватила все стороны музейного дела от научного руководства до хозяйственных мелочей. Он предпринял ряд мероприятий, направленных на улучшение обработки и консервации экспонатов, привозимых из экспедиций, уже непосредственно в Музее. Для просушки гербария и других вещей «дабы в них не зарождались черви», во дворе Кунсткамеры, по распоряжению Котельникова, была оборудована специальная сушильня; был нанят для растяжки шкур «вольный столяр» Григорий Голушкин, а также чучельники для обработки поступающих шкур животных. Научные сотрудники Музея также были привлечены к работе по улучшению хранения и консервации, ими проводилась большая исследовательская работа, главным образом по изысканию средств для борьбы с молью. Академик К.Ф. Вольф, на которого персонально была возложена ответственность за поступающие из экспедиций экспонаты, подал в комиссию специальное «Представление о хранении в Кунсткамере экспедиционных натуральных вещей» [2].

Энергии С.К. Котельникова Кунсткамера также обязана улучшением научной документации коллекций. В 1774 году приехавшим из экспедиции академикам Палласу и Лепехину было предписано, чтобы они «помянутые вещи, кои из них, так и из других экспедиций присланные обще с академиком Лаксманом разобрав как надлежит сделали оным подробную опись и представить оную в комиссию» [3]. Для нумерации экспонатов в Кунсткамере и книг в Библиотеке стали пользоваться специальными номерами, отпечатанными в

академической типографии. Такие наклейки с римскими и арабскими цифрами, обозначающими разряд и номер,

сохранились и по сей день на различных экспонатах, принадлежавших некогда Кунсткамере. В типографии также печатались различные этикетки, на которых обозначалось «сколь возможно на русском и французском языках то, что та вещь представляет».

Для должного описания, классификации и размещения этих вновь поступавших из физических экспедиций коллекций были привлечены крупнейшие специалисты. Большую работу выполняли и помощники Котельникова: С. Бухвостов, работавший хранителем коллекций, и унтер-библиотекарь И. Бакмейстер.

По инициативе Котельникова Академия начинает обращать большее внимание на музейно-хранительскую деятельность Кунсткамеры. В 1778 году впервые состоялось награждение сотрудников Академии золотыми медалями за успешную работу в Кунсткамере. Первая из них «за приложенные им труды, тщание и искусство в порядке к установлению натуральных вещей в Кунсткамере» была вручена академику П.С. Палласу, вторая — «за музейную работу» — академику Э. Лаксману, а третья — «за сочинение описания библиотеки, коего у нас не доставало и которое всегда было нужно и которого не всякий мог сделать» — И. Бакмейстеру [4].

Последний лауреат премии получил ее за новый каталог-путеводитель по Кунсткамере, который во многом обязан своим появлением Котельникову. В 1776 году он был опубликован на французском языке [5] и лишь три года спустя (1779) издан по-русски в переводе Василия Костыгова под названием «Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии наук».

#### **ПРИМЕЧАНИЯ**

1. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 152–153.
2. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 4.
3. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1, 4 (документы от 7 и 10 октября 1774 г.).
4. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 36.

5. Basmeister J. Essai sur la Bibliotheque et le Cabinet de curiosites et d'histoire naturelle de l'Academie des Sciences de Saint Petersburg. СПб., 1776

## ИВАН ФОМИЧ БУССЕ

Иван Фомич Буссе (Johann Heinrich Busse; 14 (25) сентября 1763 года – 20 июля (1 августа) 1835 года) – адъюнкт по истории Академии наук, «гимназии корректор». 19 сентября 1788 года был назначен на место умершего унтер-библиотекаря Бакмейстера [1], с 1794 года – библиотекарь. 23 февраля 1797 года был назначен руководителем академического музея вместо С.К. Котельникова, выполнял указанные обязанности до мая 1800 года. По словам Т.В. Станюкович, «недолгая работа Буссе носила чисто хозяйственный характер» [2].

В 1800 году Буссе был избран почетным членом Академии наук.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 365. Л 169. 170.

2. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 194.

## НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ

Николай Яковлевич Озерецковский (1 (12) июля 1750 года, с. Озерецкое Московской губернии – 28 февраля (12 марта) 1827 года, Санкт-Петербург) – естествоиспытатель, путешественник, просветитель, ординарный академик.

В 1758-1767 годах учился в семинарии Троице-Сергиевой лавры, затем был направлен на службу в Санкт-Петербургскую Академию наук. В 1768–1772 годах участвовал в экспедиции И.И. Лепехина. В 1774–1778 годах Н.Я. Озерецковский обучался в университетах Лейдена и Страсбурга; в 1778 году получил звание доктора медицины. В 1779 году он стал адъюнктом Академии по естественной истории, а в 1782 году – ординарным академиком. Во время путешествия по Ладожскому и Онежскому озерам (1785), по верховьям Волги и на озеро Селигер (1805) собрал обширный материал о природе этих районов, их

истории, быте населения, его культуре и образовании, а также различные статистические сведения. Этот материал был опубликован в «Путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому» (1792). Автор многочисленных научных и популярных статей, Н.Я. Озерецковский оказал большое влияние на усовершенствование образования и организацию науки в России.

Н.Я. Озерецковский написал значительное количество ученых трудов, но более всего увлекался полевыми исследованиями. «Он для исследования натуральных вещей, – писала директор Академии Е.Р. Дашкова в его характеристике, поданной в 1792 году в Сенат, – целые восемь лет путешествовал по России как сухим путем, так и морями, собирая все естественные произведения для Академии <...> Сверх того собрал знатное количество различных минералов и других натуральных тел, которыми приумножил собрание редкостей в Императорской Кунсткамере» [1].

26 мая 1800 года он был назначен «надсмотрителем» Кунсткамеры Н.Я. Озерецковский – последний директор единого Академического музея (Кунсткамеры), которым он руководил вплоть до своей кончины 28 февраля 1827 года. В первых десятилетиях XIX в. Кунсткамера начала делиться на несколько самостоятельных музеев, что было окончательно закреплено новым Уставом Академии наук в 1836 году. Основная причина такого деления Кунсткамеры на специальные музеи и кабинеты – изменение деятельности Академии, специализация областей научного знания, развитие наук. Громадный музейный материал нуждался в более удобных помещениях для экспонирования и хранения. Научная обработка и изучение коллекций требовали дальнейшей дифференциации внутри отделов и увеличения числа специально обученного персонала. Во время директорства Н.Я. Озерецковского уже сформировались как самостоятельные Минеральный кабинет (1804), Азиатский (1818) и Египетский (1825) музеи.

Н.Я. Озерецковский был страстным популяризатором научных достижений и много сил и времени положил на издание различных трудов для «распространения полезных знаний и возбуждения любопытства к оным». Он стремился донести до народа эти знания также путем публичных лекций, организуемых непосредственно в помещении Кунсткамеры и сопровождавшихся демонстрацией музейных коллекций. «Вынув из шкафа чучело животного, –



вспоминал слушавший эти лекции в 1800 г. литератор Н.И. Греч [2], – Озерецковский передавал его по кругу, объясняя признаки стоявшим вокруг него слушателям». Работа по популяризации знаний при помощи коллекций Музея было достаточно новым делом в науке конца XVIII – начала XIX вв.

Помощником Озерецковского по Музею являлся Осип Петрович Беляев. Он работал при Кунсткамере и Библиотеке с 1783 года, первоначально в качестве переводчика, с 1789 года – в качестве кунсткамерского «помощника», а с 1797 года – унтер-библиотекаря, в должности которого и проработал вплоть до дня своей смерти (1807).

В 1793 году О.П. Беляев опубликовал каталог-путеводитель по Императорскому кабинету Кунсткамеры [3]. Этот каталог описывал мемориальную экспозицию Кунсткамеры, посвященную Петру I. В 1800 году путеводитель был переиздан в существенно расширенном варианте [4], с прибавлением второй и третьей частей, включающих «историческое описание всех вообще, как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере сохраняющихся», и «описание российских и иностранных минералов, окаменелостей разного рода, кораллов <...> как древних, так и новейших российских и иностранных монет».

Издание, как указывает сам автор, было рассчитано не столько на тех, кто мог лично видеть собственными глазами все сохраняющиеся в музее «сокровища, как для таковых, кои или по причине отдаленности, или по другим каким либо препятствиям, лишены удовольствия самолично оные видеть» [5].

Связное и тщательно составленное описание хранящихся в Музее коллекций, наличие многочисленных примечаний, а также имеющиеся в ряде случаев ссылки на использованные источники указывают на то, что описанная работа переросла рамки каталога. Для начала XIX в. она явилась своеобразной энциклопедией, дающей довольно значительный запас фактических данных по естественным наукам, истории и этнографии. Так, занимающее 88 страниц второго отделения описание этнографической экспозиции Кунсткамеры, может, по существу, рассматриваться как самый ранний в России справочный текст, посвященный этнографии народов мира.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 314.
2. Греч Н.И. Воспоминания. // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 710.
3. Беляев О. Кабинет Петра Великого или подробное и обстоятельное описание воскового Его Величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично Великому сему Монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской Императорской Кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. Часть I. Издано трудами и иждивением Надзирателя Императорской Кунст-камеры Осипа Беляева. СПб.: Имп. Ак. наук, 1793; Часть 2. Содержащая в себе описание токарной комнаты и обретающимся в оной вещам. СПб.: Имп. Ак. наук, 1793.
4. Беляев О. Кабинет Петра Великого. Отделения 1–3. Печатано в Императорской Типографии, СПб., 1800. Отд. 1: Отделение первое, содержащее в себе подробное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий, и всех вообще достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, и ныне в Санктпетербургской Императорской Академии наук Кунсткамере сохраняющихся, с присовокуплением к ним четырех гравированных фигур. 215 С.; 4 Л. иллюстрации. Отд. 2: Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской Императорской Академии наук сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц и разных любопытных анекдотов. 287 С. Отд. 3: Отделение третье, заключающее в себе описание древних и новейших российских и иностранных монет и медалей; разных драгоценнейших золотых и серебряных редкостей; российских и чужестранных минералов; окаменелостей, кораллов, раковин, травников, и, наконец, разных живописных картин, с присовокуплением многих таблиц. 278 С.
5. Беляев О. Кабинет Петра Великого. Отделение 1. Предуведомление. СПб., 1800. С. 4.

## ОПИСАНИЯ КУНСТКАМЕРЫ

### ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ

Кунсткамера с первых лет своего основания стала достопримечательностью Санкт-Петербурга. Традиция демонстрировать Императорский музей просвещенным иностранцам была заведена Петром Великим и, несомненно, на это повлиял

личный опыт царя при посещении им во время заграничных путешествий коллекций августейших особ в европейских столицах. Описания экспозиций Музея находим в дневниках резидентов европейских дворов, участников посольств, путешественников.

Я. Штелин упоминает, что, когда еще Кунсткамера располагалась в Кикиных палатах, Петр «назначил там поутру в пять часов первую аудиенцию прибывшему к нему от Римского императора посланнику» [1]. Приведем несколько цитат из воспоминаний и записок посетивших Кунсткамеру в начале XVIII – начале XIX вв.

Фридрих Христиан Вебер – ганноверский резидент при русском дворе в царствование Петра Великого, посетивший Кунсткамеру в Кикиных палатах во время своего пребывания в Петербурге в 1714–1717 годах, писал: «Если будет продолжаться постоянно приращение и теперь уже драгоценной библиотеки, то в немного лет она станет наряду с важнейшими Европейскими, не по числу, но по достоинству находящихся в ней книг. Превосходные картины, которыми обладает царь, нельзя купить ни за какие деньги. Вещи, перешедшие к нему от предков его и полученные им изо всех Азиатских областей, тщательно хранимые в Петербурге, составляют превосходнейший кабинет редкостей <...> Химические и другие редкости из царства растительного и минерального, множество уродов, Готторпская сфера, представляющая систему Коперника, математические инструменты и множество других вещей, состоявших прежде под наблюдением умершего царского лейб-медика Арескина, по справедливости заставляют удивляться, каким образом такое громадное, драгоценное собрание могло быть составлено здесь в столь короткое время» [2].

Шенд фон дер Бех (Michael Schend von der Bech), писавший под псевдонимом Критодемус, доктор медицины университета Падуи, работал с 1723 по 1727 год главным начальником военных госпиталей в Санкт-Петербурге. В 1725 году он написал на латинском языке записку «О настоящем состоянии просвещения в России» (*Praesens Russiae literariae status, in epistolam adumbratus*) в виде послания секретарю Трансильванского княжества Келезеру, который передал это послание «Обществу германских естествоиспытателей и врачей». Текст был напечатан в 1727 году в «Актах Общества в Нюрнберге», а русский перевод под названием «О состоянии просвещения в России в 1725 году» и именем «Михаил Шенд Фандербек» был опубликован в журнале «Сын отечества» в 1842 году. Приведем несколько выдержек

из описания Академии и Кунсткамеры: «Петр Великий задумал устроить Академию наук по образцу парижской, в которой был сам членом, и <...> употребил все свои силы, чтобы как можно скорее устроить ее. Августейшая Императрица, зная, что ни в каком деле так не нужно не щадить издержек, как при устройстве Академии, которая обессмертит имя Великого Государя, при самом начале своего счастливого правления обратила на нее все свое внимание. Со всей монаршей заботливостью и царской щедростью она отовсюду призывала к себе ученых по всем отраслям знания, на самых щедрых условиях, уничтожила все затруднения, утвердила привилегии. И в то время когда величественный Петербург ежедневно расширялся каменными строениями, она как можно скорее приказала на лучшей части Васильевского острова приготовить на царский счет дворец и отдала его под академию <...> В этом же огромном здании приготовлены удобные и прекрасные помещения для книг, куда к наслаждению библиофилов, будет перенесена, с прежнего места, вся библиотека, которая выбором сочинений и числом томов стоит не ниже других <...> Всем, что ни есть в библиотеке, порядком, расстановкой, изяществом, украшением, приращением книг, мы обязаны неутомимой деятельности и бдительности главного императорского библиотекаря Шумахера, человека опытнейшего в этом деле. Во время последнего путешествия в Париж <...> успел он составить огромнейший запас не достававших доселе важнейших книг, по всем отраслям наук; он не щадил ничего, чтобы приобрести их и доставить в Санкт-Петербургскую библиотеку. После он сделан императорским начальником Кабинета редкостей и главным правителем и хранителем анатомических, металло-минеральных и физических богатейших сокровищ из чужих стран. И так как редкости увеличивали славу государей, проливали новый свет при исследованиях природы и служили основанием к подтверждению учения естественной истории, то Петр, страстный покровитель всех наук, а в особенности естественных, <...> сделал столько и таких приобретений по этой части, что они едва ли не оставят за собою все другие музеи. <...> Император дорогой ценою купил анатомические сокровища знаменитого амстердамского профессора Рюйша и приобрел самые редкие собрания Альберта Себа, который занимался изысканием достопримечательных вещей в природе и был необыкновенно счастлив в находке диковинок. Скажу без преувеличения, что нигде нельзя найти других образчиков,

находящихся в этом собрании; нигде столько нет любопытного, как здесь. Кроме этого многочисленного собрания предметов, относящихся к наукам и природе, <...> еще есть минц-кабинет, который обыкновенно другие государи помещают в своих тайных покаях <...> Санкт-Петербургская Академия, быстро идя вверх, непременно займет ту степень славы, на которую хотел поставить ее великий ее основатель, который, живя в нашем дивном веке, был сам дивом и при жизни своей всюду находил себе хвалы. Но как плодоносные деревья долго растут и только что в целые столетия достигают полной своей зрелости и стойкости, так и во всех почти вещах всегда надежды предшествуют исполнению желаемого, и нет ни одного искусства, ни одной науки, который бы в короткое время своего водворения так возросли и так окрепли, чтобы последующие века ничего не могли прибавить к ним. К наукам в этом отношении очень кстати можно приложить слова Virгилия, сказанные о молве: “Чем дальше идет, тем более приобретает силы”. Науки растут с годами» [3].

Английский хирург и путешественник Джон Кук, из-за болезни вынужденный сделать длительную остановку в Петербурге и работавший в 1736–1737 годах в Петербургском госпитале, написал впоследствии книгу «Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства». Однако ряд описываемых им событий относится и к более позднему времени, в том числе – второй половине 40-х годов XVIII в. В главе XIV «Об Академии, Адмиралтействе, крепости и литейне» он пишет:

«Есть Академия, основанная в Санкт-Петербурге Петром Великим. Она имеет достаточно профессоров всех искусств и наук. Великий Петр очень старался поощрять ученых всех стран к приезду туда. Он щедро назначал им огромные жалования и иные вознаграждения, но, к сожалению, до моего отъезда из России некоторые умерли, другие неудовлетворенными вернулись в свои отечества, а немногим оставшимся весьма не нравилось, что ими пренебрегают и во главе их поставили президентом невежественную личность [4]. <...> Здание [Академии] – превосходный большой двухэтажный дом с прекрасным куполом посередине и обсерваторией. В середине под куполом квадратное пространство футов по тридцать в длину и ширину, без пола, но на каждом этаже вокруг идет широкая галерея, так что с плит пола в самом низу дома видно все до верха купола. В каждой из этих



галерей содержатся всякого рода естественные и искусственные редкости, есть также хорошая библиотека. <...> Среди редкостей очень много [человеческих] зародышей и самых разных уродов, а также вся коллекция Рюйша <...> Я видел три большие кабинета. В одном из них были всевозможные виды грунта, окаменелости, камни, руды и самородки, а также минералы. Во втором — всякого рода раковины, мхи, кораллы и т.д., а в третьем сидела в кресле с подлокотниками восковая фигура Великого Петра в натуральную величину, одетая в голубой кафтан и камзол, а также в штаны и белые чулки; ноги поставлены крест-накрест. Он с непокрытой головой, на которой короткие черные волосы; на боку кортик. Вокруг статуи в комнате были все превосходные механические и математические инструменты, в работе с которыми император находил удовольствие, и много изделий, выполненных им собственноручно, без посторонней помощи. В другой части дома мне показали очень большой глобус; я позабыл, небесный он или земной. С одной стороны он открывался, три или четыре человека могут войти в него и сесть на скамью вокруг стола. Глобус считали очень большой редкостью. Это величественное здание сгорело в 1745 или 1746 году, но большинство книг, бумаг и редкостей в нем спасли, и здание опять восстановили» [5].

Уделил внимание Кунсткамере и итальянский публицист, один из первых в Италии просветителей-энциклопедистов Франческо Альгаротти, посетивший Санкт-Петербург в июле 1739 году в составе свиты лорда Балтимора, который представлял английский двор на бракосочетании Анны Леопольдовны. Свои впечатления о Петербурге, достаточно критические и подчас излишне высокомерные, он опубликовал в сочинении «Письма о России». Читаем у Ф. Альгоротти [6]: «[Об Академии]. Здешняя Академия соединяет академию и университет. По каждой науке есть профессора, а также по праву; все они пока из немцев, кроме господина Делиля, профессора астрономии. Установлены дни недели, когда читаются лекции тем немногим слушателям, кто приходит. Господин Делиль не назначил определенного дня, а заявил, что свободен для всякого, кто пожелает прийти послушать его в любой час дня в Обсерваторию, но пока не увидел никого, кто бы увлекся астрономией. Первое помещение, куда мы зашли, был кабинет экспериментальной физики, скучное и жалкое собрание, смехотворное для того, кто приедет сюда из Италии или Франции, не говоря уже о Голландии и тем более об Англии <...> Затем мы перешли в большой зал, где господин Делиль

показал нам географическое изображение огромной и необъятной Российской империи; она охватывает почти все полушарие и ежедневно прирастает на востоке за счет неведомых берегов и земель, где однако нет никакого населения.

Из кабинета господина Делиля мы перешли в библиотеку, в которой особую редкость представляют рукописи, найденные при царе Петре в калмыцких землях. Но самая замечательная вещь из всех, какие здесь можно увидеть, – это коллекция Рюйша, хранящаяся здесь: собрание образцов, самых точных с анатомической точки зрения, для изучения развития зародыша от зачатия, можно сказать, до родов. Среди прочих есть зародыш, покрытый мембраной, наполненной жидкостью, настоящее чудо. Свежесть тканей etc., удивительно, как это все сохранилось. Кажется, что они из воска. Много и других препаратов, кроме зародышей. При Академии имеется небольшой анатомический театр <...>

Оттуда мы перешли в зал Готторпского глобуса, огромного сооружения, как всем известно. Он имеет диаметр около 12 футов. Царь Петр любил сиживать внутри него за столом и выпивать *sub dio* [лат. – под открытым небом]. Посетили Обсерваторию по соседству, не Бог весть что. Затем мы перешли в типографию, где нам показали, как набирают шрифты, а потом постепенно печатают. Это единственная типография в Империи, потому что московская печатает только молитвы святому Николаю, ну, может, еще какие-нибудь альманахи. Потом перешли в токарную мастерскую, где были самые разнообразные станки. А так как Петр Великий был прекрасным токарем, то он сам собрал здесь большую коллекцию. <...> По соседству с этой есть еще одна комната, где находится сидящая восковая статуя царя, а в двух шкафах по бокам сохраняется его обувь и мундир, в котором, как говорят, он был под Полтавой, синий с красными отворотами. Потом мы пошли смотреть комнаты с медалями. Имеется много монгольских и калмыцких, каких нигде больше не увидишь. Много также ножей с золотыми ручками, конская упряжь etc., очень богатая, но грубой обработки, найденная в могильниках в калмыцких землях. Все, что относится к искусствам и наукам, объединено здесь, в Академии; и тут, можно сказать, русские добились совсем малых, либо вовсе никаких успехов. За исключением карты России Ремизова, а она не так уж и удачна, нет ничего, чтобы они свершили по разделу словесности. Но могла ли словесность

процветать в насквозь военизированной стране, где тонкость вкуса, дочь богатства и неги, еще не получила никакого признания, и где незнакомо понятие роскоши, за исключением галунов, нашитых на одежду в праздничный день» [7].

Интересный отзыв о посещении Кунсткамеры оставила знаменитая французская писательница Жермена де Сталь. Находясь в оппозиции режиму Наполеона, она еще в 1802 году была выслана из Парижа и в 1812 году посетила Россию и Петербург. Свои впечатления она описала в книге «Десять лет в изгнании», где мы читаем: «Мы побывали в кабинете естественной истории, особенно замечательном благодаря выставленным там коллекциям из Сибири. Русские показали себя такими же жадными до сибирских мехов, как испанцы – до мексиканского золота. Некогда в России разменной монетой служили куньи или беличьи шкурки: ведь зимние холода грозили всем без исключения. Главное сокровище Петербургского музея – скелет мамонта, исполинского животного, останки которого были найдены в Сибири <...> Меня поразили вид жителей Камчатки, чье изображение в натуральную величину выставлено в Музее. В тех краях живут импровизаторы, именуемые шаманами; поверх одеяния из древесной коры они носят нечто вроде стальной сети, к которой привязаны многочисленные кусочки железа, производящие при каждом движении импровизатора очень громкий шум; народ уважает шаманов, чьи порывы вдохновения весьма схожи с нервными припадками, не столько за поэтические таланты, сколько за колдовские способности. В этом печальном краю воображение возбуждается лишь посредством страха; сама земля, кажется, отталкивает человека, ибо внушает ему ужас» [8].

В заключение этого далеко не полного обзора описаний Кунсткамеры XVIII в., сделанных иностранцами, побывавшими в Санкт-Петербурге, приведем здесь стихотворные строки, посвященные впечатлениям от посещения Кунсткамеры Иоганном-Христианом Тремером.

Автор этих строк родился в 1696 году в Лейпциге, бродячий поэт и шут при маршале Б.К. Минихе, попавший в свиту полководца в Данциге в 1733 году. В 1734 году он вместе с Минихом прибыл в Санкт-Петербург, где жил до конца 1735 года.

По случаю своего отъезда он написал поэму «Прощание германо-француза со всеми многочисленными диковинами, которые можно видеть в Петербурге», где есть такие строки:

«Что в Академии я видел – и не счесть:  
Во-первых, восковой портрет царя здесь есть,  
А также кабинет сокровищ и диковин,  
С которыми в цене ничто не станет вровень,  
  
Там Господин Отец всех глобусов стоит –  
Настолько же велик, насколько и знаменит.  
Зверей невиданных там целая палата,  
Скелет огромный, что французом был когда-то,  
  
А рядом за стеклом витрины предстает  
Утроба матери, где созревает плод,  
И можете теперь увидеть вы на деле,  
Как проводили время в материнском теле» [9].

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. Ч. 1. 3-е изд. М.: Тип. Решетникова, 1830. С. 87.
2. Вебер Ф. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. М., 1872. № 7–8. Стб. 1420.
3. Шенд Фандербек М. О состоянии просвещения в России в 1725 году // Сын отечества. СПб., 1842. Ч. 1. № 1. С. 1–35.
4. Очевидно, что имеется в виду граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803), в 1746 году в восемнадцатилетнем возрасте назначенный президентом Петербургской Академии наук.

5. Кук Д. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // В кн.: Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 415–416.

6. Текст приведен в сокращении.

7. Записки Альгоротти о путешествии частично изданы: Альгаротти Ф. Русские путешествия: Письма о России / Перевод с итальянского, составление, комментарии М.Г. Талалая. СПб.: Крига, 2006. Однако в это издание не вошел отрывок из его дневников «Об Академии», который войдет в другую публикацию, подготовленную в настоящее время проф. М.Г. Талалаем. С его любезного разрешения мы воспроизводим здесь эту часть записок итальянского путешественника.

8. Де Сталь Ж. Десять лет в изгнании. М., 2003.

9. Гольдберг А.Л. Первая поэма о Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1979. Л., 1980. С. 13–20.

### «ПИСЬМОВНИК» Н.Г. КУРГАНОВА

Краткий исторический очерк истории Кунсткамеры и Библиотеки, а также описание залов музея содержится в «Письмовнике» – книге, которую можно по праву назвать самым читаемым и широко распространенным печатным изданием второй половины XVIII – начала XIX в. Эта книга, имевшая подзаголовок «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку, с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей», можно было найти практически в каждой грамотной семье, и она была не только самым распространенным учебником русского языка и грамматики, но и хрестоматией, и книгой для семейного чтения, и энциклопедией.

Первое издание «Письмовника» появилось в 1769 г. Текст его постепенно дополнялся и расширялся в последующих изданиях, которые выходили в 1777, 1788, 1790, 1802 (три издания за один год), 1809 и 1831 годах. Таким образом, «Письмовник» издавался четыре раза в XVIII в. и еще семь раз в первой половине XIX в. Более того, тексты из этой книги переписывались в девичьи дневники и тетрадки, пересказывались и проникали в народную словесность. В неоконченной повести А.С. Пушкина «История села Горюхина» (1830)



вымышленный его герой И.П. Белкин, от имени которого Пушкин опубликовал знаменитые свои «Повести Белкина», говорит: «Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты». Автором «Письмовника» был Николай Гаврилович Курганов (1725–1796).

Известно, что Пушкин хотел написать биографию Курганова, но отказался от своего намерения из-за скудости собранных о нем сведений. Тем не менее, известно, что Курганов родился в семье солдата, был настолько талантлив, что сумел поступить и закончить основанную Петром I Математико-навигационную школу, а к тридцати годам стать профессором математики и навигации в Морской академии. Он стал автором учебника «Универсальная арифметика», который сменил знаменитую «Арифметику» Магницкого.

Первоначально «Письмовник» был создан Кургановым для своих детей, т.к. его не устроил учебник русской грамматики того времени. Русским словом «письмовник» Курганов перевел греческое «грамматика». Грамматикой начинается и кончается учебная часть «Письмовника», а затем следуют разнообразные «присовокупления», т.е. «приложения»: Курганов был противником обильных иностранных заимствований в русском языке и часто вводил в оборот новые яркие слова. Эти-то присовокупления и создали «Письмовнику» великую славу среди читателей, за счет этих главок книга стала своего рода небольшой энциклопедией. На титульном листе книги было написано: «Духовный ли, мирской ли ты? Прилежно се читай, все найдешь здесь, тот и другой: но разуметь смекай».

Очерк о Библиотеке и Кунсткамере появился только в четвертом издании 1790 г. Этот очерк вошел во 2-ой «отдел» 6-ого «Присовокупления» под названием «Всеобщий чертеж наук и художеств», состоящий из главок «Об употреблении наук», «О предузнавании погоды», «Размышления о физике», «О системе мира», «Знатные изобретения в Европе учиненные», «Хронология», «Краткий повестной летописец» и др. Здесь же напечатан очерк «Об Академической Библиотеке и Кунсткамере», занимающий семь страниц текста книги. Очерк, посвященный Кунсткамере, делится на две части: 1) история музея 2) его состояние к 1790 г. Ниже приведен текст «О Кунсткамере»:

## *О состоянии Академической библиотеки и Кунсткамеры*

«Библиотеку и Кунсткамеру Академии наук многие каждый год смотрят, но таковые вещи лучше и с большею пользою рассматриваются, когда при том есть печатное оным описание, иной же не могши их видеть может по крайней мере любопытство свое удовлетворить прочтением сочинения об оных.

И так чтобы удовлетворить желанию многих любопытных россиян, для того о сем, что достойно примечания, вкратце предлагаю.»

### *II. О Кунсткамере.*

"Кунсткамерою мы так же Петру Великому одолжены. Сей государь после первого своего путешествия в 1698 году положил ей основание и несколько купленных натуральных редкостей привез с собою из Амстердама в Россию, которые купно с прочими уже здесь находящимися анатомическими препаратами в смотрение поручены были архиатеру Арешкину. Сие малое собрание получило в 1716 году знатное приращение купленным Себанским кабинетом и минералами доктора Готвальда. Но знатнейшее и драгоценнейшее из всех приращений было сокровище анатомических и натуральных препаратов профессора Руйша, которые император Петр Великий в 1717 году за 30000 гульденов купил.

Другое не меньше важное приращение, которое сей же монарх доставил, была часть Лидерского минц-кабинета, выкупленного им от жидов имевших у себя оный в закладе, за 5000 талеров; все сии собрания до смерти императора находились в его так называемом Летнем дворце.

По смерти же его императрица Екатерина I всемилостивейше повелеть соизволила оные купно с физическими и математическими инструментами, которые супруг ее имел для собственного своего употребления, и с кабинетом прежде бывшего архиатера Арешкина, также с золотыми и серебряными редкостями, которые близ Астрахани из земли, а наипаче из гробов татар прежде бывших властителей Сибири

вынуты, отдать в Академию, чем знатно приумножилось собрание оной.

К сему еще в 1726 году присовокуплено знатное количество азиатических редкостей, которые доктор Мессершмидт во время своего осьмилетнего путешествия в Сибири собрал – в 1728 году весь кабинет с библиотекою перенесен был в назначенное для сего предмета Петром Первым здание, построенное на Васильевском острове на берегу Невы.

Императрица Анна Иоанновна удостоила сие место своим посещением и подарила оному многие искусством сделанные вещи. Вскоре после того по ее приказанию были туда отданы станки токарные Петра Великого, его из воску выработанная статуя и разное его платье. В 1758 году оставшая часть Лидерского минц-кабинета была куплена за 4500 рейхсталеров. Все сии сокровища при случае известной Камчатской экспедиции трудами тогдашних профессоров Миллера и Гмелина приобрели знатные приращения и теперь достойно предложить обществу оным расписание.

В 1742 и в последующие годы были изданы четыре части описания оных, под названием: *Museum Petropolitanum*. Блаженной и вечной памяти достойная императрица Елисавет Петровна определила в Академическом регламенте в год по 2000 рублей для приумножения Библиотеки и Кунсткамеры. Пожаром в 1747 году приключился кабинету великой вред; спасенные вещи, которые еще много стоили, были перенесены в близлежащее строение и сколько возможность допустила исправлены. По счастью множество паки достали татарских, китайских и угрских редкостей, также Гмелинов натуральный кабинет из Тибингена и великое собрание натуральных вещей из обеих Индий. Знатнейшее приращение получил кабинет от предпринятых по повелению великой Екатерины II разными академическими сочленами путешествий по Российскому государству.

После сего повествования о кабинете следует описание оного по нынешнему его учреждению. Между физическими инструментами, Чирнгаузово зажигательное стекло достойно особого примечания. Большая галерея содержит в себе, сверх разных искусством сделанных вещей, множество китайских редкостей, а особливо разные одеяния

народов, покоренных Российскому скипетру; так же преизящное собрание калмыцких идиолов. Средняя зала содержит в себе четвероножных животных и птиц. Из оных достойнейшие примечания суть: слон длиною более 28, а вышиною более 16 футов; Джигитей, персидский дикий олень; овен с Тюркоманских гор; сибирской овен, тибетский буйвол, два рода антилопов, дсерен и сайга; сибирской мускус; белой медведь с Ледяного моря, шакал, черной заяц, весьма белой соболь: толай сибирской горной кролик; суслик, слепец, черной горноста́й, голова морского льва из Восточного океана, морж, камчатская выдра, два зародыша одной морской коровы, целая морская свинья, белой морской тюлень с зародышем; между множеством мамонтовых костей, которые в России в земле находятся, следующие суть знатнейшие: череп риноцера длиною в 33 дюйма, шириною в 11 дюймов и 9 линий; рог того же зверя длиною в 35 дюйма в 9 линий, череп буйвола длиною в 21 дюйм, шириною в 13 дюймов и 11 линий, сие тем наипаче достойно удивления, что ни в восточной ни в западной Индиях сего рода зверь такой ужасной величины более нигде не находится. Число птиц простирается более тысячи, между коими собрание водяных птиц, а особливо с Северного океана и Камчатского моря есть наилучшее. Многие птицы из нашего государства отличаются красотою перьев; к оным принадлежат фламинго, золотозеленый кулик розового цвета, скворец и красная бледногорлая травянка, красной сибирской воробей и протч.

В нижней зале находятся в 18 стеклянных шкафах анатомические препараты г. Руйша; их можно всех назвать самыми лучшими, но те, кои до глаза, века и мозга касаются, преимущественно отменны; наибольшего внимания достойны те части, кои объясняют детородие. Число зародышей простирается более ста, и составляешь постепенность от зародыша величиною с анисовое зерно даже до совершенно образованного ребенка. Собрание уродов весьма многочисленно, коих анатомического описания с начертанием в кунферштихах имеет ученый свет ожидать. Собрание амфибий (амфибии, или двух стихийные, называются те животные, кои и в воде, и на земле жить могут) хранится в 886 склянках и содержит в себе

множество черепах, жаб, ящериц, змей и протч; в двух шкафах находятся 353 рыбы; протчие пять шкафов содержат в себе

332 склянки с насекомыми, между которыми скорпион и индийский тарантул достойнее всех примечания. Собрание червей и мягких животных и озоитов хранится более нежели в 1500 склянках. Многие тысячи сушеных сего рода животных покрывают столбы, стены и потолок залы и протч., между оными видны два крокодила в 14 футов длиною, 9 1/2 и пила рыба длиною в 10 футов, нарвалова голова с рогом, змеиные кожи длиною близ 14 футов. Столпы покрыты бабочками, высушенными насекомыми, амфибиями и рыбами. Число высушенных растений, несмотря на причиненный пожаром вред, простирается до 16000, выключая тех, которые помянутыми физическими посылками весьма приумножены. Кабинет расположен по порядку г. Линея; что же касается до минералов, Академия имеет три разные кабинета. Первый состоит из Себакского, Голдвалского и Арешкинского собрания и содержит около 4900 вещей; второй, состоящий в 2500 вещах, Академия купила из оставшегося Генкелева имения; третий состоит из одних Российских минералов. В разных особых комнатах хранятся драгоценные вещи, между коими находятся золотые и серебряные кубки и собрание древних монументов, кои в Сибири из татарских гробниц вынуты, как то диадемы, щиты, запястье, серьги, кольца, головные уборы и идолы. Минц- кабинет есть не малой важности, в нем до 900 римских консульских монет, простых и двойных; греческих до 300.

Собрание монет бывших при римских императорах простирается до 9000 с двойными; новейших российских монет более 1900, также великое множество древних, и если к новым приложить и медали, то будет их близь 600. За оными следуют пунические, готские, китайские, японские и индийские и великое число арабских и татарских монет заключают сей кабинет.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Курганов Н.Г. Письмовник, содержащий в себе науку Российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. Пятое издание вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части. Ч. 2. Санкт-Петербург: Тип. при Императорской Академии Наук, 1793. С. 191–197.
2. Роберту Арескину, лейб-медику Петра I, архиатору и первому «смотрителю» Библиотеки и Кунсткамеры.



3. Имеется в виду коллекция, купленная у амстердамского аптекаря и коллекционера Альберта Себы в 1716 г.
4. Коллекция минералов, приобретенная в 1716 г. в Данциге (Гданьске) у доктора медицины Готвальда.
5. Коллекция анатомических препаратов, приобретенная Петром I у профессора Фредерика Рюйша в Амстердаме в 1717 г.
6. В 1721 г. для Кунсткамеры в Гамбурге у наследников И. Людерса была приобретена значительная часть знаменитой нумизматической коллекции.
7. Автор имеет в виду древние тюркские погребения в Сибири.
8. Д.Г. Мессершмидт прибыл в Петербург из Сибири в 1727 г.
9. Часть кабинета И. Людерса была куплена в 1738 г. за 4500 рублей.
10. Первый печатный каталог коллекций Кунсткамеры: *Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2. St. Petersburg, 1741-1745.*
11. В августе 1747 г. академик И.Г. Гмелин, участник Второй Камчатской экспедиции и собиратель многих коллекций Кунсткамеры, уехал в Тюбинген, где с 1749 г. до своей смерти в 1755 г. был профессором ботаники и химии местного университета. После смерти рукописи и гербарий ученого были доставлены в Петербург и проданы Петербургской Академии наук.
12. Основная зажигательная линза (двояковыпуклая в деревянной профилированной оправе) изготовлена знаменитым ученым-энциклопедистом, создателем оптических стекол Чирнгаузенем. Приобретена Академией наук в первой половине XVIII в. для Физического кабинета Петербургской Кунсткамеры. Одна из самых больших линз мастера. Это единственный инструмент Эренфрида Вальтера фон Чирнгаузена (нем. Tschirnhausen; 1651-1708), немецкого философа, математика, экспериментатора в нашей стране.
13. В 1769 г. академик П.С. Паллас во время экспедиции побывал в Яицком городке, где у казачьего атамана купил для Кунсткамеры коллекцию монгольской и калмыкской буддийской скульптуры.
14. Т.е. минералы из коллекций А. Себы, И.К. Готвальда и Р. Арескина.

## КУНСТКАМЕРА

### В «ОПИСАНИИ САНКТПЕТЕРБУРГА» А.И. БОГДАНОВА

Книга «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703, по 1751 год» была написана суб-библиотекарем Императорской Академии наук Андреем Ивановичем Богдановым (1692-1766).

А.И. Богданов известен как первый книговед, лингвист и автор первого труда по истории Петербурга. В 1719 г. он указом Петра I был определен на службу в Санкт-Петербургскую типографию, в 1727–1730 гг. работал печатником в Академической типографии, с 1727 г. же был служителем при Библиотеке и Кунсткамере. А.И. Богданов составил каталог книг и рукописей на русском языке, находившихся в академической Библиотеке, который был опубликован, по одним данным, в 1742 г., по другим – в 1744 г. Большинство филологических и книговедческих трудов А.И. Богданова при жизни не было издано (их рукописи хранятся в СПФ АРАН).

В течение многих лет А.И. Богданов собирал сведения по истории Петербурга. Работу над своим трудом и оформление его в виде иллюстрированной рукописной книги он завершил в 1749-1751 гг. После переписки черновиков писцом-профессионалом готовая беловая рукопись была авторизована А.И. Богдановым.

При жизни автора книга не была опубликована; отрывок, переработанный современником Богданова литератором и переводчиком В.Г. Рубаном, напечатан в книге «Месяцеслов на лето... 1778», полностью рукопись также под редакцией Рубана была опубликована в 1779 г. А.И. Богданов создал своеобразный комплексный труд, содержащий первое отечественное описание новой русской столицы. В книгу было включено описание Кунсткамеры, которое является самым ранним описанием музея в путеводителе по Санкт-Петербургу.

### *ГЛАВА XVIII. КУНШТКАМЕРА*

Императорская Куншткамера началась собираться с 1714-го года, а во Академию наук соединена 1724-го года, которая чрез тридцать три года в такую силу и величество всякими куриозными вещми приумножена, что против прочих государств, которые разве за двести лет обретающиеся, с теми сравняться может, или б иные и превосходит величеством своим. И тако сия Куншткамера в следующем разположении находится:

#### 1. Большой Готтарпской Глобус.

Оной глобус в 1716-м году, будучи Государю Императору Петру Великому в европейских государствах, и в то ж время изволил быть и в

Голстинии, где Его Величество сим глобусом, такова славнаго монарха и посетителя стран, сим дражайшим гостинцом подарен был.

Сей глобус есть преудивительной куриозности состоит.

а. Первое, что чрезвычайной величины.

б. Снаружи изобразует Земной Глобус.

в. Внутри Небесной.

г. Посреди ево стол круглой, а на нем двенадцать Зодий.

д. Посреди того стола, в половину диаметра, маленькой Земной Глобус.

е. Весь оной Глобус движение свое имел чрез машину.

ж. Внутри его вмещается по двенадцати человек. И сей Глобус во всем свете славен есть.

2. Камера, в которой хранятся всякия математическая инструмента, модели карабельныя машины, сферы, зрителиелные трубки, и прочее.

3. Камера, в которой стоят токарныя машины и к ним принадлежащия инструмента. Все оныя машины собственные были Блаженныя и Вечнодостоинныя Памяти Императора Петра Великаго.

4. Камера, в которой находится партрет из воску, зделанной по величине возраста его, а притом и платье полтавское.

5. Камера, в которой хранятся животная четвероногая, птицы, и травы, и семена.

6. Камера, где имеются всякия шкелеты человеческия, кита рыбы кости, слоновые, и лвовы, и прочих зверей, и притом мамантовыя, и разные роги, и зубья.

7. Зал, в котором хранятся всякия анатомическия препорации, и всяких родов рыбы и гады.

8. Минеральной Кабинет, в котором хранятся разнаго роду земли, руды серебряныя, и золотыя, медныя, и прочие всякия соли, и притом дорогия каменя и жемчужныя раковины.

9. Минц Кабинет, в котором хранятся всякия древныя всех государств монеты и денги, также и нынешныя, а притом российскыя древныя и новыя монеты и денги. Еще тут же всякия дорогия вещи, сосуды,

доскони, кинжалы, короны, скипетры, уборы всякие золотые, и прочия сему подобныя вещи.

И сия преславная и сильная Императорская Куншткамера и Библиотека ныне, Божиим Посещением, декабря 5 числа 1747-го году, погорела, из которой все вещи и книги благополучно выбраны, но толко притом сожалению достойно, что Большой Готтарпской Глобус згорел, который ныне, старанием Академии Наук, оной Глобус в прежнее состояние весма искусно приведен.

#### **ПРИМЕЧАНИЯ:**

1. Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 года по 1751 год, со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное Василием Рубаном. СПб., 1779.

2. Текст воспроизведен по изданию: Богданов А.И. Описание Санктпетербурга. СПб.: Северо-Западная Библейская Комиссия, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, 1997.

#### **БАСНЯ И.А. КРЫЛОВА «ЛЮБОПЫТНЫЙ»**

Посещение Кунсткамеры приезжим провинциалом послужило сюжетом для одной из самых известных басен И.А. Крылова «Любопытный». Басня была написана в сентябре 1814 года и опубликована в журнале «Сын отечества».

Первый исследователь литературной деятельности Крылова и его комментатор писатель В.Ф. Кеневич передает рассказ современника о том, как на обеде у А.С. Норова (писателя, впоследствии министра народного просвещения) в присутствии И.А. Крылова приезжий провинциал рассказывал о своем посещении Кунсткамеры, описывая и восторгаясь мельчайшими предметами, увиденными там. На вопрос же, видел ли он слона, ответил: «Виноват, слона я не заметил» [2].

Известно, что многие фразы из басен И.А. Крылова стали поговорками, крылатыми фразами. Это случилось и с последней строкой басни «Любопытный». Выражение «Слона-то я и не приметил», вошло в словари крылатых слов и выражений и широко используется в современном русском языке. При этом очень часто,

произнося эти слова, люди не помнят о замечательном описании Академического музея – Кунсткамеры, автором которого является русский поэт и баснописец. Еще реже вспоминают о том, что И.А. Крылов был в 1841 году избран ординарным академиком Императорской Академии наук по Отделению Русского языка и словесности, а, следовательно, достаточно часто бывал в здании Кунсткамеры.

### ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —  
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;  
Все видел, высмотрел; от удивленья,  
Поверишь ли, не станет ни уменя  
Пересказать тебе, ни сил.  
Уж подлинно, что там чудес палата!  
Куда на выдумки природа таровата!  
Каких зверей, каких там птиц я не видал!  
Какие бабочки, букашки,  
Козявки, мушки, таракашки!  
Одни, как изумруд, другие, как коралл!  
Какие крохотны коровки!  
Есть, право, менее булавочной головки!» —  
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!  
Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —  
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:  
Слона-то я и не приметил».

### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сын отечества. 1814. Ч. XVIII. № 40. С. 69.
2. Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 152.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Уставы 1803, 1836 гг. Формирование музеев на базе коллекций как следствие усовершенствования организации академической науки и развития различных отраслей научного знания.*

Поступательный ход экономических преобразований в государстве требовал и организационных перемен в главном научном учреждении страны – Академии наук. Кунсткамера – Академический музей являлась неотъемлемой составляющей Академии, богатым хранилищем научных приборов, собраний редкостей.

Еще в Регламенте 1747 г. на содержание Кунсткамеры и Библиотеки отводилось две тысячи рублей, а для покупки препаратов для Кунсткамеры отводилась особая сумма. К концу XVIII в. жизнь Академии и соответственно академического музея вошла в кризисное состояние. Благодаря инфляции при царствовании Екатерины II бюджет Академии обесценился, не хватало денег на содержание академиков, организацию экспедиций, покупку новых предметов в музей.

Устав 1803 г. попытался разрешить возникшие проблемы: музей препоручается управлению академика, избранного Конференцией по большинству голосов. Академик получает прибавку к жалованью. Управляющий музеем академик имеет своих помощников, писца и достаточное число «нижних служителей». Президент Академии назначает два дня в неделю для посещения «всех тех, кои пожелают» видеть коллекции. Верхняя и нижняя обсерватории со всеми инструментами препоручаются двум астрономам; физический кабинет – физико-математику; зала моделей – механикам; ботанический сад – ботанику; химические лаборатории – двум химикам; анатомический театр – анатомику (§ 121).

Развитие Академии наук продолжалось, потребности ведущего научного учреждения страны выдвигали новые задачи. В 1836 г. был принят новый академический устав. В разделе «Об ученых принадлежностях Академии» ведется учет всем академическим учреждениям, как давно действующим, так и вновь сформированным. В ведении Академии находится Кабинет Петра Великого, Главная астрономическая и магнетическая обсерватории, Физический кабинет, Инструментальные мастерские, Химическая обсерватория, а также музеи: Минералогический, Ботанический, Зоологический,

Зоотомический с лабораторией, Ботанический сад, Нумизматический кабинет, Собрание азиатских и египетских древностей и Этнографический кабинет. Произошло разделение старейшего академического музея Кунсткамеры, фонды которой были уже переполнены, на ряд академических музеев по научным направлениям.